

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

Том 16 № 1 (2019)

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Научный журнал

Издается с 2004 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-73496 от 17.08.2018 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов»

Главные редактор

Синячкин В.П., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов
E-mail: sinyachkin_vp@rudn.university

Заместитель главного редактора

Бахтикирева У.М., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, Российский университет дружбы народов
E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

Ответственный секретарь

Валикова О.А., доктор философии (PhD), научный сотрудник УНИП, Российский университет дружбы народов
E-mail: valikova_o@pfur.ru

Члены редакционной коллегии

Джусупов Маханбет — доктор филологических наук, профессор, Ташкентский государственный университет мировых языков, Узбекистан

Дмитрюк Сергей Валерьевич — кандидат филологических наук, редактор издательского отдела МИЛ, Россия

Евдокимова Светлана — доктор филологических наук, профессор, профессор славистики и компаративной литературы, кафедра славянских языков, Университет Браун, США

Жаксылыков Аслан Жамильевич — доктор филологических наук, профессор, Казахский национальный университет им. аль-Фараби, Алматы, Казахстан

Жаркынбекова Шолпан Кузаровна — доктор филологических наук, профессор, Евразийский национальный университет им. Л.Н. Гумилёва, Астана, Казахстан

Канаргаджа Суреш — почетный профессор, кафедра прикладной лингвистики и английского языка; директор Центра миграционных исследований Пенсильванского университета, США

Кибальник Сергей Акимович — доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ИРЛИ РАН, Санкт-Петербург, Россия

Кулибина Наталья Владимировна — доктор педагогических наук, профессор, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, Москва, Россия

Куриленко Виктория Борисовна — доктор педагогических наук, доцент, Российский университет дружбы народов

Лебедево Мария Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Дальневосточный федеральный университет, Россия

Маслова Валентина Авраамовна — доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет им. П.М. Машерова, Витебск, Республика Беларусь

Муди Эндрю — PhD, доцент, кафедра английского языка; заместитель декана, факультет искусств и гуманитарных знаний; Университет Макао, КНР

Муранска Наталия — доктор филологических наук, профессор, профессор русистики и компаративной литературы, факультет философии, Университет Константина Философа, Словакия

Протасова Екатерина Юрьевна — доктор педагогических наук, доцент, лектор, Отделение современных языков Хельсинкского университета, Финляндия

Прошина Зоя Григорьевна — доктор филологических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Россия

Руденко-Моргун Ольга Ивановна — доктор педагогических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Гюстанова Мадина Владимировна — доктор филологических наук, профессор, Линчепингский Университет, Линчепинг, Швеция

Шляхов Владимир Иванович — доктор педагогических наук, профессор, Российский университет дружбы народов

Фирман Уильям — доктор политических наук, профессор, специалист в области языковой политики, почетный профессор Университета Индианы, Центр евразийских исследований, Блумингтон, США

ПОЛИЛИНГВИАЛЬНОСТЬ И ТРАНСКУЛЬТУРНЫЕ ПРАКТИКИ

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 выпуска в год

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ

Языки: русский, английский, французский, немецкий, испанский

Опубликованные в журнале статьи индексируются в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) на базе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru (НЭБ), Академия Google (Google Scholar), Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, DOAJ

Цель и тематика

В тематическое поле журнала входят актуальные проблемы общего языкознания, лингводидактики, а также интегративные направления новейшей филологии: лингвокультурология, социолингвистика, политическая лингвистика, вопросы билингвизма, межкультурная коммуникация. На протяжении своей истории журнал презентовал стратегии эффективной лингводидактики, механизмы восприятия и усвоения иностранного языка в прагматическом аспекте, методики преподавания русского и иностранного языков и др.

Начиная с 2016 г. журнал расширяет исследовательский контекст публикаций и приглашает к сотрудничеству литературоведов, культурологов, историков, философов и других представителей гуманитарного знания. Вместе с тем особое внимание уделено краугольным вопросам современного языкознания: Языку в Человеке и Человеку в Языке; Языку в поликультурном обществе; особенностям языкового сознания билингвальной личности; механизмам восприятия и усвоения иностранного языка в когнитивном и прагматическом аспектах; лингводидактике и многим другим.

Миссия (сверхзадача) журнала — интегрировать лингвистический и экстралингвистический опыт специалистов разных стран и научных направлений с целью разработки универсальной стратегии толерантного взаимодействия между представителями различных языков и культур. Редколлегия журнала убеждена, что Язык (и свой, и чужой) может быть мостом к постижению другой культуры, ментальности, этнической сущности. Ослабление конфронтационного восприятия Другого и провозглашение самоценности каждого языка и каждого этноса в мультикультурном социуме — миссия журнала, решаемая на уровне конкретных исследовательских задач, среди которых:

- установление, описание, систематизация языковых фактов по заявленной проблематике;
- публикация результатов экспериментальных методик преподавания и изучения иностранных языков;
- исследование языковых процессов в поликультурном пространстве;
- изучение би- и транслингвальных практик в литературе и медиа и т.д.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions>

Электронный адрес: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru

Редактор: *И.В. Успенская*

Компьютерная верстка: *О.Г. Горюнова*

Адрес редакции:

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Адрес редакционной коллегии журнала «Полилингвистичность и транскультурные практики»:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, 6

Тел.: (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Подписано в печать 17.03.2019. Выход в свет 30.03.2019. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «NewtonС».

Усл. печ. л. 11,93. Тираж 500 экз. Заказ № 11. Цена свободная.

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел. (495) 952-04-41; ipk@rudn.university

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

VOLUME 16 No. 1 (2019)

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1

<http://journals.rudn.ru/education-languages>

Founded in 2004

Founder: PEOPLES' FRIENDSHIP UNIVERSITY OF RUSSIA

EDITOR-IN-CHIEF

Professor Dr. Vladimir Sinyachkin

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: sinyachkin_vp@rudn.university

VICE-EDITOR

Professor Dr. Uldanai Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of
Russia

E-mail: bakhtikireeva_um@pfur.ru

EXECUTIVE SECRETARY

PhD Olga Valikova

Peoples' Friendship University
of Russia

E-mail: valikova_o@pfur.ru

EDITORIAL BOARD

Prof. Suresh Canagarajah — Pennsylvania State University, USA

Prof. Mahanbet Dzhusupov — Uzbekistan State University of World Languages, Tashkent, Uzbekistan

PhD Sergey Dmitryuk — The Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Prof. Svetlana Evdokimova — Brown University, USA

Prof. Aslan Zhaksylykov — Kazakh National University of Al-Farabi, Almaty, Kazakhstan

Prof. Sholpan Zharkynbekova — Eurasian National University named after L.N. Gumilyov, Astana, Kazakhstan

Prof. Sergey Kibalnik — the Institute of Russian Literature (the Pushkin House), Russian Academy of Sciences

Prof. Natalya Kulibina — The Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

Dr. Viktoriya Kurilenko — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Lebedko Maria Grigorievna — Far Eastern Federal University, Russia

Prof. Valentina Maslova — Vitebsk State University named after P.M. Masherov, Vitebsk, Belarus

Prof. Andrew Moody — University of Macau, China

Prof. Natalia Muranska — Constantine the Philosopher University, Nitra, Slovak

Prof. Ekaterina Protassova — University of Helsinki, Helsinki, Finland

Prof. Zoya Proshina — Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Prof. Olga Rudenko-Morgun — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Madina Tlostanova — Linköping University, Linköping, Sweden

Prof. Vladimir Shlyahov — Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

Prof. Wiliam Firman — Indiana University, USA

POLYLINGUALITY AND TRANSCULTURAL PRACTICES

Published by the Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

ISSN 2618-8988 (online); ISSN 2618-897X (print)

4 issues per year

Languages: Russian, English, French, German, Spanish

Articles have been published in this journal are indexed by several systems: Russian Science Citation Index (RSCI), by "Electronic Scientific Library" foundation (eLibrary.ru), Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, DOAJ, Cyberleninka, State Commission for Academic Degrees and Titles of Russian Federation

Aim and Scope

The thematic field of the journal includes actual problems of general linguistics, didactics, as well as integrative areas of modern philology: cultural linguistics, sociolinguistics, political linguistics, bilingualism issues, cross-cultural communication.

During its ten-year history the Journal has been offering for discussion by the scientific community significant problems of modern linguistics: Language in Human and Human in Language; Language in a multicultural society; peculiarities of bilingual linguistic consciousness of the individual; mechanisms of perception and learning of foreign language in the cognitive and pragmatic aspects; effective strategy of linguistic didactics and many others.

From 2016, the Journal extends the research context of publications and invites for cooperation culture experts, historians, philosophers, and other representatives of the humanities.

Mission (the supertask) of the Bulletin is to integrate linguistic and extra-linguistic experience of experts from different countries and scientific disciplines. We try to develop universal strategy of tolerant interaction between people of various languages and cultures. The Editorial Board believes that the Language (Own, and Others') may not be only the barrier, but also a bridge between cultures, mentalities and ethnic identities. Our Mission may be implemented in the research tasks as:

- Identification, description, classification of linguistic facts of declared problematics;
- Publication of the results of experimental methods of teaching and learning of foreign languages;
- The study of language processes in multicultural environment;
- The study of bi- and translingual practices in literature, media; etc.

Further information regarding notes for contributors, subscription, and back volumes is available at://journals.rudn.ru/education-languages/about/submissions

E-mail: uldanai@mail.ru; vestnik_valikova@mail.ru.

Editor *I.V. Uspenskaya*

Computer design: *O.G. Gorunova*

Address of the editorial board:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph. +7 (495) 955-07-16; e-mail: ipk@rudn.university

Address of the editorial board Journal "Polylinguality and Transcultural Practices":

6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation
Ph. +7 (495) 434-20-12; E-mail: lingj@rudn.university

Printing run 500 copies. Open price.

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Peoples' Friendship University of Russia"
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

Printed at RUDN Publishing House:

3, Ordzhonikidze str., Moscow, 115419, Russian Federation,
Ph. +7 (495) 952-04-41; e-mail: ipk@rudn.university

СОДЕРЖАНИЕ

К читателям	7
Kellman S.G. Translingual Writers: Introductory Notes (Транслингвальные писатели: вводные замечания)	9
ЯЗЫКОВЫЕ КОНТАКТЫ	
Smagulova J. Language Socialization in Bilingual Families: Functional Distribution of Languages in Baby-directed Talk (Языковая социализация в двуязычных семьях: функциональное распределение языков в речи, обращенной к младенцам)	13
Куцаева М.В. Языковые биографии представителей чувашской диаспоры Московского региона	21
Сергиева Н.С. Американский этап лингвистической биографии Питирима Сорочкина.....	35
ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ИЗМЕРЕНИЕ	
Khukhuni G.T., Valuitseva I.I. Translingualism/Transculturality and Ethno-Cultural Identity: Complementarity or Conflictness? (Транслингвизм, транскультуральность и этнокультурная идентичность: комплементарность или конфликтность?)	45
Смирнова А.И. Феномен Ч.Т. Айтматова: к 90-летию со дня рождения писателя	52
Amineva V.R., Yuzmukhametova L.N. Self-Identification of R. Bukharayev's Lyrical Subject (as seen in A Wreath of Wild-Growing Sonnets) (Пути самоидентификации лирического субъекта Р. Бухараева (на материале цикла «Венок дикорастущих сонетов»)).....	63
Демченко А.С. Транскультурация героя в романе Г. Бельгера «Дом скитальца»	73
ТЕОРИЯ ПЕРЕВОДА	
Markova E.A. Particle — a Small Lexical Unit or an Endless Scientific Project? (Частица — маленькая лексическая единица или бесконечный научный проект?)	84
БИЛИНГВАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ	
Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Особенности преподавания русского языка как иностранного в билингвальной аудитории.....	95
Аникина М.Н. Потенциал поликодовых сообщений в организации оперативного взаимодействия «средство обучения — пользователь»	102
КРУГЛЫЙ СТОЛ	
К 90-летию Г.П. Мельникова. Круглый стол «Системная типология языков: анализ и синтез в науке о языке», 9 ноября 2018 г.....	112
МЕМЕНТО	
Туманова А.Б. «Ничто на земле не проходит бесследно»: памяти Н.И. Гайнуллиной	125
РЕЛИЗ	
Кулиева Ш.А. «Внутри мыслящих миров»: рецензия на сборник материалов Международной научно-практической конференции «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование»	132
Лупачёва Т.А. Региональный методический семинар «Зимние чтения — 2019».....	136

CONTENTS

To our Readers	7
Kellman S.G. Translingual Writers: Introductory Notes	9
LANGUAGES IN CONTACT	
Smagulova J. Language Socialization in Bilingual Families: Functional Distribution of Languages in Baby-directed Talk.....	13
Kutsaeva M.V. Language Biographies of the Respondents of Moscow Region Chuvash Diaspora.....	21
Sergieva N.S. American Stage of Pitirim Sorokin’s Linguistic Biography	35
LITERARY DIMENSION	
Khukhuni G.T., Valuitseva I.I. Translingualism/Transculturality and Ethno-Cultural Identity: Complementarity or Conflictness?.....	45
Smirnova A.I. The Phenomenon of C.T. Aitmatov: To the 90 th Birthday of the Writer.....	52
Amineva V.R., Yuzmukhametova L.N. Self-Identification of R. Bukharayev’s Lyrical Subject (as seen in A Wreath of Wild-Growing Sonnets)	63
Demchenko A.S. Transculturation of the Hero in G. Belger’s Novel “The Home of the Wanderer”	73
THEORY OF TRANSLATION	
Markova E.A. Particle — a Small Lexical Unit or an Endless Scientific Project?.....	84
BILINGUAL EDUCATION	
Afanasieva N.D., Zakharchenko S.S., Mogileva I.B. Features of Teaching Russian as a Foreign Language in Bilingual Audience	95
Anikina M.N. Potential of Polycode Texts for the Organization of Operational Interaction between Study Materials and User	102
ROUND TABLE	
To the 90 th Anniversary of G.P. Melnikov. Round Table “System Typology of Languages: Analysis and Synthesis in the Science of Language”, November 9, 2018	112
MEMENTO	
Tumanova A.B. Nadezhda Ivanovna Gainullina: In Memoriam	125
RELEASE	
Kulieva Sh.A. “Within the Thinking Worlds”: Feedback on “Bi-, Poly-, Translingualism and Language Education”	132
Lupachyova T.A. Regional Methodical Seminar “Winter Readings — 2019”	136

Разделяя лучшее

К читателям

2018 год завершился для нашего университета масштабной конференцией, проводимой под эгидой МАПРЯЛ, — «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование». В четвертый раз РУДН предоставил ученым из России, СНГ и дальнего зарубежья площадку для обмена мнениями — как pro, так и contra. Что такое художественный билингвизм и можно ли оценивать его положительно? Существуют ли объективные способы описания частного и коллективного языкового бытия? Каким должен быть подход к преподаванию языка в билингвальной аудитории, чтобы достичь максимального эффекта? Концептуальное поле филологического направления «Полилингвистика», как показали итоги конференции, постепенно обогащается новыми методологическими разработками, инструментами и гипотезами. Избранные доклады (Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцевой, В.Р. Аминовой, Л.Н. Юзмухаметовой, А.С. Демченко) мы предлагаем Вашему вниманию на страницах первого номера. Особая гордость редакции — приветственная речь признанного специалиста в области художественного транслингвизма профессора Стивена Келлмана, сопровождающаяся видеоссылкой.

Наша постоянная рубрика «Языковые контакты» посвящена проблеме языковой трансмиссии. «Художественное измерение» откроет Вам имена талантливых транслингвальных авторов и позволит вникнуть в поэтические тонкости создаваемых ими миров. Круглый стол в этом номере мы посвящаем памяти выдающегося ученого, автора теории системной лингвистики Г.П. Мельникова.

Каждая теория должна пройти проверку на прочность. Ждем Ваших pro et contra.

С уважением, главный редактор В.П. Синячкин,
заместитель главного редактора У.М. Бахтикиреева

Sharing the best

To our Readers

The year 2018 ended for our University with a large-scale Conference “Bi-, Poly-, Translingualism and Language Education”. For the fourth time, RUDN gave scientists from Russia, the CIS and other countries a platform for exchanging views, both pro and contra. What is literary bilingualism and is it possible to evaluate it only positively? Are there objective ways to describe personal — and collective — language being? What should be the approach to language teaching in a bilingual audience in order to achieve maximum effect? The conceptual field of the philological direction “Polylinguality”, as the results of the Conference showed, is gradually enriched by new methodological developments, tools and hypotheses. On the pages of the first issue (G.T. Khukhuni, I.I. Valuitseva, V.R. Amineva, L.N. Yuzmukhametova, A.S. Demchenko) we would like to offer you the most interesting reports. Our special pride is Complementary speech by Professor Steven Kellman, an expert in the field of artistic translinguism. The text is accompanied by a video link.

Our regular heading “Language Contacts” is devoted to the problem of language transmission. The “Literary Dimension” will open to you the names of talented translingual authors, allowing you to penetrate the poetic subtleties of the worlds they create. The Round Table in this issue we dedicate to the memory of the outstanding scientist, the author of the theory of System typology of languages G.P. Melnikov.

Each theory must pass a strength test. We are waiting for your pro et contra.

Sincerely, Editor-in-Chief V.P. Sinyachkin,
Vice-Editor U.M. Bakhtikreeva

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12

Translingual Writers: Introductory Notes

Steven G. Kellman

University of Texas at San Antonio
1 UTSA Circle, San Antonio, TX 78249, USA

Fellow scholars, I'm delighted and honored to speak with you. I'm especially pleased, that scholars in multilingual Russia are conducting research into literary translingualism. Please, accept my regrets that I cannot be with you today in Moscow and I apologize for speaking English. Many years ago, during the semester that I spent teaching down at the Tbilisi State University I could manage a conversation in Russian, though in Georgian accent, but I'm afraid that my command of the language has deteriorated and it is now "ochen' plokho".

I want to offer a few brief comments about literary translingualism, which I define as a phenomenon of writers who write in more than one language when the language is other than their primary one. Probably, the most famous translingual authors of the 20th century are Joseph Conrad, Samuel Beckett, and Vladimir Nabokov. But there are many-many others. Conrad, born Józef Korzeniowski in what is now Ukraine, became one of the greatest modern English novelists. Then he came to English, after Polish and French, as his third language. Born in Ireland, Beckett wrote compellingly in his native English, but he made even more of mark in an adopted language, French. Nabokov was trilingual and wrote in various times in Russian, French, and English. Many other authors of North switched into or out of Russia. Among them: Nikolay Gogol, Isaak Babel, Else Thioley, Andreï Makine, Joseph Brodsky, Fazil Iskander, Chinghiz Aitmatov, and Gary Shteyngart. I hope that you will teach me about many others.

We can all appreciate how very difficult it is to write well in our first language. Writing a book, according to George Orwell, is a horrible, exhausting struggle like a long bout of some painful illness. So, why would anyone take an additional handicap of seeking expression in an adopted language? Nabokov claimed that switching languages was quite exceedingly painful, like learning anew to handle things after losing seven or eight fingers in an explosion. According to the philosopher George Santayana, who wrote in English, though his native language was Spanish, "It is impossible to write poetry, except in the language one's mother sang lullabies". The examples are Patriarch, Rainer Maria Rilke, Fernando Pessoa, Kamila Dus, and many others referred Santayana.

War, disease, famine, tyranny, terrorism, natural disaster, and economic hardship have contributed to an unprecedented movement of human beings in recent decades. Migrants now constitute 3,4 percent of the world's population. Many of them adopt the language of their new host nation. Not all migrants are writers and not all translinguals are migrants. But unprecedented mobility is surely a factor in burgeoning of translingual literature.

But so are canons, when the chances of writing a bestseller are much greater in English and Chinese, each of which has more than one billion speakers, than Maltese, which has barely half a million speakers.

Latin, Sanskrit, Persian, Arabic, Spanish, Russian, Chinese, and English have been the languages of powerful empires, whose subjects were encouraged to adopt the dominant language, even if it was not their maternal tongue. The canon of Latin literature, for example, was a non-small measure of the creation of men who adopted the language of Rome, even though there were like “Seneca” Quintilian, Martial, and Lukan from Spain. Let’s just say that when translingual writing is currently flourishing it possesses an ancient pedigree. Translingual writing may well be developed as a practical matter, shortly after the invention of writing itself. It is quite possible that Etruscans and Italians, Carthaginians and other people of the Mediterranean basin and Asia Minor appropriated a newly devised alphabet brought by the sea Phoenicians, not only by adapting it to their own unlettered tongues, but also by writing in Phoenician, probably, not an epic poetry, but at least invoices for their commercial transactions with the Phoenicians. Even earlier, as far back as the 23rd century BCE, the 1st poet history knows by name, Enheduanna, the only daughter of the powerful Akkadian, king Sargon, composed her poetry in Sumerian, though her 1st language was probably Akkadian.

A few distinctions are necessary. To the extent that we all are constantly negotiating different registers of language: formal, intimate, professional, colloquial, regional, slang, etc., we are all multilingual. But an ISO lingual writer is one who like John Keats or Fyodor Dostoevsky writes exclusively in L1, the native language. However, an ISO lingual translingual, if that is not an oxymoron is a writer who switched languages but writes only in an adopted language. Examples include Joseph Conrad who wrote only in English, Ilyas Kennedy who wrote only in German (not his native Ladino), Chinua Achebe wrote only in English not his native Igbo, and Asia Jabar who wrote only in French not her native Burbo. By contrast what could be called ambilingual translingual is an author who writes in more than one language. Examples include Patriarch, who wrote poetry in both Latin and Italian, André Brink who wrote both in Afrikaans and English, Muhammed kbal, an important figure in both Urdu and Persian literatures, and Mendele Mocher Sforim, a pioneer in both modern Yiddish and modern Hebrew prose.

Why is the study of translingualism so important? The Indian novelist Radja Rao dismissed out of hand, the important thing he contented in English not his native Kannada, is not what language wants write in, for language is really an accidental thing. What matters is the authenticity of experience and this can generally be achieved in any language. However, according to philosopher Ludwig Wittgenstein (quote): “The limits of my language are the limits of my mind”. Most other translinguals disagree with row. They are implicitly or even explicitly warfians, linguistic determinants for whom each language entails a unique Weltanschauung. An Anglophone writer cannot easily express states of mind signified by the Russian words “poshlost” and “toska”, which have no exact equivalence in English. Conversely, the Russian language, which has no articles does not naturally distinguish between the statements “I read the book” and “I read a book”. Each language provides a different template, through which we apprehend such conceptual categories as time, space, quantity, colour, and gender. Quote “We dissect nature along

lines laid down by our native languages”, declared Benjamin Whorf. Switching languages means altering the contours of the literary universe.

Though immigration, colonialism and commerce might be the most common motives for writing in an adopted language. Literary translanguaging, as an assertion of free will, just for the hell of it, might provide the most interesting cases. They would include Oscar Wilde, the Irish author who composed his play “Salome” in French rather than his native English. In order to shock and taunt the English Ireland are historically oppressors. Another Irishman Samuel Beckett switched from English to French, merely because he wanted to. After considerable success writing fiction in English, Jhumpa Lahiri the Bengali-American writer fell in love with and began writing in Italian which she describes as quote “A language that has nothing to do with my life”. It takes a particular willfulness to write poetry or fiction as some have done in Esperanto, the artificial language invented in late 19th century that is a native language of virtually no one.

Choosing to write in an adopted language constitutes an act of self-invention, often signified by a new name. Karen Blixen became Isak Dinesen when she wrote in English rather than her native Danish. Ngũgĩwa Thiong’o became James Ngugi when writing in English rather than Gikuyu. And Shmuel Yosef Halevi Chachkes, a native speaker of Yiddish, became S.I. Agnon in Hebrew. It is precisely because he resists changing identities despite living in the United States for most of his life. Czesław Miłosz continued writing in Polish. Quote “In my rejection of imposing a profound change of myself by going over to writing in a different language I perceive a fear of losing my identity”, he declared.

Multilingual awareness endows translanguaging writers with a double consciousness. Translanguaging also facilitates the defamiliarization, that Viktor Shklovsky contented was the essential quality of aesthetic perception. It is too easy to ramble on in one’s primary language without conscious attention to particular words, but in an adopted language impedes fluency and enforces concentration. Puerto Rican novelist Rosario Ferré wrote her books sometimes in her native Spanish and sometimes in English. She explained (quote): “English makes me slow down. I have to think over what I’m going to say twice, maybe three times, which is often healthy, because I can’t put my foot or rather my pen in my mouth so easily”. Every translanguaging writer is translanguaging in *his or her own way* and on other occasion I would love to talk about such cases as you go Hamilton, whose Irish nationalist father punished him for speaking English rather than Irish, but who writes his books in the forbidden tongue. Andrei Makine, the Russian born author whose novels are keen to his adopted French. Yōko Tawada, who wrote writes in both Japanese and German. Gideon Levy, the 1st American to publish a novel in Japanese, and Felix Paul Greve who began his career in Germany, and German faked his own suicide and resurfacing Canada writing in English under the name Frederick Philip Grove. Walter Benjamin observed that (quote): “All translations aspired to a pure language”. I would argue that translanguaging aspires to panlingualism, the impossible simultaneity of all languages. The translanguaging project rejects confinement to the *Weltanschauung* of a single language. The urge to accumulate languages culminates in a “*reductio ad infinitum*”. The dream of transcending all languages is to arrive at the space of universal truth. Every language is, according to Fredric Jameson’s metaphor borrowed from Friedrich Nietzsche, “a prison house”, but the native language is probably the most constraining facility. It is too easy just to stay within its walls. Acquiring another language

provides the ladder by which to scale those walls, although it means landing in another prison. The transfer at least brought from one's perspective liberates what to think about penal institutions. Translingualism, writing in a required language and codeswitching, mixing languages within a single text are literary weapons in the struggle against monolithic thinking. Just as white is not an absence of colour but a blend of all colours, silence toward which Backett's translingual fiction aspires is the realization of all language.

I hold on the brink of silence, wishing you much success in your research on translingualism, because no scholar can possibly master more than a handful of languages, the study of translingualism is by necessity a collective enterprise. I applaud the work of this Conference and support mutual enlightenment and I look forward to the opportunity to speak with many of you in person soon. До свидания!

© Kellman S.G., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Article history:

Received: 16.11.2018

Accepted: 10.01.2019

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Kellman, S.G. 2019. "Translingual Writers: Introductory Notes". Polylinguality and Transcultural Practices, 16 (1), 9—12. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12

Link to Video: <https://vimeo.com/301079916>

Bio Note:

Steven G. Kellman is a Professor of Comparative Literature at University of Texas at San Antonio. E-mail: steven.kellman@utsa.edu

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 16.11.2018

Дата принятия к печати: 10.01.2019

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Келлман С. Дж. Транслингвильные писатели: вводные замечания // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 9—12. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-9-12

Ссылка на видео: <https://vimeo.com/301079916>

Сведения об авторе:

Стивен Келлман — профессор сравнительного литературоведения в Университете Техаса в Сан-Антонио. E-mail: steven.kellman@utsa.edu

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-13-20

Language Socialization in Bilingual Families: Functional Distribution of Languages in Baby-directed Talk

J. Smagulova

KIMEP University
4 Abai Avenue, Almaty 050010, Kazakhstan

This paper analyzes language socialization practices in relation to revitalization of Kazakh and maintenance of Russian in urban bilingual families. It draws on audio data of self-recorded baby-directed talk. The analysis reveals that language practices re-produce the social order in which Russian is a more valuable and powerful linguistic resource than Kazakh. This implicit ideology of privileging Russian may explain how and why young children in urban Kazakh families are turning out to be Russian-speaking despite quantitatively dominant input in Kazakh.

Key words: language socialization, language ideology, bilingualism, Kazakh, Russian, baby talk

1. Introduction

This paper analyzes language socialization practices in relation to Kazakh revitalization and maintenance of Russian by analyzing baby talk. Baby talk (also referred to as child-directed talk, infant-directed talk, caregiver language, ‘motherese’, ‘parentese’) is a specific register of language directed to young children (infants and toddlers) in their preverbal stage [1–3].

Baby talk was not something I intended to study when I began my fieldwork. During initial observations, my primary focus was on the interaction between adults and older children so little attention was paid to adult-baby interactions. Only later, when I started transcribing audio-recordings and analyzing my notes, I became aware of babies’ ‘omnipresence’. Since babies were confined to home, most recordings included them as participants. More importantly, there was a notable difference in bilingual adult’s language choices when addressing babies and the older kids. Babies were not only more likely to be addressed in Kazakh but as children they were also a principle target for talking Kazakh. Naturally, this observation raised a number of questions:

- What is the use of Kazakh and Russian with and around babies?
- What types of baby-centered activities can be identified?
- What is the use of languages for these activities? How often and how consistently?
- What is the pattern of code-switching in baby-directed talk?
- What language ideologies contribute to maintenance of Russian?

The analysis of child-adult interaction is based on the approach developed within language socialization tradition (see [4] for program paper and [5] for the edited volume of current research) that has examined child-directed talk “within its socio-cultural and historical context, as a practice influenced by a community’s ideologies concerning care

giving, childhood, development, learning, competence, and communication” [3. P. 552]. Language socialization approach recognizes that cultural reproduction and social change is a dynamic process of a novice becoming an expert through participation in recurrent communicative practices and interaction with more knowledgeable practitioners. Central for language socialization enquiry is a focus on language and other semiotic resources as both a means and endpoint of the socialization process [6–9].

This dynamic view of language recognizes that language is not only “a tool to express, represents, or transmit ideas from one speaker to another”, but also a powerful tool of socialization and “production of experience” [10. P. 295]:

Viewing language as a socially organized system allows for the recognition that meaning itself can come to be determined based on regular co-occurrences of forms and functions. Specific linguistic forms come to be regularly and conventionally associated with particular situational features in such a way that when the form is used it evokes the larger contextual frame.

Ochs and Schieffelin argue that such (an) indexicality based model allows the researchers to explain not only why children acquire particular linguistic forms but also why they do not acquire the form despite the presence of the form in the input from experts. “Children’s nonuse of grammatical forms may be a reflection of their indexical sensitivities and not a reflection of their lack of grammatical competence or awareness” [7. P. 169]. Analysis of language socialization practices also helps to explain why and how children may not be learning the languages of their bilingual or multilingual communities. In multilingual communities, different languages may be valued differently; adults’ practices of language choice and code-switching may signal the values attached to each language. Language socialization studies of bilingual and multilingual communities show that coexistence of two or more languages:

is rarely neutral or unproblematic state of affairs, it tends to be a focal point of cultural elaboration and social conflict with complex linkages to other, equally contested issues. Language differences (either real or perceived) may map onto and index, or may be used to constitute and reinforce, the boundaries of other social categories and divisions based on such notions as ethnicity, nationality, race, class, gender, religiosity, and generation [9. P. 350].

Through participation in social activities involving code selection children acquire values associated with each code and this cultural knowledge impacts the acquisition of codes [7. P. 188]. In this paper I will show how knowledge of Kazakh and Russian are transmitted to children along with their social values in such a way that leads to a language shift to Russian.

2. Findings

The chapter draws on 20 hours of self-recorded audio data of natural interaction between adults and children at home. All interactional audio data were transcribed broadly. After that, I have selected episodes of baby-directed talk containing code-switching between Kazakh and Russian (around 200 minutes). Finally, I transcribed in greater detail and analyzed episodes of talk in the most frequently occurring child-centered activities. For analytical purposes, I divided activities into three broad categories: nurturing (e.g.,

feeding, changing, soothing, and minding — merely being present to ensure the child’s safety), pedagogizing (e.g., labeling, prompting and questioning) and entertaining (e.g., play, games, singing songs, listening to music, playing on game consoles and watching TV). Total time of these episodes is 34 minutes 45 seconds. Play activities are the most frequently occurring material in the data and the selection below reflects that fact. There are 12:55 minutes of play activities. This is followed by feeding activities (10:20 minutes), minding activities (6:35 minutes), and dressing/changing activities (6:00 minutes).

The quantitative data clearly points to differences between child-directed talk in Kazakh and Russian. While caretakers use more Kazakh than Russian when speaking with the infant, the bulk of the things they say in Kazakh are affectives and interrogatives. Together they make 55,3 percent of the tone units said in Kazakh while only 12,6 percent of the Russian sample are endearments and questions. In contrast, half of the utterances in Russian are directives in comparison to only 9 percent of the Kazakh sample.

Table 1

Comparison of frequencies of ‘baby talk’ features in Kazakh

Features	Kazakh	Russian
Total number of tone units (lines in transcript)	199	110
Directives	18 (9%)	55 (50%)
Praising	1 (0,5%)	4 (3,6%)
Affectives	61 (30,7%)	5 (4,5%)
Interrogatives (rhetorical)	29 (19,6%)	5 (4,5%)
Interrogatives (1 st pair part)	10 (5%)	4 (3,6%)
Distinct phonological modifications	155 (77,9%)	41 (37,3%)
Repetitions of the previous tone unit	43 (21,6%)	19 (17,3%)

The example below shows contrastive use of Kazakh and Russian for play and real work tasks. This interaction starts with Grandfather expressing his endearment while hugging and kissing his grandchild (lines 1–2). Then Grandfather invites the child to play with him the pointing and labeling game by enquiring what the child wants “**ne kerek?**” (‘what do you want’) in lines 4–6. However, as soon as he lets the baby move off from his lap (line 7), the child either grabs or tries to reach for some object (line 8) which the adult finds unsuitable for boy. He tells the child that he does not need it ‘you don’t need this, it’s kaka’ (lines 9–12), gets up to put it away (line 13–15), and returns to asking what the child wants (lines 16–17).

Extract 1 “Eto kaka (It’s kaka)”

Granddad and Baby (11 months old) are sitting in the middle of the room. The boy is on his grandfather’s laps. Around them are various things and toys.

1. Granddad: ((very high pitch while kissing and hugging)) **altynym menim QA: Jdeken?**
‘where is my golden?’
(.)
2. ((high pitch)) **kokem menim QA Jdeken?**
‘where is my dear?’
3. AJtshytaghy:
‘tell me again’
(.)
4. ((soft)) **NE kerek?**
‘what do you want’

5. ((*high pitch, softer*)) **NE kerek?**
'what do you want?'
6. Baby: Eh-eh
7. ((*breathy voice*)) **ah-ah-ah,**
'endearment'
(around this time he lets the baby from his laps)
8. Baby: e: [e: ((*Baby reaches for some object*))
9. Granddad: ((*whispers*)) [eto ne NAdo.
'(you) don't need this']
10. ((*quietly*)) eto KAKa.
'it's kaka'
11. ((*soft*)) kaka.
12. ((*soft*)) kaka.
13. ((*very quietly while pointing*)) VO:n tuda smotri,
'look up there'
14. ((*whispers*)) polozhim.
'we will put (it)'
15. (11.0) ((*gets up, walks, puts the object away and returns*))
16. ((*high pitch, louder*)) **ZHA: nym menim a: KEM menim,**
'my dear, my father'
17. ((*high pitch*)) **NE kerek?**
'what do you want?'

Code-switching from Kazakh to Russian marks a shift in footing from play to serious authority-laden activity. It happens at the crucial moment when the caretaker prevents a potentially risky situation by stopping the child 'you don't need this' (line 9); downshifting in volume accompanying shift to Russian also seem to mark the seriousness of the situation. When the problem is resolved, the granddad re-invites the child to play. At the same time he shifts back to the baby talk register, switches to Kazakh, and speaking at a normal volume (line 16). Such contrastive use of codes used to accomplish different functions (play vs. real adult work) signals the seriousness of the speaker's intent. I would also like to point to endearments "ah-ah-ah" in line 7 and "zhany^m menim akem menim" ('my dear, my father') in line 16. These Kazakh endearments appear at sequence boundaries, while the main/serious talk in between is in Russian.

This exchange demonstrates several points. Firstly, it gives an example of the contrastive use of Russian and Kazakh for different activity types. Kazakh co-occurring with other 'baby talk' features is reserved for play activity while Russian is used for 'non-play' real work. Phonological shift and code-switching signal the moments of shift in interaction from one activity to other. Secondly, the sequence is yet another illustration of the division of labor between Kazakh and Russian as discovered by the quantitative analysis. As in the previous example, affectives like 'where is my golden?' and interrogatives 'what do you want?' are in Kazakh, while warning 'it's kaka', directing 'look up there' and informing 'we will put it (here)' are in Russian. Thirdly, the exchange further exemplifies the co-occurrence of Kazakh with other features of the baby talk register such as phonological modifications, repetitions, use of stereotypical endearments and rhetorical questions. The frequent use of the same formulaic expressions in Kazakh leads to a situation when the input in Russian the baby receives from his grandparents is much richer lexically and grammatically. Fourthly, the structure of this and the previous interaction sequences is

similar: with the main talk in Russian (lines 17–22) bracketed by talk in Kazakh. This continuous flow of talk in Kazakh around ‘main/serious talk’ in the form of ritualized prompts (‘tell me’), questions (‘what do you want?’) and endearments in the question format like ‘where is my golden?’ and ‘where is my dear?’ allow the caregiver to maintain the conversational-like engagement. It is a mode of response organized by the nature of the adult-baby interaction when there is little expectation of verbal reply. Snow [11. P. 20] argues that use of turn-passing devices such as questions are “directed towards keeping the conversation going”. She continues by stating that because very often these turn-passing units are not followed by any behavior which could be interpreted as communicative, the speakers are “forced into conversational repair procedures such as repetition or taking the baby’s turn” [P. 20]. All in all, talk in Kazakh is a pretend conversation and quite often it sounds as a self-talk. It resonates well with the first point: Kazakh and Russian are used contrastively for real and play activities, for real and pretend talk.

Thus through repeated practices using Russian for real, serious and authority-laden activities and Kazakh for pretend, play and scripted activities, and for marking talk sequence boundaries, the adults seem to re-produce the social order in which Russian is a more valuable and powerful linguistic resource than Kazakh. This implicit ideology of privileging Russian prepares grounds for eventual shift to Russian as the child grows older. There are many ways the caregivers systematically construct the infant as Russian-speaking in their everyday language practices. They habitually insert focal words in Russian in what seems to be a talk in Kazakh, conduct verbal tutoring in Russian, and teach Kazakh through Russian. In the end, all these practices ensure that the child grows up speaking Russian as a dominant language.

The table below shows all the nouns used by the grandparents in the sample. The number in parenthesis shows the number of the noun tokens in the sample of baby-directed talk.

Table 2

List of nouns and their frequency in baby-directed talk¹

Kazakh nouns	Russian nouns	Special baby talk terms	Bivalent nouns
ākem ‘my father’ (24) zhanyam ‘my dear’ (33) qulynym ‘my fawn’ (24) balapanym ‘my chick’ (6) botam ‘my baby camel’ (1) kōkem ‘my dear’ (3) tamaq ‘food’ (1) ajaq ‘foot’ (9) auyz ‘mouth’ (3)	mashina ‘car’ (4) miachik ‘little-ball’ (4) palchik ‘little-finger’ (3) nozhki ‘little-feet’ (1) molodets ‘good boy’ (2) vermishel’ ‘vermicelli’ (1) lozhka ‘spoon’ (2) miaso ‘meat’ (1) glaz ‘eye’ (3) iazyk ‘tongue’ (1) pechenie ‘cookie’ (1) tantsy ‘dance’ (1)	bibi (24) kaka (4)	ata ‘grandfather’ (23) mama ‘mom’ (1) papa ‘dad’ (2) azhe ‘grandmother’ (1) noski ‘socks’ (6) televizor ‘TV set’ (5) radio ‘radio’ (3)
Noun types: 9 Tokens: 104	Noun types: 12 Tokens: 24	Noun types: 2 Tokens: 28	Noun types: 7 Tokens: 41

¹ I am aware that assigning words as pertinent to Kazakh or Russian is not unproblematic. My choice was mainly based on the fact whether a word I assigned as Russian has a well-known and widely used Kazakh equivalent (e.g., adults used a Kazakh equivalent among themselves). When in doubt, the word was classified as bivalent (Woolard 1999).

The data summarized in the table shows that the number of tokens of Kazakh nouns is much higher than the occurrence of Russian nouns (104 vs. 24). However, a close inspection reveals that the list of Kazakh nouns consists mostly of nouns used as a part of endearment formulas. The first six nouns appear in the caregivers' talk only in a possessive form. That leaves only three last nouns on the list that were used to label the objects around the child in Kazakh, or 13 tokens. On the other hand, the list of Russian nouns is four times longer (3 Kazakh nouns, which are not part of endearment formulas, vs. 12 Russian nouns) and their number of tokens is almost twice higher (13 tokens vs. 24 tokens). The quantitative data clearly shows that the adults tend to label the objects around the baby in Russian. By doing so, they systematically enrich the child's vocabulary with the Russian lexical items while the child receives little input of the new Kazakh lexicon. The existence of such language practices implies that the adult projects the child as Russian-speaking.

The strongest evidence that the adults see the baby as Russian-speaking comes from observing caregivers as they engage the child in the verbal game of labeling, in Kazakh. Grandfather was pointing at the body parts and naming them in Kazakh: “*ajaq*” (‘foot’), “*bas*” (‘head’), “*köz*” (‘eye’), “*qulaq*” (‘ear’). However, then he prompted the child to repeat by saying “*Skazhi ajaq*” (‘Say foot’) which reveals that the adult perceives Kazakh only as a second language for the child. Thus, this attempt to teach the child some Kazakh words only underscores the fact that the caregiver regards the child as Russian-speaking who needs to be taught Kazakh through Russian.

3. Conclusion

The paper demonstrates that a study of caregiver's language socialization practices could provide us with insights into the way ideologies, beliefs, values, normative expectations, and indexical meanings organize the process of a young child becoming a competent member of society. Our data shows how in the process of language socialization children are socialized to linguistic order which privileges Russian and devalues Kazakh. While Kazakh is preferred for expressing emotions and linked to ritualized, highly scripted activities such as plays and traditional verbal games, it is Russian that caretakers rely on when deal with serious tasks at hand and more crucial, real-life speech activities. Consequently utterances in Kazakh are more likely to convey old or no information in comparison to utterances in Russian, and input on Russian is lexically richer than input in Kazakh. At the same time, language practices seems to suggest that adults project the child as Russian-speaking. Adults systematically engage children in explicit teaching activities by labeling the world around in Russian while equivalent activities in Kazakh are notably absent. To conclude, language socialization of pre-verbal children merits our serious attention as it shapes children's language development and it is consequential for language revival.

Transcription conventions

Russian	Russian
Kazakh	Kazakh
Word	badly distorted Kazakh
(.)	short pause
(3.0)	pause of three seconds

=	latching
word-	word or sound is cut off
:	lengthened sound
.	fall-to-low intonation
?	rise-to-high intonation
,	rise-to-mid intonation
;	fall-to-mid intonation
baby	underline indicates high pitch characteristic to baby talk
YES	stress, emphasis
()	inaudible talk
(word)	talk is not clear
(())	stage directions
[]	overlapping talk
↑	pitch step-up
↓	pitch step-down

References

1. Ferguson, C. 1964. "Baby talk in six languages". *American Anthropologist* 66 (6/2): 103–114. Print.
2. Garrett, P. 2008. "Researching language socialization". In K. King & N. Hornberger (eds.), *Encyclopedia of Language and Education*. 2nd edition, Vol. 10: Research Methods in Language and Education, 189–201. New York: Springer. Print.
3. Ochs, E., O. Solomon, and Sterponi L. 2005. "Limitations and transformations of habitus in Child-Directed Communication". *Discourse Studies* 7 (4–5): 547–583. Print.
4. Schieffelin, B., and E. Ochs. 1986. "Language Socialization". *Annual Review of Anthropology* 15: 163–191. Print.
5. Duranti, A., E. Ochs, and Schieffelin B. (eds.). 2011. *The Handbook of Language Socialization*. Oxford: Blackwell. Print.
6. Ochs, E, and B. Schieffelin. 1984. "Language Acquisition and Socialization: Three Developmental Stories". In *Culture Theory*, 276–320. New York: Cambridge University Press. Print.
7. Ochs, E. and B. Schieffelin. 2011. "The Theory of Language Socialization: In The Impact of Language Socialization on Grammatical Development. Web. Available from: https://files.nyu.edu/bs4/public/Bambi--Website_Assets/BBS%20PDFs/LangSocGramDevel_cpt.pdf
8. Schieffelin, B. and E. Ochs. 1986. *Language Socialization Across Cultures*. New York: Cambridge University Press. Print.
9. Garrett, P., and P. Baquedano-Lopez. 2002. "Language Socialization: Reproduction and Continuity". *Annual Review of Anthropology* 31: 339–361. Print.
10. Budwig, N. 2001. "Language Socialization and Children's Entry into Schooling (Preface to Special Issue)". *Early Education & Development* 12(3): 295–302. Print.
11. Snow, C. 1977. "The Development of Conversation between Mother and Babies". *Journal of Child Language* 4: 1–22. Print.

© Smagulova J., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Article history:

Received: 17.11.2018

Accepted: 06.01.2019

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Smagulova, J. 2019. “Language Socialization in Bilingual Families: Functional Distribution of Languages in Baby-directed Talk”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 13—20. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-13-20

Bio Note:

Juldyz Smagulova is a PhD, Candidate in Philology, Director of the Language Centre of KIMEP University, Kazakhstan. E-mail: juldyz@kimep.kz

Языковая социализация в двуязычных семьях: функциональное распределение языков в речи, обращенной к младенцам

Ж. Смагулова

КИМЭП

Просп. Абая 2, Алматы 050010, Казахстан

В данной статье анализируются практики языковой социализации и их влияние на процессы возрождения казахского языка и сохранения русского языка в городских двуязычных семьях. Работа опирается на анализ аудиозаписей речи взрослых, обращенной к младенцам. Анализ показывает, что языковые практики воспроизводят социальный порядок, в котором русский язык конструируется как более ценный лингвистический ресурс по сравнению с казахским языком. Эта скрытая идеология привилегирования русского языка ведет к тому, что маленькие дети в городских казахских семьях вырастают русскоязычными, несмотря на количественное преобладание казахского языка в речи взрослых, обращенной к младенцам.

Ключевые слова: языковая социализация, языковая идеология, двуязычие, казахский язык, русский язык, baby talk

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 17.11.2018

Дата принятия к печати: 06.01.2019

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Смагулова Ж. Языковая социализация в двуязычных семьях: функциональное распределение языков в речи, обращенной к младенцам // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 13—20. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-13-20

Сведения об авторе:

Смагулова Жулдыз — кандидат филологических наук, PhD, директор Языкового центра КИМЭП, Казахстан. E-mail: juldyz@kimep.kz

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-21-34

Языковые биографии представителей чувашской диаспоры Московского региона

М.В. Куцаева

Институт языкознания РАН

Российская Федерация, 125009, Москва, Б. Кисловский пер., д. 1, стр. 1

В статье приводятся результаты социолингвистического обследования, проведенного автором в чувашской диаспоре Московского региона. Актуальное использование чувашского языка в условиях диаспорного проживания определяется в том числе и предшествующим языковым опытом респондентов на малой родине. Выделены периоды и наиболее общие черты языковой биографии (какие языки использовались респондентами в разговоре с родителями, старшими родственниками, сверстниками до школы, при поступлении в школу; на каком языке велось обучение в начальной школе, в средней школе, в техникуме или вузе; языки общения с соседями на малой родине) позволяют выявить различные пути усвоения респондентами этнического языка.

Ключевые слова: диаспора, чувашский язык, языковая биография, чувашско-русское двуязычие

1. Введение

Чуваши, представители одного из крупнейших тюркоязычных этносов Российской Федерации [1. С. 307], расселенного на ее территории как компактно, так и дисперсно [2. С. 826], проживают в том числе и в Московском регионе. По данным переписи 2010 г., в Москве и области насчитывается 26 779 чувашей (http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm).

В социолингвистическом обследовании приняли участие 100 этнических чувашей, из них 85 респондентов принадлежат к первому поколению диаспоры: они родились в Чувашской Республике или в местах традиционного компактного проживания чувашского этноса (в Урало-Поволжском регионе) и позже обосновались в Московском регионе.

2. Результаты и обсуждение

Ниже в таблицах приводятся результаты сопоставительного анализа по когортам в выборке по периодам языковой биографии респондентов, предшествующим их переезду в Московский регион.

До школы преимущественно на чувашском языке с родителями разговаривали респонденты когорт 51—60-летних (76%), 41—50-летних (70%), лица старше

60 лет (64%), а также представители когорты 30—40-летних (61%). Место рождения и проживания респондентов — сельская местность, небольшие населенные пункты — предопределяли использование преимущественно чувашского в качестве языка внутрисемейного общения.

В детстве в деревне все по-чувашски, с родителями — на чувашском, конечно (Мария Л., 63 года).

Всегда в детстве — всегда и везде — на чувашском разговаривали (Аркадий П., 51 год).

На чувашском до школы разговаривали у нас, просто другого языка не знали! (Евгений, 32 года).

Таблица 1

Языки, используемые респондентами до школы (%)

Контекст	Язык общения/Кодовое переключение														
	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)			
Родители	41	41	18	61	22	17	70	30	—	76	24	—	64	29	7
Старшие родственники	70	12	18	70	13	17	70	20	10	90	10	—	86	14	—
Сверстники	29	47	24	61	30	9	70	30	—	71	24	5	64	36	—
Когорта	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

Table 1

Languages used by respondents before school (%)

Context	Language of Communication/Code Switching														
	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]			
Parents	41	41	18	61	22	17	70	30	—	76	24	—	64	29	7
Older relatives	70	12	18	70	13	17	70	20	10	90	10	—	86	14	—
Peers	29	47	24	61	30	9	70	30	—	71	24	5	64	36	—
Cohort	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

На русском языке в выборке общались до школы с родителями респонденты когорт 20—30-летних (41%), а также лица старше 40 лет (30%), что объясняется местом их проживания (Чебоксары, Новочебоксарск, райцентры и поселки городского типа).

Владею русским, потому что я родился в Новочебоксарске, а в свое время преимущественно только русский был язык (Алексей В., 29 лет).

При этом в подавляющем большинстве случаев родители респондентов сами были выходцами из деревни и являлись, таким образом, носителями чувашского языка, однако своим детям этнический язык они не передавали. Мотивы, которые

лежали в основе подобного языкового поведения родителей, были описаны одной из наших респонденток:

Наша мама почти пятьдесят лет прожила в поселке, а говорила все равно по-русски с акцентом. Она поэтому не хотела, чтобы у нас, у детей, был акцент в русском. С нами она говорила только по-русски с детства (Ирина Л., 50 лет).

Чувашско-русское двуязычие в семье в общении с родителями практиковали в большей мере респонденты когорт 31—40-летних (17%) и 20—30-летних (18%).

У нас в семье так сложилось, что мама в обиходе говорила на чувашском, а мы с братом отвечали на русском. Это было комфортно, никто не делал из этого проблемы. Я должна сказать большое спасибо родителям, что они меня не ограничивали и не навязывали своих убеждений. Если ребенку было комфортно говорить на языке, который он выбрал. Они просто приняли это (Татьяна К., 31 год).

Я с малых лет знал оба языка, у нас в семье оба языка практикуются, и никто не стесняется ни того, ни другого (Дмитрий М., 29 лет).

Подобный тип общения был сведен к минимуму в семьях респондентов в самой старшей когорте (7%) и совсем отсутствовал в семьях респондентов старше 40 и 50 лет.

Чувашский язык был указан в качестве основного языка общения со старшими родственниками (от 70% до 90%), так как последние проживали, как правило, в сельской местности и использование чувашского в деревне было для них естественным, а также потому, что старшие родственники, особенно лица старше 50 лет, в то время слабо владели или вовсе не владели русским языком, и даже тем респондентам, которые с родителями разговаривали на русском, приходилось в такой ситуации в определенном объеме осваивать чувашский язык.

С родителями до школы — по-русски. Но чувашский мы выучили немного — детьми. Дело в том, что бабушка приходила к нам, точнее, прабабушка для нас. Она жила с нашей тетей. Конечно, не только с бабушкой мы учили чувашский. Но с ней это необходимо было. С братом мы говорили по-русски, а с ней по-чувашски приходилось. И еще ее дочь была, тетя Маруся. Она очень часто разговаривала по-чувашски, а по-русски не очень любила разговаривать. И потом к нам деревенские старики часто приезжали домой, приходилось иногда разговаривать. А в то время мы жили у церкви. В то время церкви все позакрывали, только наша. Иногда ночевали очень много людей из деревни, разговаривали все по-чувашски (Владимир Н., 58 лет).

До школы — больше на русском, это как с детского сада началось, дома на русском языке с родителями. А с бабушкой — на чувашском! Со всеми бабушками-дедушками, потому что они не умели по-русски разговаривать. А вообще языку, чувашскому, я училась дома с ними. Потому что дома по-чувашски разговаривали. Бабушка по-чувашски разговаривала, русский язык она очень плохо знала, говорила: «Садись, садись, ешь, скусно-скусно!». Все! Вот эти слова, в принципе, и все. Остальное — чувашский язык! (Татьяна И., 35 лет).

Были бы живы дед с бабушкой, я знал бы больше чувашского! (Юрий Ч., 63 года).

Со сверстниками на чувашском разговаривали представители практически всех когорт (от 61 до 71%).

На чувашском, конечно, с ребятами в деревне (Сергей И., 47 лет).

Исключением является младшая когорта (29%), что объясняется существующей тенденцией даже в сельской местности в среде детей использовать только русский язык (47%) или преимущественно русский язык наряду с чувашским (24%) в общении со сверстниками, приезжающими из города в деревню на летние каникулы.

У нас в деревне были две девочки-подружки, они разговаривают по-русски, но чувашский тоже понимают, но не разговаривают. У них в семье принято разговаривать на русском. А нам нужно было играть, общаться, понимать. Я только с ними научилась разговаривать на русском. А кто из города приезжал, тоже было полезно (Надежда И., 22 года).

При этом доля общения исключительно на русском языке оказалась наивысшей в самой младшей когорте в выборке (47%).

Особо отметим растущую тенденцию к использованию чувашско-русского двуязычия: двуязычное общение отсутствовало в выборке у представителей когорт 41—50-летних и 61—84-летних, лишь намечалась в когорте 50—60-летних респондентов (5%), доля двуязычного общения немного возросла в среде респондентов 30—40 лет (9%) и составила уже 24% в когорте молодых людей 20—30 лет.

Таблица 2

Языки, используемые респондентами в начальной школе (%)

Контекст	Язык общения/Кодовое переключение														
	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)
Обучение в школе	35	53	12	39	47	13	50	40	10	48	43	9	50	43	7
Общение на перемене	35	53	12	65	30	5	70	30	—	71	24	5	64	36	—
В семье	35	47	18	61	30	9	60	30	10	76	19	5	57	29	14
Когорта	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

Table 2

Languages used by respondents in primary school (%)

Context	Language of Communication/Code Switching														
	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]
Schooling	35	53	12	39	47	13	50	40	10	48	43	9	50	43	7
Communication at break	35	53	12	65	30	5	70	30	—	71	24	5	64	36	—
In family	35	47	18	61	30	9	60	30	10	76	19	5	57	29	14
Cohort	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

Языком обучения в начальной школе у респондентов был либо чувашский, либо русский в зависимости от типа школы. В национальных школах, расположенных в сельской местности, таким языком был чувашский:

Это начальная школа, и было все на чувашском языке. Русский язык был как предмет, но математика, все остальные предметы — на чувашском языке (Маргарита Е., 43 года).

В школах городов, райцентров, поселков городского типа языком обучения был русский:

На русском я училась. В Чебоксарах я училась. В обычной школе. Тогда чувашский изучался только в национальных школах. Я попала в такую струю, мне кажется, как раз тогда не изучали чувашский язык (Ирина О., 33 года).

Незначительна доля ответов, согласно которым языками начального обучения выступали одновременно чувашский и русский. Вероятно, это объясняется тем, что в ряде случаев в сельских школах даже при условии обучения на русском учителя переходили на чувашский, функционально первый для большинства обучающихся язык, широко привлекали его в качестве вспомогательного средства, что позволило респондентам в ответах назвать оба языка.

Учительница нам объясняла на чувашском и на русском. Мы знали и то, и то. Она специально так разговаривала, чтобы мы быстро схватывали. Тогда же детей много было. Вот это никогда не забуду! Вот как было. Например, математика. Один плюс один. На чувашском: «Пёрре сумне пёрре хушсан миçe пулать? Сколько будет?» — «Два, иккё». Вот мы это уже знали. Да, она нас учила так на двух языках до четвертого класса (Надежда Л., 53 года).

В общении во время перемен преобладал чувашский (за исключением когорты 20—30-летних): в соотношении 65% к 35% с незначительной долей (5%) чувашско-русского двуязычия в когортах 30—40-летних и 50—60-летних респондентов. Чувашеговорящие дети даже при условии обучения на русском на переменах использовали чувашский не только в разговоре с одноклассниками, но и с учителями.

В начальной школе преподавание было, кажется, на русском, но общение шло между детьми и с преподавателем на перемене на чувашском, а занятия проводились на русском (Татьяна Т., 36 лет).

Дети, обучение которых проходило в городских школах, разговаривали на переменах на русском.

Внутрисемейное общение в этот период сохранилось в более половине случаев на чувашском во всех когортах (кроме когорты 20—30-летних): от 57% в самой старшей когорте до 76% в когорте 50—60-летних. Общение на русском колеблется в пределах 30% для всех когорт; исключением является когорта 50—60-летних, где данный тип общения составил лишь 19% ввиду того, что респонденты в основном являются уроженцами сельской местности, и самая младшая когорта, в которой общение на русском в семье достигло 47%.

Двуязычное общение в семье сохранилось лишь в когорте 20—30-летних, незначительно снизилось в когорте 31—40-летних; увеличилось или впервые появи-

лось в более старших когортах, очевидно, в связи с поступлением детей в школу: некоторые респонденты, родившиеся в сельской местности, тем не менее поступили в школы с русским языком обучения, что могло косвенно повлиять на рост двуязычного общения в семье. Инициатором внедрения русского языка в семье был, как правило, один из родителей:

Именно с папой тогда стала на русском общаться, и потом у нас было очень много гостей папиных, он был рыбак. Он в свое время учился в городе, по-русски прекрасно говорил, в отличие от мамы. Он начинал с того, как предметы называются, потом склонения, рода. Это все папа. Я ему за это благодарна (Лилия Ш., 47 лет).

До школы говорил на чувашском языке. И с родителями, и с бабушками, и с ребятами. Это чувашская деревня была. Когда в школу пошел, с мамой по-прежнему на чувашском говорил все равно. Ну мама-то, она особенно русский язык не знала. Отец иногда — да, на русском. И с братьями общались по-русски. Наверное, отцово влияние было, да, больше. Ну он говорил: «Вам же надо продвигаться. Говорить!» (Дмитрий С., 62 года)

Таблица 3

Языки, используемые респондентами в средней школе, техникуме, вузе (%)

Контекст	Язык общения/кодовое переключение														
	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)	чувашский	русский	чувашско-русский (билингвизм)
Обучение в школе	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	79	21
Общение на перемене	—	53	47	48	30	22	20	40	40	48	24	28	21	36	43
В семье	25	47	28	61	30	9	50	30	20	76	19	5	50	29	21
Дальнейшее образование	—	94	6	—	83	17	—	100	—	—	95	—	—	86	—
Когорта	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

Table 3

Languages used by respondents in secondary school, technical school, university (%)

Context	Language of Communication/Code Switching														
	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]	Chuvash	Russian	Chuvash-Russian [Bilingualism]
Schooling	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	100	—	—	79	21
Communication at break	—	53	47	48	30	22	20	40	40	48	24	28	21	36	43
In family	25	47	28	61	30	9	50	30	20	76	19	5	50	29	21
Further education	—	94	6	—	83	17	—	100	—	—	95	—	—	86	—
Cohort	20—30			31—40			41—50			51—60			61—84		

С переходом в среднюю школу у респондентов, посещавших национальную школу, согласно положениям школьной реформы 1958 года, менялся язык преподавания [3. С. 301]. Как в городских и поселковых школах, обучение в школах в сельской местности велось на русском. В связи с этим во всех когортах респонденты указали русский язык в 100% случаев, исключение составила самая старшая когорта, представители которой в 21% случаев назвали и чувашский, и русский в качестве языков обучения (вероятно, в связи с широким привлечением чувашского в качестве вспомогательного средства обучения).

Выявлена следующая корреляция: лица, посещавшие национальную школу, особенно в старших и средних когортах, отметили трудности, с которыми им пришлось столкнуться при переходе на русский язык обучения, тогда как у представителей младших когорт, вынужденных в обязательном порядке изучать чувашский язык как предмет в школах в городской среде начиная с 1990-х годов, напротив, затруднение вызывало освоение чувашского языка.

Приведем свидетельство респондента Юлии А., в свое время работавшей учителем математики в старших классах национальной школы:

Когда я в сельской школе работала в Ковалях, там до восьмого класса преподавание было на чувашском языке, а с восьмого по десятый класс — на русском, все предметы. Поэтому мы когда приехали, нам трудно было с учениками. Но мне хорошо с учениками — я объясняю им, они еще понимают. Вот физику — приехал молодой специалист вместе со мной в один год — из Ленинградского пединститута тоже по распределению, ей было очень трудно! И ученикам было трудно понять и ее саму, и физику. Ковали — деревня большая, там базар был по четвергам еженедельный, поэтому там школа была средняя, учителя в основном местные, чувашки. Нас встретили хорошо, мы разговаривали по-русски, они между собой по-чувашски разговаривали. Но я-то понимала! Они про нас вначале такие вещи говорили, что, вот, приехали, городские. Они не знали, что я чувашка, а потом узнали и извинялись передо мной! С детьми очень интересно в первый раз произошло. Один ученик <...> в десятом классе. Сидит и по-чувашски говорит: «Ничего не понимаю!» Тихо. А я, значит, подошла, наклонилась к нему и говорю ему по-чувашски: «Чего ты не понимаешь?» Гробовая тишина в классе! Все на меня уставились. И я тогда уже вслух говорю: «Чего ты не понимаешь?» По-чувашски. И вот потом пошло. И они меня на каждом уроке... пытали... вот что-нибудь заставить меня говорить по-чувашски. А им интересно было! И они поэтому вынуждали меня обязательно что-нибудь сказать! Конечно, читать-то я могу кое-что, потому что алфавит там... изменения, но я прочитаю, может быть, неправильно, а знаю, что произнести надо так! И я теоремы заучивала на чувашском языке! И я им по-русски объясню, и потом я им по-чувашски вот эту теорему прочитаю. Там что-то половина по-русски, половина по-чувашски. В общем, вот так я им вначале объясняла! Но они меня испытывали! И с родителями на собрании, они там... что-то я им по-русски. Ну раз уж по-русски, то по-русски! Но тут и по-чувашски... я им где-то чего-то скажу. В общем, я там и по-русски, и по-чувашски со всеми разговаривала. И они, в общем, когда уже последний выпуск перед отъездом был в десятом классе, они мне и говорят: «Юлия Николаевна, мы Вас научили хоть говорить по-чувашски!» (Юлия А., 84 года).

Пятый класс — переломный, ты переходишь в среднюю школу, у тебя появляется русская литература, русский язык. Ну и потом геометрия, физика, химия появляется. Все они, естественно, на русском языке. Чувашский уходит в предмет. Шок сумасшедший! Шок, ломка идет внутри. Как же так? Ай-ай-ай! Оказывается, мир-то — он не ограничивается на чувашском! Вот свой первый шок я помню. А родители — колхоз-

ники. Но для них, для родителей, это настолько было априори, что они никогда не задумывались на такие темы, как... То есть... Ничего, переживет! И таких 98% в чувашской деревне: ничего, переживут! Но у меня лично был очень большой ужас. А потом я помню, в шестые-седьмые классы, нужно же было на русских языках и литературах вставать и по-русски... говорить, то есть это достаточно большой ужас был. Но вот как-то это переламливается. Это же мы группой были. Не я один такой (Евгений С., 31 год).

Реформы 1990-х годов в сфере языкового законодательства (<http://www.advokat-profes.ru/2010-12-06-13-43-33/316-2011-04-05-13-35-25.html>) привели к введению в учебные планы даже в городских школах обязательного изучения чувашского языка как одного из государственных языков в республике, пусть и в минимальном объеме. Тем не менее респонденты младших когорт в выборке, выпускники городских школ, неоднократно подчеркивали трудности, с которыми им пришлось столкнуться при освоении этнического языка: сложности при выполнении домашней работы у одних, у других — непонимание того, зачем нужен язык, не имевший в их собственных глазах и в глазах их родителей достаточного веса и престижа, связанный скорее с деревенским укладом жизни, а значит, отсталым образом жизни.

Я училась с первого по третий классы в чувашском классе, я помню эти слезы и крики родителей, что я не понимаю, как это пишется. Где две щ, где там буква с галочкой, для меня это слезы! И потом родители писали заявление, чтобы меня перевели в русский класс. И с пятого класса я училась в русском. Без слез. Только чтение — и все! Никаких писанин, никаких диктантов на чувашском языке больше не было в моей жизни! Письмо мне очень трудно давалось. Оно само по себе ужасно трудное! Для меня лично — очень трудное! Хотя я и отличница, для меня чувашский язык — очень трудный. За меня мама писала сочинения на чувашском. Я писала на русском, а она переводила мне (Надежда К., 26 лет).

Удивительным кажется и тот факт, что этнические чуваша — горожане испытывали в целом трудности, в то время как татары, к примеру, тоже вынужденные изучать чувашский в обязательном порядке, справлялись с задачей намного легче.

У нас вообще был удивительный опыт, у нас были татары, которые с нами учились. Они намного лучше знали наш чувашский язык, потому что дома говорили на татарском! Языки похожие, тюркские, и они помогали нам с домашкой (Юлия О., 26 лет).

Впрочем, выборка не позволяет сделать окончательные выводы.

Кроме того, респондентами был отмечен достаточно формальный подход к обучению со стороны преподавателей. Приведем свидетельство:

Чувашский язык преподавался с первого до девятого класс. Это было на низком уровне, и само отношение учителей было наплевательским. Три урока чувашского в неделю. Ученики фактически в девятом классе знали на уровне: «Сколько тебе лет? Меня зовут...» Это было обязательно для всех. Мой чувашский был совсем не связан со школой. Мне ничего она не дала. Мой чувашский из деревни, из семьи. Мне было скучно, и в каком-то классе меня полностью освободили. От учащихся требовалось, чтобы они просто приходили, всем ставили пятерки чисто символически. В старших классах я учился в школе-лицее, там был распространен русский язык и шовинизм:

на уровне директора и учителей чувствовалось, когда они очень мягко говорили, что нам это, то есть чувашский язык, не нужно, вы все равно уедете из республики. К этому нас готовил лицей: что ни чувашский язык, ни чувашская культура нам в дальнейшем не понадобятся. Они этим гордились (Андрей Е., 30 лет).

Относительно общения со сверстниками на переменах отметим следующее. Во всех когортах снижается доля общения исключительно на чувашском языке по сравнению с периодом обучения в начальной школе: на 17% в когорте 30–40-летних респондентов, на 23% в когорте 51–60-летних, на 43% в самой старшей возрастной группе, на 50% в группе лиц старше 40 лет, в младшей когорте в выборке исчезает вовсе. Резкое снижение или полное прекращение использования чувашского происходит за счет, с одной стороны, роста двуязычного общения на переменах (в случае когорты 51–60-летних от 5% в начальной школе до 28% в средней школе, в когорте 31–40-летних от 5 до 22%), с другой стороны, появления лишь на среднем этапе обучения чувашско-русского двуязычия, как это произошло в самой старшей когорте (43%) и в когорте 41–50-летних (40%). Это касается тех респондентов, которые перешли на русский язык обучения с переходом в среднее звено национальных школ.

А когда после седьмого класса приехала я в Чебоксары учиться, тяжело было. В восьмом классе. В нашем классе из двух районов. Все приезжие. Городские, чебоксарские, — в другом классе. Отдельно. Конечно, мы между собой по-чувашски, потому что тяжело переходить. Барьер какой-то у нас был. Ну все-таки как-то не включается, что вот по-русски, там. Потому что ты уже думаешь только по-чувашски. Разговариваешь по-чувашски. И продолжаешь в таком же... по инерции вот. Общаться там.. по-чувашски. И у нас преподаватели делали замечания: «Хватит! Надо привыкать!» Меня это не задевало абсолютно! Они же хотели, чтобы нам это было лучше, чтобы мы научились. Правильно. Маме я никогда не жаловалась. Никогда! Даже мысли такой не было. У меня она вообще в школе не училась, безграмотная была. Поэтому у нее таких вопросов... Даже у меня вообще не возникало. И у нее тем более! (Раиса Д., 59 лет).

Общение на русском со сверстниками осталось стабильным в когортах 31–40-летних, 51–60-летних и 61–84-летних или несколько возросло в остальных когортах и касалось в основном респондентов, на тот момент учащихся городских школ и школ, расположенных в райцентрах и ПГТ.

Общение с родителями исключительно на чувашском языке, как правило, в семьях уроженцев сельской местности, осталось стабильным в когортах 31–40-летних (61%) и 51–60-летних (76%), несколько снизилось в самой старшей когорте (на 7% и составило 50%), в когорте 41–50-летних (на 10% и составило 50%), в самой младшей возрастной группе (на 10% и достигло 25%) за счет роста общения только на русском языке или на обоих языках.

Общение на русском языке, с одной стороны, или на обоих языках — с другой, осталось стабильным в силу того, что респонденты проживали либо в городской среде, либо в сельской местности, где в семье практиковалось одновременно использование чувашского и русского языков.

Представители всех когорт, продолжившие обучение в техникуме или в вузе, заявили о том, что в обучении использовался исключительно или в большей мере

русский язык. Чувашский язык, с одной стороны, являлся предметом изучения для респондентов младших и средних когорт в выборке.

У нас чувашский язык был в институте! Был, в девяносто третьем году. Городским тяжело приходилось! У кого национальный класс этот не было в школе, вот городским там — ох! Тогда в Чебоксарах везде это началось, не только у нас в институте. У нас отдельные группы были с ними. Кто национальную школу заканчивал — у нас одна. А у кого нету — они в другую группу. Там программа совсем другая была (Владимир С., 39 лет).

С другой стороны, чувашский использовался в качестве языка обучения в том случае, если респондент учился на отделении чувашской филологии или чувашской журналистики (в когортах 20—30-летних и 31—40-летних).

И дипломная работа у меня была на чувашском языке. Я же Чувашский Государственный Университет заканчивала, факультет журналистики, именно с чувашским языком. В вузе, кроме русской и мировой литературы, английского, все было на чувашском (Татьяна А., 40 лет).

Уроженцы деревень, особенно представители старших когорт, отметили, что в неформальном общении в городе они едва ли переходили на чувашский даже в том случае, если собеседник владел чувашским.

Когда учились, общались в общаге на русском, конечно. Это в Чебоксарах началось. В деревню приезжали, все — на чувашском. А так вот в общаге жили, и с ребятами, тоже чувашами, в основном на русском. Меня вот, интересно, удивлял вот такой момент. У нас вот татары были. Они за свой язык! А у нас в Чебоксарах не было такого! Как-то... непонятно просто! Ну не знаю, честно. И ведь чуваша сами! И — на русском говорят! Приучили так! Да, приучили так! (Леонид П., 62 года).

Учился я в ЧГУ, был компанейский, даже вот мы все чуваша жили в общежитии, но мы разговаривали на русском языке! А вот так было принято! В городе разговаривать на русском языке: то есть вот Чебоксары — Московский район, университет, театр, а вот, где Текстильщики, в другой части города, там разговаривают на чувашском. Где рабочий класс, а тут — студенты, интеллигенция — это все на русском разговаривают! Просто так было принято! И в комнате даже на русском разговаривали! (Владимир М., 62 года).

В более младших когортах чувашский язык при общении со сверстниками в неформальной обстановке использовался более широко: подобное языковое поведение, возможно, объясняется и более эффективной языковой политикой последних десятилетий по продвижению чувашского языка в качестве одного из государственных языков в Чувашской Республике [4. С. 268].

В Чебоксарах в то время стеснялись говорить на чувашском языке. Это, наверное, стеснение было не от самого языка. А от того разделения, на городские и деревенские... как-то они все равно были скованны. Если ты разговариваешь на чувашском, значит, ты из деревни. Хоть как ты не оденся, ты — деревенская! А мы — если мы с группой были, журфак (обучение на чувашском — МК), нам было все равно. Мы разговаривали на чувашском. Но не сразу, правда. Сначала в магазинах мы все разговаривали там... на русском языке. А потом мы постоянно где-то ходили, дружили, общались, разговаривали на чувашском языке. То есть вот группой разговаривать я не стеснялась, а

вот когда одна, было какое-то стеснение все же. Хотя вот Яльчики-Батырево, они не стеснялись! (Эльвира Е., 37 лет).

Действительно, некоторые респонденты в нашей выборке, уроженцы Яльчиков и Батырево, отметили, что стеснения они вовсе не замечали при использовании и в городе чувашского языка:

Не было стеснения говорить на чувашском. Мне кажется, мы были... понаглее. Мы вполне себе спокойно. И в троллейбусах разговаривали на чувашском между собой, и ничего! (Татьяна А., 32 года).

В ЧГУ на факультете на русском, но между собой на чувашском, там же половина из деревень учились, у нас не было стеснения, у нас в Яльчиках принято разговаривать на чувашском, хотя вот были среди моих знакомых, кто не говорил по-чувашски, хотели выглядеть по-другому что ли (Дмитрий М., 33 года).

Локальная коммуникация

Место проживания респондентов (городская среда или сельская местность), как правило, являлось ключевым и определяющим при установлении языка общения с соседями на малой родине.

В ходе обследования была выявлена следующая корреляция. Во всех когортах (в 100% случаев) этнические чуваша, уроженцы небольших населенных пунктов, при общении с лицами своей этнической принадлежности использовали чувашский язык.

Деревня была чувашская, там русских, наверное, и не было. Все разговаривали по-чувашски. В деревне не жили русских-то (Анна П., 78 лет).

В том случае, если в деревне или в непосредственной контактной зоне проживали русские или русскоязычные жители, а также представители других этнических групп (кроме татар), опрошенные разговаривали с ними, как правило, на русском языке (данные варьируются от 86% до 100% в разных когортах).

В основном у нас — чуваша, с ними по-чувашски. А с соседями с Камчатки — по-русски (Сергей Т., 21 год).

Мы на границе с марийцами жили, с ними — на русском разговаривали (Лилия Ш., 47 лет).

В непосредственной контактной зоне с татарами опрошенные использовали чувашско-татарское двуязычие, при этом интенсивность данного типа двуязычия колеблется в зависимости от возрастной когорты. В самой старшей когорте русско-татарское двуязычие составило 66,6% и достигло пика в когорте 50—60-летних респондентов — 78%.

Деревня у нас была чувашская, на чувашском. Но у нас в районе татары были и в школе. А с татарами в основном на чувашском (Петр М., 54 года).

Деревня чувашская, а рядом татарская деревня. Они по-чувашски и по-татарски разговаривают. Но без русского! И татарский я тоже знаю. У нас деревни через речку — чувашская и татарская. И один колхоз. Мы с малых лет уже вместе. Они чувашский знали, мы татарский знали. Ну вот вместе работали, по-татарски, по-чувашски разговаривали (Петр А., 58 лет).

Данный тип двуязычия отсутствовал в когорте 40—50-летних респондентов в нашей выборке по той причине, что в окружении респондентов этой когорты татары не проживали. В более младших возрастных когортах чувашско-татарское двуязычие, широко практикуемое лицами старше 50 лет, отступило на второй план: в когорте 30—40-летних наметился значительный спад в общении на чувашском и татарском языках до 25%, в 75% случаев общение между чувашами и татарами, происходило на русском языке.

Через речку у нас татарская деревня — вот с ними мы на русском (Дмитрий М., 33 года).

В когорте 20—30-летних при общении с татарами языком межэтнического общения выступал либо русский (50%), либо чувашский язык (50%).

Респонденты во всех когортах, уроженцы поселков, районных центров и городов, в том числе и столицы Чувашской Республики, употребляли русский язык независимо от этнической принадлежности собеседника как в общении с чувашами и русскими, так и с представителями других этнических групп, при этом респондентами неоднократно подчеркивалось место общения — город или поселок, что самой собой подразумевало сложившуюся в городской среде тенденцию использовать русский в качестве языка межнационального общения [5. С. 100].

И чуваша, и русские жили. На русском разговаривали, это же город! (Лев, 44 года).

В Чебоксарах в основном у нас были русские и чуваша, других национальностей — мордва, допустим, — единицы. Язык общения был только русский (Александр М., 44 года).

Проживали чуваша и русские, но это же был поселок, то на русском общались все (Ирина Л., 50 лет).

Ну в Чебоксарах, наверное, в процентном отношении, пятьдесят на пятьдесят — были и русские, и чуваша. Везде мы говорили тогда по-русски (Валентина С., 61 год).

Выводы

Таким образом, сопоставительный анализ языковых биографий респондентов позволяет выявить различные пути усвоения респондентами этнического языка. Кроме того, языковые биографии являются отражением, а в некоторых случаях — закономерным следствием общих тенденций языковой политики, осуществлявшейся в советский и постсоветский период в том числе и в Чувашии [6].

Список литературы

1. *Иванов В.П.* Этническая география чувашского народа. Историческая динамика численности и региональные особенности расселения. Чебоксары: Чув. кн. изд-во, 2005.
2. *Фомин Э.В.* Языковая ситуация в Чувашии // Язык и общество. Энциклопедия. М.: Азбуковник, 2016.
3. *Беликов В.И., Крысин Л.П.* Социоллингвистика. М.: Юрайт, 2016.
4. *Самарина И.В.* Государственные и другие языки в системе образования Чувашии // Функционирование языков в многонациональном государстве: Россия и Вьетнам. М.: Советский писатель, 2008.

5. Баскаков А.Н., Насырова О.Д. Языковые ситуации в тюркоязычных республиках Российской Федерации (краткий социолингвистический очерк) // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М.: Эдиториал УРСС, 2000. С. 34–129.
6. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: Крафт+; Институт востоковедения РАН, 2000.

© Куцаева М.В., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.10.2018

Дата принятия к печати: 02.01.2019

Модератор: В.П. Сиячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Куцаева М.В. Языковые биографии представителей чувашской диаспоры Московского региона // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 21–34. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-21-34

Сведения об авторе:

Куцаева Марина Васильевна — соискатель, Институт языкознания РАН. E-mail: moscoop@yandex.ru

Language Biographies of the Respondents of Moscow Region Chuvash Diaspora

M.V. Kutsaeva

Institute of Linguistics, RAS

B. Kislovsky per., 1, str. 1, Moscow, 125009, Russian Federation

The article presents the results of a sociolinguistic survey conducted by the author in the Chuvash diaspora of Moscow region. The actual use of the Chuvash language in the conditions of Diaspora residence is determined, among other things, by the previous language experience of respondents in their small homeland.

The most common stages of language biography are: languages used by respondents in conversation with parents, older relatives, peers in childhood before school; the language used in teaching in primary school, in secondary school, in High school, — all these factors allow to reveal various ways of ethnic language acquisition.

Key words: diaspora, Chuvash language, language biography, Chuvash-Russian bilingualism

References

1. Ivanov, V.P. 2005. Ehtnicheskaya geografiya chuvashskogo naroda. Istoricheskaya dinamika chislennosti i regional'nye osobennosti rasseleniya [Ethnic Geography of the Chuvash People. Historical Population Dynamics and Regional Features of Settlement]. Cheboksary: Chuv. Kn. izd-vo. Print. (In Russ.)
2. Fomin, Eh.V. 2016. “Yazykovaya situaciya v Chuvashii” [Language Situation in Chuvash Republic] in Yazyk i obshchestvo. Ehnciklopediya. Moscow: Azbukovnik. Print. (In Russ.)
3. Belikov, V.I., and L.P. Krysin. Sociolingvistika [Social Linguistics]. Moscow: Yurajt. Print. (In Russ.)
4. Samarina, I.V. 2008. “Gosudarstvennye i drugie yazyki v sisteme obrazovaniya CHuvashii” [State and other Languages in the Education System of Chuvashia] in Funkcionirovanie yazykov v mnogonacional'nom gosudarstve: Rossiya i V'etnam. Moscow: Sovetskij pisatel'. Print. (In Russ.)
5. Baskakov, A.N., and O.D. Nasyrova. “Yazykovye situacii v tyurkoyazychnyh respublikah Rossijskoj Federacii (kratkij sociolingvisticheskiy ocherk)” [Language Situations in the Turkic-speaking Republics of the Russian Federation (brief sociolinguistic essay)] in Yazyki Rossijskoj Federacii i novogo zarubezh'ya: status i funkcii. Moscow: Ehditorial URSS. Print. (In Russ.)
6. Alpatov, V.M. 150 yazykov i politika. 1917–2000. Sociolingvisticheskie problemy SSSR i postsovetского prostranstva [150 Languages and Politics. 1917–2000. Sociolinguistic Poblems of the USSR and the post-Soviet space]. Moscow: Kraft+, Institut vostokovedeniya RAN. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 02.10.2018

Accepted: 02.01.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kutsaeva, M.V. 2019. “Language Biographies of the Respondents of Moscow Region Chuvash Diaspora”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 21–34. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-21-34

Bio Note:

Marina V. Kutsaeva is an applicant at Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences.
E-mail: moscoop@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-35-44

Американский этап лингвистической биографии Питирима Сорокина¹

Н.С. Сергиева

Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина
Республика Коми, 167001, Сыктывкар, Октябрьский пр., 55

В статье рассматриваются особенности двуязычия выдающегося социолога XX века Питирима Сорокина в американский период его жизни в контексте жизненного пути и интеллектуальной биографии. Исследование выполнено по материалам научного архива Питирима Сорокина в Университете Саскачевана (Канада). Архивные рукописи и заметки позволяют проследить процесс смены языка и переключения кодов в профессиональной деятельности Питирима Сорокина после переезда в Соединенные Штаты Америки. Установлено, что использование Питиримом Сорокиным смешанного метаязыка при проработке и осмыслении иноязычных научных трудов может рассматриваться как дополнительное свидетельство сохранения связи с русским периодом своей жизни и научной деятельности. Русский язык оставался и использовался как рабочий инструмент научного мышления, планирования и управления научной деятельностью.

Ключевые слова: лингвистическая биография, билингвизм, употребление языков, смена языка, переключение кодов, метаязык

1. Введение

Питирим Александрович Сорокин (1889—1968) — выдающийся ученый, «корифей социологической мысли XX в.» (Р. Мертон). Его мировая известность связана с Соединенными Штатами Америки, где он жил и работал после высылки из Советской России в 1922 году. Отечественному читателю старшего поколения это имя известно по статье В.И. Ленина «Ценные признания Питирима Сорокина». Данная публикация уже является фактом политической истории, но она надолго определила забвение этой личности в родной стране.

«Возвращение» Питирима Сорокина на родину, начавшись с 60-х годов прошлого века, интенсивно продолжилось с конца 80-х годов и после распада Советского Союза, продолжается и в настоящее время. Прежде всего отечественная общественность открывала для себя жизненный путь и интеллектуальную биографию ученого. Осуществляется переиздание его ранних работ российского периода, перевод фундаментальных работ, изданных за рубежом. Развиваются направления, связанные с анализом его научного наследия и переосмыслением его

¹ Лингвистическая биография Питирима Сорокина и ее основные этапы были нами подробно рассмотрены в [1].

идей в контексте проблем современного общества [2]. Издается полное собрание сочинений П. Сорокина.

Биография Питирима Сорокина примечательна тем, что она демонстрирует пример чрезвычайно высокой сопротивляемости неблагоприятным обстоятельствам жизни, в результате чего он «из простого деревенского парня стал ведущим ученым не только Европы, но и Америки» [3. С. 371].

Мы рассмотрим особенности билингвизма выдающегося социолога XX века в период его жизни и работы в университетах США для выявления и объяснения лингвистических особенностей его научного мышления.

Ни один аспект биографии Питирима Сорокина, в том числе и лингвистический, не может рассматриваться изолированно, а только в контексте жизненного пути и интеллектуальной биографии. Этот подход не только давно осознан исследователями научного творчества и наследия Питирима Сорокина (Л. Козер, Л. Николз, Н.Ф. Зюзов и др.), но и обоснован самим Сорокиным: “One of the main tasks of so-called sociology of knowledge (Wissensoziologie) is a study of the factors which condition the essential contents, configurations, and transformations of the mental life of an individual or of a group: their language, scientific ideas, religious and other beliefs, philosophical views, moral and legal convictions, aesthetic tastes, political and economic ideologies, social aspirations, and their set of values in general” [4. P. 3]. Для лингвистического исследования привлекаются материалы научного архива Питирима Сорокина из Университета Саскачевана (Канада).

2. Обсуждение

«Вертикальный взлет» сорокинской судьбы легко проследить по хронике его жизни и деятельности [5]. Родился в 1889 году в селе Турья Яренского уезда Вологодской губернии в семье «золотых, серебряных и чеканно-малярных дел мастера». Его мать была крестьянка из зырян (коми), она умерла через пять лет после его рождения. После смерти матери Питирим со старшим братом живут вместе с отцом, изучают его ремесло, странствуют с ним по деревням, зарабатывая на жизнь работой в церквях. В 1899 году, когда Питириму было 10 лет, они с братом уходят от безнадежно спивающегося отца и продолжают по деревням выполнять его работу. В 1904 году Питирим Сорокин окончил двухклассную церковно-приходскую школу в селе Гам и продолжил учебу в церковно-учительской школе в селе Хреново Костромской губернии, из которой был исключен в 1906 году за революционную деятельность.

В 1907 году он прибыл в Санкт-Петербург “practically penniless”, за два года подготовился и сдал экстерном экзамен за курс классической гимназии, что дало ему возможность поступить в университет и в 1914 году окончить его. Питирим Сорокин был оставлен при кафедре уголовного права Санкт-Петербургского университета для подготовки к профессорскому званию. С 1910 года начинает регулярно публиковать научные работы. С 1914 года преподает в Психоневрологическом институте, затем в университете. Все эти годы он активно продолжает политическую деятельность в партии социалистов-революционеров, после 1917 года эта деятельность приобрела столь же активный антибольшевистский характер.

В апреле 1922 года в Совете Исторического института Петроградского университета состоялся диспут, на котором Сорокин единогласно признан достойным звания «профессора социологии». В сентябре 1922 года выслан из Советской России.

В 1923 году переезжает из Европы в США, в 1924—1930 годы — профессор Университета Миннесоты. С 1 сентября 1930 года начинает преподавать в Гарвардском университете, где организует департамент социологии, которым руководит до 1942 года. В 1949 году открывает Исследовательский центр творческого альтруизма, который возглавлял до самой смерти в 1968 году. В 1963 году Питирим Сорокин был избран президентом Американской социологической ассоциации.

Количество публикаций Питирима Сорокина огромно и на данный момент до конца не выявлено. Покидая Россию, он уже являлся автором десяти книг, большого количества статей, рецензий и переводов. Жизнь в США дала ему стабильность, покой, хорошие условия для научной работы. Неудивительно, что самые значительные работы были созданы именно там. Считается, что наиболее полная библиография его трудов представлена в сборнике «Питирим Александрович Сорокин» (2013 г.): она насчитывает 628 позиций за годы его жизни [6]. Питирим Сорокин считается самым «переводимым» ученым-социологом в мире.

«Выдающийся социолог XX в. на протяжении жизненного пути накопил солидный лингвистический “багаж”. Поднимаясь на вершины мировой науки, он складывался как мультилингвальная языковая личность, совмещающая в языковом сознании разные типы билингвизма» [1. С. 94].

Сам Питирим Сорокин в работе “Sociology of My Mental Life” дает такое объяснение своей лингвистической компетенции: “My native and learned languages. Since I was born and reared amidst the Komi people, speaking the Komi and the Russian languages, these languages have spontaneously, without any purposive intention on my part, become my native languages. At a later period of my life, again spontaneously, even contrary to my wishes, and exclusively because of lack of practice (caused indirectly by social and cultural factors), I largely forgot the Komi, and my Russian language was somewhat impaired. ...At a later stage of my life I learned the Latin, the French, the English, and, to a lesser extent, the German and Slavic languages. In these cases, however, I learned them intentionally. They did not enter my mental equipment spontaneously as in the case of “the native” languages, but were learned purposefully through rational determination and a great deal of labor. Knowledge of these languages was the necessary condition for enrolment as a student in a Russian university, for doing scientific work, for obtaining an academic position, and for earning my living as a university professor and scholar in Russia as well as, after my banishment, in the United States” [4. P. 11–12]. Примечательно, что, разграничивая два типа билингвизма — естественный и искусственный, — Сорокин не выделяет среди прочих русский и английский языки как два основных языка своей жизни.

Нет никаких сомнений, что индивидуальный билингвизм Питирима Сорокина в американский период его жизни был англо-русским, при этом английский язык был основным и единственным языком его профессии.

Исследователи творчества Питирима Сорокина традиционно выделяют два основных периода его жизни — русский и американский. Подобное деление мно-

гим представляется оправданным, так как они различаются «и по кругу анализируемых проблем, и по характеру использования материала, и по степени зрелости и самостоятельности создаваемых теорий» [7. С. 156]. В то же время «интегральная сущность его теории всегда оставалась неизменной... Отличие между ранним и поздним Сорокиным заключается лишь в глобализме его теории» [7. С. 156]. Один из лучших современных зарубежных сорокиноведов Л.Т. Николз подчеркивал единство научного творчества Питирима Сорокина на протяжении всей его жизни [8].

С 1968 года, после кончины Питирима Сорокина, его научный архив хранится в библиотеке Университета Саскачевана (Канада), составляя так называемую Pitirim A. Sorokin Collection ([http://library2.usask.ca/PITIRIM A. SOROKIN COLLECTION](http://library2.usask.ca/PITIRIM_A.SOROKIN_COLLECTION) Pitirim A. Sorokin Collection). Опубликованная в 2009 году переписка Питирима Сорокина с Ричардом Дюворзом в последние годы его жизни освещает те драматичные обстоятельства, в результате которых коллекция научных материалов Питирима Сорокина оказалась в библиотеке канадского университета, с которым он никогда не был связан и в котором никогда не бывал [9. С. 258—295]. Ричард Дюворз, преданный ученик Питирима Сорокина, возглавлял Департамент социологии в Университете Саскачевана.

Как указано на сайте коллекции, “The Pitirim A. Sorokin Collection came to the University of Saskatchewan in 1968. The collection contains Sorokin’s entire library of more than 1,500 books, and numerous other materials, including his own books, translations of these in some 50 languages, and books and articles by such other eminent scholars as Arnold Toynbee with Sorokin’s comments in the margins. Other contents include: original Sorokin authored manuscripts; books and articles including first drafts and final revisions; some 90 notebooks on his reading and thinking; books and articles about him and his theories; his personal correspondence; photographs and other memorabilia. Among other materials there is a unique archive of Harvard Research Center in Creative Altruism founded by Sorokin” ([http://library2.usask.ca/PITIRIM A. SOROKIN COLLECTION](http://library2.usask.ca/PITIRIM_A.SOROKIN_COLLECTION) Pitirim A. Sorokin Collection).

Среди архивных материалов наибольший интерес для лингвистического исследования представляют рабочие тетради и листы с заметками Питирима Сорокина (some 90 notebooks on his reading and thinking), которые сам ученый определял как «“мои рабочие записи”, где я составлял конспекты прочитанных книг и делал заметки» [9. С. 267].

Несколько предварительных замечаний. Питирим Сорокин чрезвычайно гордился тем, что он называл своей «начитанностью», подразумевая под этим широкий и глубокий охват и проработку литературы по рассматриваемой проблеме. Эту особенность отмечали и рецензенты его работ, и исследователи его научного творчества. Так, он приводит отзыв Эдварда А. Росса из Университета Висконсина о книге «Современные социологические теории», высказанные им в письме от 26 января 1928 г.: «Я просто в восхищении от огромного числа литературы, рассматриваемого в Вашей работе, от Вашего умения понять и выразить все самое существенное на одной-двух страницах...» [10. С. 180].

Объем проработанной научной литературы отражает высокий темп и интенсивность научной работы Питирима Сорокина. Роберт Мертон вспоминал: «Ино-

гда я по просьбе Сорокина приносил из библиотеки множество увесистых томов. Через день-два он их все возвращал. У Сорокина был дар очень быстро схватывать основные идеи прочитанного» [11. С. 429]. Охват большого количества научных работ, междисциплинарный подход, умение проанализировать, осмыслить и дать оценку изложенным в них идеям, корректно использовать в собственном тексте — таковы особенности сорокинской системы изучения научной литературы.

Следует также отметить, что изучение английского языка Питирим Сорокин начал поздно, примерно в 34 года, зато очень интенсивно. Он привез в Америку рукопись своей книги «Социология революции», которая была им отдана на перевод и издана в 1925 году. Следующую свою книгу “Leaves from a Russian Diary” (1924 г.) и последующие работы он писал на английском языке. Его сын Сергей Сорокин так описывает этот процесс: «После переезда в Соединенные Штаты отец писал все свои рукописи на английском языке. Затем эти черновики передавались факультетской секретарше или профессиональной машинистке, которая перепечатывала их набело. Окончательные варианты наиболее важных работ давались кому-нибудь из коллег или редактору на предмет исправления или усовершенствования английского языка. Позднее небольшие рукописи иногда редактировались кем-нибудь из членов нашей семьи» [12. С. 450].

Научную работу Питирим Сорокин совмещал с преподавательской. Такая практика сложилась в Миннесоте, продолжилась в Гарварде. Из воспоминаний Р. Мертона о работе Сорокина в Гарварде в начале 30-х годов XX века: «Сорокин читал два курса в семестр. Обычно одним из них был курс “Современные социологические теории”, читая который он придерживался своей книги. Другой курс “Введение в социологию” он обычно вел не у аспирантов, а у студентов. Позже этот курс лекций стал основой книги “Общество, культура и личность”. Спустя 2–3 года П. Сорокин приступил к курсу по социокультурной динамике, над которой работал в то время» [11. С. 432]. Результаты научных исследований прямо «с колес» он вносил в классы, обкатывая и формируя в конечном итоге тексты книг, которые далее также использовались в учебном процессе.

Подтверждением служат надписи на обложках рабочих тетрадей П. Сорокина, хранящихся в архиве [University of Saskatchewan Library, University Archives & Special Collections, Pitirim Sorokin Collection]. Приведем примеры:

4-й том. Soc. Dynamics 1. Brinton: Revolution (Introd. Lecture on Rev 2. B. Russel: Power 3. Werner Jaeger: Paideia Contemporary Soc. Theories (Lectures 1940–41) See the previous conspect in other book [MSS56_Box2_I_E_1_Social Dynamics];

P. Sorokin Lectures Лекции Rural Sociology [MSS56_Box3_I_E_9_Lectures Rural Sociology];

P. Sorokin Harvard University: Emerson Hall Social Organization Materials and lectures P. Sorokin 88 Washington Avenue Cambridge, Mass. Social Dynamics (Special course) [MSS56_Box3_I_E_11_Social Organization].

Большую часть тетрадей можно датировать только по косвенным признакам: выходные данные прорабатываемых источников, соотношение с биографическими событиями, временем работы над рукописями будущих книг и под. Каждая тетрадь по-своему интересна и заслуживает отдельного описания.

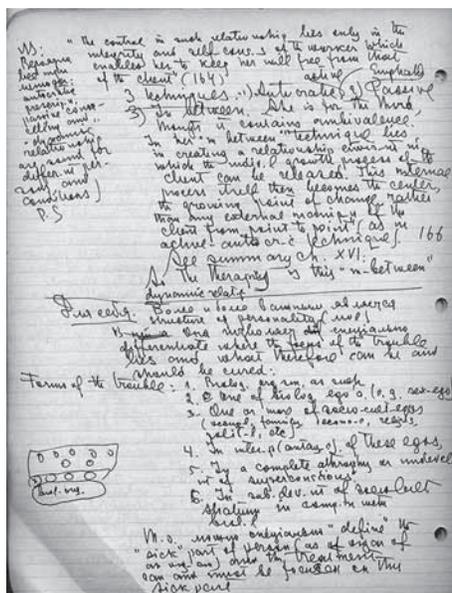

Рисунок. Страница тетради
(MSS56_Box2_I_E_1_Social Dynamics)

рия ученого, в которой живет его мысль, его «кухня», не предназначенная для чужих глаз. Записи делались «для себя», с пониженным контролем сознания при выборе языковых форм выражения, что позволяет обратиться к исследованию психологического аспекта индивидуального двуязычия.

Если рассматривать тетради и рабочие записи Питирима Сорокина как единый макротекст, то он как минимум двуязычен как в целом, так и в пределах отдельных частей. Мысль Питирима не была скована формами только одного конкретного языка, хотя тренд на использование английского очевиден. Иначе говоря, механизм речемыслительной деятельности требовал использования нескольких языков с учетом того, что английский язык — главный язык профессиональной деятельности ученого. Как показывают материалы рабочих тетрадей, русский язык активно используется Сорокиным на подготовительном этапе, при изучении, отборе и оценке научной литературы, и эта ситуация со временем не меняется.

Прокомментируем некоторые особенности текста.

Прежде всего, это смешанный характер русской орфографии. Как известно, в 1917—1918 годы в Советской России была проведена реформа орфографии. Были упразднены некоторые буквы русского алфавита, упрощены правила. Питириим Сорокин, покинувший страну в 1922 году, сохранил некоторые письменные навыки старого правописания и усвоил некоторые правила нового. Например, он использует буквы «ѣ», «і»: *слѣдствія*; *Чѣм меньше гетерогенно насел-ніе — тѣм меньше необ-ти полит. кон-ля*. При этом Сорокин не использует букву «ѣ» в конце слова и в качестве разделительного знака, что является особенностью нового правописания. После объявления реформы вместо разделительного знака стали использовать знак «'» (апостроф): *суб'ект*. Со временем Сорокин отказывается от использования буквы «ѣ», совмещая ее с «е», но продолжает использовать апостроф и «і».

Записи в тетрадях носят рабочий характер (рисунок). Это не конспекты, а результат проработки исходных текстов: выявление, осмысление и оценка основных идей с целью последующего использования в научной и педагогической деятельности. Такая работа воплощалась в краткой и емкой форме тезисов, заметок и авторских комментариев, написанных от руки и зачастую неразборчивых. Иногда это почти конспект со ссылками на страницы, тома и главы, чаще выписки и краткие заметки, помещенные под выходными данными, эллиптические конструкции, незаконченные предложения, ключевые слова и пометы, служащие опорой для организации научной деятельности и создания конечного текста, собственная система сокращений. Перед нами творческая лаборатория

На уровне графики наблюдаются случаи смешения букв кириллического и латинского алфавитов в пределах слова: *Soviet Russia*; *Om % geniev u idiotov zaviscut судьба народа*.

Изучение научной литературы всегда предполагает тщательный отбор и оценку представленной в ней научной информации. Подобная аналитическая работа отражается в использовании системы авторских помет и различных индивидуализированных видов записей и комментариев. Часто эти записи сделаны Пителиримом Сорокиным на русском языке, реже на английском, иногда они носят смешанный характер переключения кодов. Сорокин предпочитал использовать привычные отсылочные и оценочные пометы, сохраняя навыки работы с научной литературой, выработанные в России. В пометах и комментариях проявляются его индивидуальные оценки рассматриваемых работ и высказанных в них идей, его научная позиция и перспективы дальнейшего использования, отмечены связи с другими исследованиями и научными теориями и т.д.

Отсылочные и мнемонические пометы служат для ориентации в пространстве исследуемого текста или содержат отсылки на смежные исследования и работы других авторов, планы использования:

См. на след. стр.; См. 2 стр. раньше; Читать; Реком-ть I и II гл. Sumner'a; См. мое "pessimism" vs "optimism"; Тетрадь по Rural Sociology. Soc. Criminality; См. ряд страниц указ-х для ряда его statements.

Переключение кодов наиболее ярко проявляется в развернутых замечаниях и комментариях:

Улучшения: 1) Число арестов д. б. ум-но (масса нен-х) 2) Instead of arrest — the summons; School за и против а) учитель знает лучше услов б) болѣе natural approach с) болѣе довѣрія d) no stigma of crime; Благод-ря чему human struggle is limited? Такой natural order возможен при homogeneity of members; Т.о. можно специально "define" the "sick" part of person; Двѣ точки зрѣнія: а) according to means of control б) according to institutions which perform it.

Оценочные суждения чаще написаны на русском языке: *тут критикуй!*; *Образец плохой дихотомии*; *Тут много болтовни и факт. ошибок*; *Здесь опять некие факты верны, но интер-ція неверна*; реже — на английском: *What a nonsense!* Развернутые оценочные суждения обычно выражены в смешанной форме: *Хотя Robinson все же права (common sense) в конце концов восстанавливая moral standart*; *Здесь она здраво outline задачи of a supervisor and student — supervisor relat-p, but для моей цели она дает мало нового, кроме greater stress on O. Rank. В общем "supervisor — student" relationship similar the "soc. worker — client"*; *Он прав подчеркивая no single form of power is suff-nt to be treated alone*.

Примечательно, что принятая Пителиримом Сорокиным практика использования русского и английского языков при изучении научной литературы принципиально не меняется на протяжении длительного времени независимо от срока его проживания в США и места работы. Ему было удобно «думать по-русски» хотя бы на подготовительных этапах научной работы. Использование русского языка не может быть объяснено недостатком способностей к языкам, его биография говорит об обратном.

3. Выводы

Американские исследователи научного наследия и творчества Питирима Сорокина используют образ «странника» (Л. Николз) или «вечного чужака» (Л. Козер), указывая на «преемственность между настроениями его молодости и его зрелой доктриной» [13. С. 433]. Совершенно очевидно, что использование Питиримом Сорокиным смешанного метаязыка при проработке и осмыслении иноязычных научных трудов может рассматриваться как дополнительное свидетельство сохранения связи со своими корнями, с российским периодом своей жизни и научной деятельности. Как пишет Л. Николз, «несмотря на утверждение самого Сорокина, будто бы он “полностью порвал” со своим прошлым, он и в Америке оставался сугубо русским — как по стилю, так и по призванию» [14. С. 212]. Русский язык для него оставался и использовался как рабочий инструмент научного мышления, планирования и управления научной деятельностью.

Список литературы

1. *Сергиева Н.С.* Лингвистическая биография Питирима Сорокина: основные этапы и задачи изучения // *Наследие*. 2017. № 1(10). С. 83—95.
2. *Долгов А.Ю.* Основные направления изучения и популяризации наследия П.А. Сорокина в России и за рубежом // *Вестник Сыктывкарского университета*. Серия гуманитарных наук. 2017. Вып. 1. С. 158—174.
3. *Липский А.В., Кротов П.П.* Зырянский след в биографии Питирима Сорокина // *Питирим Александрович Сорокин* / под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013.
4. *Sorokin Pitirim A.* Sociology of My Mental Life // *Pitirim A. Sorokin in Review*, edited by Philip Allen. Durham, N.C.: Duke University Press. 1963. P. 1—36.
5. *Хроника жизни и деятельности П.А. Сорокина* // *Питирим Александрович Сорокин* / под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013.
6. *Библиография трудов П.А. Сорокина* // *Питирим Александрович Сорокин* / под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013.
7. *Согомонов А.Ю.* Судьбы и пророчества Питирима Сорокина // *Питирим Александрович Сорокин* / под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013.
8. *Николз Л.Т.* «Долгий путь» Питирима Сорокина к альтруизму: интегрируя науку, духовность и служение // *Наследие*. 2018. № 1(12). С. 125—143.
9. *Питирим Сорокин: избранная переписка* / составитель П.П. Кротов. Вологда: Древности Севера, 2009.
10. *Сорокин П.А.* Долгий путь. Автобиографический роман / пер. с англ. Сыктывкар: СЖ Коми, МП «Шыпас», 1991.
11. *Мертон Р.* Фрагменты из воспоминаний // *Питирим Александрович Сорокин* / под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013.
12. *Сорокин С.П.* Семейная жизнь с Питиримом Сорокиным / пер. с англ. // *Питирим Александрович Сорокин* / под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013.
13. *Козер Льюис А.* Мастера социологической мысли. Идеи в историческом и социальном контексте / пер. с англ. М.: Норма, 2006.
14. *Николз Л.Т.* Наука, политика и моральный активизм: новый подход к интегрализму П.А. Сорокина / пер. с англ. // *Питирим Александрович Сорокин* / под ред. В.В. Сапова. М.: РОССПЭН, 2013. С. 211—215.

© Сергиева Н.С., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 23.09.2018

Дата принятия к печати: 24.12.2018

Модератор: В.П. Снячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Сергиева Н.С. Американский этап лингвистической биографии Питирима Сорокина. 2019. Т. 16. № 1. С. 35–44. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-35-44

Сведения об авторе:

Сергиева Наталья Станиславовна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской филологии Сыктывкарского государственного университета им. Питирима Сорокина. E-mail: nsergieva@yandex.ru

ORCID ID 0000-0003-0261-6901

e-Library SPIN-код 8363-2257

American Stage of Pitirim Sorokin's Linguistic Biography

Natalia S. Sergieva

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University
October Ave, 55, Syktyvkar, 167001, Republic Komi

The article discusses the features of the bilingualism of an eminent sociologist of the twentieth century Pitirim Sorokin in the American period of his life. The purpose of the study is to identify and explain the linguistic features of his scientific thinking in connection with the development of his scientific worldview. The study is based on the materials of Pitirim A. Sorokin Collection at the University of Saskatchewan (Canada). Archival manuscripts and research notes allow us to trace the process of changing the language and switching codes in the professional activities of Pitirim Sorokin after moving to the United States of America. It has been established that the use of a mixed metalanguage by Pitirim Sorokin can be considered as additional evidence of the continued connection with the Russian period of his life and scientific activity. Russian remained for him a tool of scientific thinking, planning and management.

Key words: life path, linguistic biography, bilingualism, language use, language change, code switching, metalanguage

References

1. Sergieva, N.S. 2017. Lingvisticheskaya biografija Pitirima Sorokina: osnovnye etapy i zadatchi izutchenia [Pitirim Sorokin's Linguistic Biography: the Main Stages and Tasks of the Study]. *Journal Heritage* 1(10): 83–95. Print. (in Russ.)
2. Dolgov, A.Yu. 2017. Osnovnye napravlenija izutchenia i populyarizatsyi nasledia P. A. Sorokina v Rossii i za rubezhom [The Main Areas of Study and Popularization of P.A. Sorokin's Heritage in Russia and all over the World]. *SyktSU Journal of Humanities* 1: 158–174. Print. (in Russ.)

- Lipsky, A.V. 2013. Zyryansky sled v biografii Pitirima Sorokina [Zyryansky Trace in the Biography of Pitirim Sorokin]. Edited by Sapov, V.V. Pitirim Aleksandrovich Sorokin. Moscow: POSSPEN: 348—372. Print. (in Russ.)
- Sorokin, Pitirim A. Sociology of My Mental Life. 1963. Pitirim A. Sorokin in Review, edited by Philip Allen. Durham, N.C.: Duke University Press: 1—36. Print.
- Khronika zhizni i deyatelnosti P.A. Sorokina [Chronicle of the Life and Work of P.A. Sorokin]. 2013. Edited by Sapov, V.V. Pitirim Aleksandrovich Sorokin. Moscow: POSSPEN: 472—476. Print. (in Russ.)
- Bibliografia trudov P.A. Sorokina [Bibliography of Works by P.A. Sorokin]. 2013. Edited by Sapov, V.V. Pitirim Aleksandrovich Sorokin. Moscow: POSSPEN: 477—523. Print. (in Russ.)
- Sogomonov, A.Yu. 2013. Sud'by i prorotchestva Pitirima Sorokina [Fates and Prophecies of Pitirim Sorokin]. Edited by Sapov, V.V. Pitirim Aleksandrovich Sorokin. Moscow: POSSPEN: 153—162. Print. (in Russ.)
- Nichols, L.T. 2018. "Dolgiy put'" Pitirima Sorokina k al'truizmu: integriruya nauku, dychovnost' i sluzhenie [Pitirim Sorokin's "Long Journey" to Altruism: Integrating Science, Spirituality, and Service]. Translated by N. Zyuzev. Journal Heritage 1(112): 125—143. Print. (in Russ.)
- Pitirim Sorokin: izbrannaya perepiska [Pitirim Sorokin: Selected Correspondence]. 2009. Vologda: Drevnosti Severa. Print. (in Russ.)
- Sorokin, Pitirim A. 1963. A Long Journey: The Autobiography of Pitirim Sorokin. New Haven, Conn. Print.
- Merton, R. 2013. Fragmenty iz vospominaniy [The Fragments of Memories]. Translated. Edited by Sapov, V. V. Pitirim Aleksandrovich Sorokin. Moscow: POSSPEN: 427—433. Print. (in Russ.)
- Sorokin, S.P. 2013. Semeynaya zhizn' s Pitirimom Sorokinym. Translated. Edited by Sapov, V.V. Pitirim Aleksandrovich Sorokin. Moscow: POSSPEN: 444—471. Print. (in Russ.)
- Coser, Lewis A. 1971. Masters of Sociological Thought: Ideas in Historical and Social Context. NY: Harcourt Brace Jovanovich, Inc. Print.
- Nichols, L.T. Science, Politics and Moral Activism: Sorokin's Integralism Reconsidered. 2001. Return of Pitirim Sorokin. Moscow: 217—237. Print.

Article history:

Received: 23.09.2018

Accepted: 24.12.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Sergieva, N.S. 2019. "American Stage of Pitirim Sorokin's Linguistic Biography". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 35—44. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-35-44

Bio Note:

Natalia S. Sergiyeva is a Doctor in Philology, Associate Professor, Professor of the Department of Russian Philology at Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin. E-mail: nsergieva@yandex.ru

ORCID ID 0000-0003-0261-6901

eLibrary SPIN code 8363-2257

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-45-51

Translingualism / Transculturality and Ethno-Cultural Identity: Complementarity or Conflictness?

G.T. Khukhuni, I.I. Valuitseva

Moscow State Region University
Vera Voloshina str., Bld. 24, Mytishchi, 141014, Moscow Region, Russian Federation

The article deals with a few aspects of translingualism and their influence on ethno-cultural and ethno-lingual consciousness. The authors postulate that a statement of the harmonic coexistence between the ‘native’ and the ‘acquired’, with all its attractiveness and ‘magnetism’, is far from being always proven in practice. In addition, the ‘smoothness’ of transition from one linguistic culture to another and the ‘cross-flow’ of languages and cultures into each other can be perceived as a threat to the preservation of the ‘native’ linguocultural identity and an implicit form of the ‘linguistic imperialism’. In this regard, it seems appropriate to objectively analyze the phenomena of translingualism and transculturalism and to consider the associated positive and negative consequences in more details.

Key words: translingualism, transculturalism, ethno-lingual, ethno-cultural, language, consciousness

1. Introduction

A range of problems associated with the study of the interaction of languages has a long tradition going back essentially to the theories of the ‘mixture of languages’ (H. Scuchardt, J. Baudouin de Courtenay, etc.) in the last third of the 19th century. After the formation of sociolinguistics as an independent scientific discipline, the said problem was discussed in U. Weinreich’s monography of 1953 (its Russian translation was published in 1979 [1]) and other studies dedicated to the problem of bilingualism.

On the other hand, the generally accepted thesis that the interaction of languages is always to some extent the interaction of cultures (the sources of which to a certain extent can be found in the scientific school of Wörter und Sachen, again leading us to the heritage of G. Schuchardt [2] and his followers, although they dealt with this issue in a purely historical-linguistic sense), contributed to linking these problems with the development of various aspects of intercultural communication, in particular, the concept of biculturalism. This thesis stimulated the study of bilingualism in connection with different aspects of international communication, including the notion of biculturalism.

In recent decades, there has been a definite shift towards another conceptual pair of terms: translingualism (translinguality) and transculturalism (transculturality). A profound study of the said phenomena, including the connection of the said terms with other units of this terminological system, may be found in works by Z. Proshina [3; 4], U. Bakhtikireeva [5; 6] and others [7; 8]. It gives us a possibility to discuss some controversial points of translingualism and transculturality without a detailed review of their understanding in the past and at present.

2. Discussion

As the very name of the Third International Conference held in 2017 under the aegis of the International Association of the Russian Language and Literature Teachers (MAPRYAL) shows: “Bilingualism and Translingualism: pros&cons”, its organizers have fully realized that when assessing certain points related to these phenomena, a mismatch of views is assumed. However, when looking through most of the studies devoted to this issue, one can see that “an upbeat outlook” prevails in them, such as the overcoming of ethno-cultural narrowness, entering “the foreign world” while maintaining the “inheritance” of one’s own culture, the enrichment of idioms in the process of “translingualization” (we use this term in the absence of a more appropriate one), etc. Without doubting the availability of all of the above findings, which, at first glance, seem to be extremely positive, we will try to speak on some of them in the role of the advocates diaboli.

Linguistic Impacts of Translingualism. According to most authors (see e.g. the article by Z. Proshina with the detailed analysis of the relevant researches), translingualism may be defined as a smooth transition from one linguoculture to another and their certain merging without a full assimilation but with the maintenance of linguocultural identity of language users resulting in the mixed discourse. Translingualism means the penetrability of languages, their interaction providing with a new quality of the enriched linguoculture. The sphere of translinguality may be characterized as the blur or ‘linguistic fluidity’ [3. P. 160].

We think that this definition requires some clarification. First, the declared ‘smoothness’ is possible (although it is rather relative) on an individual level, but it seems questionable in respect of language communities. As has been repeatedly proven in history, including the recent one, even the “smoothest” entrance of representatives of a given ethnos in another (foreign) language (not just its good knowledge and fluent using, but namely its recognition as their own language), especially on a large scale basis, may provoke a negative reaction. In the 1970s — early 1980s, the Soviet Union sanctioned and propagated the thesis about “a new historical community of people — the Soviet folk”, and that Russian was chosen as “the second native language” for this community (naturally, on a “voluntary” basis). It must be added, however, that neither the existence of the first native language, nor the necessity of its cultivation were officially ignored. Nevertheless, the two questions could be heard in many of the Soviet Republics (initially, in private ‘kitchen talks’ and later, during the perestroika years, — publicly):

a) Can a normal person have two mothers’voluntarily’, and

b) What “the second native language” must have the people for whom the first one is Russian? We will not touch upon a question of how much political demagoguery was in such statements, but the role that those sentiments played in the further destiny of the country, unfortunately, is well known to all of us. These views may be labelled as “backwardness” and an archaic worldview; but the possibility of such a reaction must be taken into account.

Something similar is observed now in respect of the English language. This fact is mainly provoked by ‘globalistic’ declarations on the necessity to introduce English in socially important spheres (science, economics, education, etc.) in all countries as the only way to meet challenges of modern times. Sometimes, they lead to the exhortations

about the necessity ‘to bring up new Nabokovs in the era of total multilingualism with the obligatory English repertoire’ (taken from [9. P. 151]). However, a clear and cogent answer for the questioning of which second language must (namely, must and not may) have people who live in English-speaking countries and whose first language is English seems hardly possible. Such a situation often gives rise to the suspicion that the “overflowing” is an euphemism for “absorbing” one’s own language, at the best case scenario — turning it into a kind of a substrate “dissolved” in the global language — that is, essentially, the same language imperialism in a new appearance.

Secondly, the statement about “some merging” of interacting linguistic cultures also seems to be not quite definite. From purely linguistic point of view, the term ‘merging’ seems inappropriate because it is usually understood in sociolinguistics as the appearance of a hybrid idiom (pidgin or creole) that cannot be identified with any of the contacting languages. It is clear that ‘translingual’ literary creations are not connected either with creoles or with pidgins. This aspect must be regarded because (as Prof. Z. Proshina notes) a tendency to differentiate the notions of bilingualism and translingualism according to their use in belles-lettres can be sometimes observed. Namely, bilingualism is understood as the ordinary knowledge of two languages and their use in communication, whereas the second term implies an ability to create masterpieces in more than one language. In this dichotomy, traditional bilingualism is usually defined as ‘ordinary’ or ‘everyday’ one [9. P. 151].

It seems that such interpretation isn’t quite correct: a person may write fiction in two languages but it doesn’t necessary mean that he/she creates a masterpiece. We may add that I. Turgenev whose bilingualism was not limited to an ‘everyday level’ denied the ability to create ‘translingual’ masterpieces [10] (although he, of course, didn’t know the term ‘translingualism’).

Thirdly, as it has been mentioned above, the area of translinguality characterized with ‘blurriness and fluidity’ is often interpreted as a possibility for the translingual persons to successfully use languages from their bilingual repertoire, violating sometimes the norms and adapting linguistic codes for their purposes and specific contexts’ [4. P. 6]. However, such aspect may be assessed not only as the ‘enrichment of the linguoculture’, but also as a process leading to its degradation. In other words, it means the destruction of linguistic norms as a result of the interference. First, we mean herein a language norm in its proper linguistic sense. Russian linguist A. Peshkovsky wrote in the 1920s, the period when the existing norm was also under the threat of disintegration, that a teacher in school defends the spiritual integrity of the nation by preserving the norm of the language in the way a soldier defends its territorial integrity. And such defense, according to the author, is more important than military one because the territorial disintegration doesn’t exclude a possibility of the future restoration but the spiritual disintegration remains forever [13. P. 24].

The described process may also lead to the serious distortion of the linguistic identity and the vanishing of some basic characteristics of the language personality [14. P. 172]. This fact may have quite negative consequences.

All the above does not in any way mean a denial of enormous contribution to the global and regional cultures that bi- / translingual writers have made and are making. However,

as Prof. U. Bakhtikireeva postulates, — a creative person who transmits his national picture of the world by means of another language has to pay a high price for the familiarizing of a Russian (respectively, and any other “not his own” language speaker — G. Kh., I.V.) native speaker with the worldview of his/her folk. She underlines that a bilingual writer feels himself in the situation of the ‘insanity converted into home’, because the dialogue between two entities takes place in his mind [15]. It is clear that such process provokes contradictions, sometimes very serious ones.

Transculturality and Ethno-Cultural Identity. Let us turn again to the work of Prof. Z. Proshina where she underlines that transculturalism/transculturality presupposes the simultaneous coexistence in different cultures with the preservation of imprints of the both. The result of transculturality is a gradual change of the culture, including its hybridization [4. P. 6]. This notion is closely related to the phenomenon of translanguality, but they must not be identified because the relation between a language and a culture is more complicated.

Such marginal position actually enables to comprehend the sides of reality that are inaccessible for not-translingual persons. At the same time, the word marginality has also some negative connotations. In other words, the situation, when an individual plays a role of a few identities in both cultures [4. P. 6], may raise a question of his actual ethno-cultural identification. In such occasion, the transcultural person finds himself in the situation of ‘neither here nor there’, i.e. he is not fully accepted by ‘normal’ representatives of either of the cultures, especially under a situation of the conflict existing between them.

Finally, speaking of transculturality, one should not forget about such element of interacting cultures as their religious component. When it comes to world religions (Christianity, Islam, Buddhism), it is not ethnic in the proper sense of the word; but it is hardly advisable to neglect it as one of the factors shaping the national-cultural specifics of the linguistic personality. The latter may not belong to the respective confession; but aspects of the cultural background associated with it are usually manifested to a certain degree, perhaps at an unconscious level. In those cases where coexistence occurs in cultures belonging to different religious traditions, it is probable that the above-mentioned hybridization may face additional difficulties.

3. Conclusions

Summing up this article, we may conclude the following. Translingualism and transculturality are objective facts of the modern reality. The process of globalization will undoubtedly inspire the expansion of the scope of their functioning. On the other hand, a number of issues associated with them (a social position of its representatives in interacting ethno-cultural groups, the influence of transcultural texts on the language norm, features of the translingual language personality and its ethno-cultural identity, etc.) demand the further research.

References

1. Weinreich, U. 1979. *Yazykovye kontakty. Sostoyanie i problem issledovaniya* [Languages in Contact. Findings and Problems]. Kiev: Vishcha shkola. 264 p. Print. (In Russ.)

2. Shuchardt, G. 1950. *Izbrannye stat'i po yazykoznaniiu* [Selected Articles on Linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. Print. (In Russ.)
3. Proshina, Z.G. 2017. "Translingvizm i ego prikladnoe znachenie" [Translingualism and its Application]. *Vestnik RUDN. Seriya: Voprosy obrazovaniya, yazyki i special'nost'*. 14 (2): 155–170. Print. (In Russ.)
4. Proshina, Z.G. 2016. "Problemy perspektivy translingval'nyh i transkul'turnyh kontaktov (vvedenie k tematicheskomu vypusku zhurnala)" [The Problems and Perspectives of the Translingual and Transcultural Contacts. An Introduction to the Thematic Issue of the Journal]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nemVostoke*. 2 (50): 6–9. Print. (In Russ.)
5. Bahtikireeva, U.M. 2016 "O translingvizme i trunkul'turacii cherez prizmu odno jazykovoj biografii" [About the Translingualism and Tranculturation through a Prism of the One Language Biography]. *Social'nye i gumanitarnye nauki na Dal'nemVostoke*. 2 (50): 76–80. Print. (In Russ.)
6. Bahtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017 "Translingvizm i revitalizaciya kul'tury" [Translingualism and the Revitalization of Culture]. *Vestnik RUDN. Seriya: Teoriya yazyka, semiotika. Semantika*. 8 (1): 57–63. Print. (In Russ.)
7. Meillet, A. 1954. *Sravnitel'nyj metod v istoricheskom yazykoznanii* [Comparative Method in Historical Linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo inostrannoj literatury. Print. (In Russ.)
8. Starostin, G.S. et. al. 2016. *K istokam yazykovogo raznoobraziya. Desyat' besed o sravnitel'no-istoricheskom yazykoznanii s G.Ya. Satanovskim* [To the Origins of the Diversity of the Languages. Ten Interviews about Comparative Linguistics with G. Satanovsky]. Moscow: Izdatel'skijdom «Delo» RAHiGS. Print. (In Russ.)
9. Kakrakuc-Borodina, L.A. 2007. "Translingvizm i yazykovaya igra (na material proizvedenij V.V. Nabokova)" [Translingualism and the Word Play (on the Material of V. Nabokov's Works)]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9. 3*: 151–154. Print. (In Russ.)
10. Turgenev, I.S. *Pis'mo v redakciyu «Nashego veka»* [A Letter to the Editorial Board of "Nash Vek"]. Web. URL: http://gumfak.ru/otech_html/turgenev/kritika/062-25.html (accessed: 26.07.2018).
11. Hrolenko, A.T. *Teoriya yazyka: uchebnoe posobie* [Language Theory. A Manual]. Web. URL: <https://librolife.ru/g4302018> (accessed: 26.07.2018).
12. Gamzatov, R. *Jazyk (iz knigi «Moj Dagestan»)* [Language (from the Book "My Dagestan")]. Web. URL: <http://rus.1september.ru/article.php?ID=200304702>. (accessed: 16.08.2018).
13. Peshkovskij, A. M. *Ob"ektivnaya i normativnaya tochka zreniya na yazyk* [An Objective and Normative Viewpoint on Language]. Web. URL: <https://studfiles.net/preview/4343134/> (accessed: 27.07.2018).
14. Bubnova, I.A., Zykova N.V., Krasnyh V.V., and N.V. Ufimceva. 2017. *(Neo)psiholingvistika i (psih)lingvokul'turologiya: novye nauki o cheloveke govoryashchem* [(Neo)psycholinguistics and (Neo)linguoculturology: New Sciences about Homo Loquens]. Moscow: Gnozis. Print. (In Russ.)
15. Bahtikireeva, U.M. 2009. "Transfer" [Transfer]. *Druzhba narodov* 12. Web. URL: <http://magazines.russ.ru/druzhba/2009/12/ba12.html> (accessed: 26.07.2018).
16. Epstein, M. *Novyj vid svobody — transkul'tura* [New Kind of Freedom — Transculture]. Web. URL: http://www.topos.ru/veer/59/epst_tra.html. (accessed: 26.07.2018).
17. Tlostanova, M.V. 2008. *Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii* [From the Philosophy of Multiculturalism to the Philosophy of Transculturality]. Moscow: RUDN. Print. (In Russ.)
18. Rubins, M. *Literatura v kontekste transnacional'noj teorii* [Literature in the Context of Transnational Theory]. Web. URL: <http://lib.knigi-x.ru/23istoriya/89357-1-literatura-kontekste-transnacionalnoy-teorii-rubins-londonskiy-universitet-velikobritaniya-literature-the-context.php>. (accessed: 16.08.2018).

© Khukhuni G.T., Valuitseva I.I., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Article history:

Received: 02.09.2018

Accepted: 09.12.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Khukhuni, G.T., and I.I. Valuitseva. 2019. "Translingualism / Transculturality and Ethno-Cultural Identity: Complementarity or Conflictness?". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 45—51. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-45-51

Remark:

The text of the article was submitted as a report on IV International Conference "Bi-, Poly-, Translingualism and Language Education", Moscow, December 7—8, 2018.

Bio Notes:

Georgiy T. Khukhuni is a Doctor in Philology, Professor, Head of the Department of Theory of Language and English, Moscow State Regional University. E-mail: khukhuni@mail.ru

Irina I. Valuitseva is a Doctor in Philology, Professor, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Moscow State Regional University. E-mail: irinaiv-v@yandex.ru

Транслингвизм, транскультуральность и этнокультурная идентичность: комплементарность или конфликтность?

Г.Т. Хухуни, И.И. Валуйцева

Московский государственный областной университет

Российская Федерация, Московская область, 141014, Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24

Статья посвящена некоторым аспектам транслингвизма и его влиянию на этнокультурное и этноязыковое сознание. Отмечается, что тезис о гармоничном сосуществовании «исконного» и «приобретенного», при всей его привлекательности, далеко не всегда находит подтверждение на практике, а «плавность» перехода от одной лингвокультуры к другой и «взаимное перетекание» языков и культур друг в друга могут восприниматься как угроза сохранению «исконной» лингвокультурной идентичности и завуалированная форма языкового империализма. В связи с этим представляется целесообразным объективный анализ феноменов транслингвизма и транскультуральности и более тщательное рассмотрение связанных с ними позитивных и негативных последствий.

Ключевые слова: транслингвизм, транскультуральность, этноязыковой, этнокультурный, язык, сознание

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.09.2018

Дата принятия к печати: 09.12.2018

Модератор: У.М. Бахтикирева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Хухуни Г.Т., Валуйцева И.И. Транслингвизм, транскультуральность и этнокультурная идентичность: комплементарность или конфликтность? // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 45—51. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-45-51

Примечание:

Статья была представлена в качестве доклада на IV Международной конференции под эгидой МАПРЯЛ «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование», Москва, 7—8 декабря 2018.

Сведения об авторах:

Хухуни Георгий Теймуразович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета. E-mail: khukhuni@mail.ru

Валуйцева Ирина Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Московского государственного областного университета. E-mail: irinaiv-v@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-52-62

Феномен Ч.Т. Айтматова: к 90-летию со дня рождения писателя

А.И. Смирнова

Московский городской педагогический университет
Российская Федерация, 129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к. 1

Исследуется феномен художественного мира писателя, уникальность которого обусловлена особой авторской оптикой, проявляющейся в мифопоэтическом и философском постижении жизни, в «новом» мышлении, в создании целостного национального образа мира, в «языковом космосе» писателя-билингва.

На материале текстов произведений «Белый пароход», «И дольше века длится день», «Плаха», «Когда падают горы (Вечная невеста)» и др. анализируются поэтика заглавия, пространственные локусы и образы животных, функция мотивов, семантика круга, специфика поэтического языка. Жажда творчества как потребность «художественного восприятия жизни» рассматривается в статье в двух основных аспектах, сформулированных самим Айтматовым как ответственность художника слова перед будущим: «познание бесконечной красоты и бесконечной противоречивости мира». Результаты анализа текстов соотносятся в статье с творческими принципами автора, что позволило определить феномен художественного мира писателя-билингва как выход на «новый уровень сознания» (Ч.Т. Айтматов «Языковой космос»).

Ключевые слова: Айтматов, феномен, художественный мир, роман, семантика, поэтика, билингвизм, поэтический язык

1. Введение

Размышляя об ответственности литератора перед будущим, Ч.Т. Айтматов определил жажду творчества как «неумную потребность художественного восприятия жизни», смыслом которого является «познание бесконечной красоты и бесконечной противоречивости мира» [1. С. 351]. Так, достаточно рано, в 1967 году, писатель сформулировал свое творческое кредо. Целостность художественного мира Айтматова формируется благодаря особой оптике — поэтическому восприятию мира, присущему всем произведениям автора. Эта особая оптика проявляется в создании национальной картины мира, в особой функции тюркоязычной лексики в «русских» произведениях писателя. По его признанию, «только родное слово, познанное и постигнутое в детстве, может напоить душу поэзией, рожденной опытом народа, пробудить в человеке первые истоки национальной гордости, доставить эстетическое наслаждение многозначностью языка предков» [1. С. 284].

2. Обсуждение

Можно говорить об особом, эстетическом эффекте воздействия на читателей заглавий айтматовских произведений: «Джамиля», «Тополек мой в красной ко-

сынке», «Верблюжий глаз», «Прощай, Гульсары!», «Ранние журавли», «Пегий пес, бегущий краем моря», «И дольше века длится день» и др. История заглавия романа «И дольше века длится день» (1980) вызывает интерес не только с точки зрения поэтической интонации (в название вынесена строка из сонета В. Шекспира в переводе Б. Пастернака), но и возможными его вариантами. Поначалу по замыслу писателя роман должен был называться «Обруч» (от образа «шири» и обруча из ракет вокруг Земли для «защиты» от нежелательных связей с инопланетной цивилизацией), однако по требованиям цензуры Айтматов вынужден был от него отказаться и заменить на «И дольше века длится день». После первой публикации романа в журнале «Новый мир» (1980, № 10—11) отдельные издания (в «Роман-газете» и в издательстве «Молодая гвардия») вышли под «упрощенным» названием «Буранный полустанок». В трехтомном «Собрании сочинений» Ч.Т. Айтматова текст увидел свет под «двойным» названием: «И дольше века длится день» («Буранный полустанок») [2]. Уже в 1990 году, когда появилась возможность опубликовать роман с новыми главами — повестью «Белое облако Чингисхана», интегрированной в романский текст, произведение вышло в полном составе под названием «И дольше века длится день» с сопроводительным подзаголовком в скобках «Белое облако Чингисхана», который, по словам автора, со временем должен исчерпать свое предназначение [3]. Несмотря на все трансформации, поэтика заглавия романа «И дольше века длится день» свидетельствует, что первостепенной задачей для автора стало стремление запечатлеть извечную и «бесконечную красоту мира», противопоставив ее злободневности проблематики и человеческой беспамятности.

С заглавием романа связан и его эпиграф из «Книги скорбных песнопений» армянского поэта X века: «И книга эта — вместо тела / И слово это — вместо души моей...» (Григор Нарекаци, «Книга скорби») [2. С. 200], и его рефрен, написанный ритмизованной прозой и выделенный в тексте графически, повторяющийся с определенной периодичностью:

Поезда в этих краях шли с востока на запад и с запада на восток... А по сторонам от железной дороги в этих краях лежали великие и пустынные пространства — Сары Озеки... А поезда шли с востока на запад и с запада на восток... [2. С. 203].

Музыкальный тон, заданный заглавием, «звучит» в эпиграфе к роману и сохраняется благодаря рефрену на протяжении всего романа. Многозначный рефрен выполняет в тексте структурообразующую функцию, связывая воедино разновременные сюжетные линии, включая легенды и фантастическое повествование. Сама форма рефрена и его функция напоминают о древней эпической традиции тюркоязычных народов: сказители в процессе импровизации нередко вводили поэтические сентенции, не связанные с общим контекстом.

«Познание бесконечной красоты мира» является постоянной величиной в художественном мире Айтматова и воплощается в великих творениях природы: *великая Сары-Озекская степь, великие, безбрежные пространства сарозеков* («И дольше века длится день»); *великая волчица, великая мать всего сущего, великая саванна* («Плаха»). Природные творения исполнены гармонии, величия и красоты.

...Воздух был первозданной чистоты, другой такой девственный мир найти было трудно... [2. С. 264].

Есть своя красота в степных ночах в летнюю пору. Тишина безмерная, исходящая от величия земли и неба, теплынь, напоенная дыханием многих трав, и самое волнующее зрелище — мерцающая луна, звезды во всей их неисчислимости, и ни пылинки в пространстве между взором и звездой, и такая там чистота, что прежде всего туда, в глубину этого загадочного мира, уходит мысль человека в те редкие минуты, когда он отвлекается от житейских дел» [4. С. 109] («Плаха»).

Степь — ключевой поэтический образ художественного мира писателя, «Киргизский Космос» [5. С. 265] по выражению Г.Д. Гачева.

Животные у Айтматова символизируют природу: мать-олениха («Белый пароход»), конь Гульсары («Прощай, Гульсары!»), верблюды Каранар («И дольше века длится день»), киты («Тавро Кассандры»), волчица Акбара («Плаха»), снежный барс («Когда падают горы...»). Они формируют не только взгляд на окружающий мир, этическое отношение к нему, но и эстетическое восприятие мира, как и в целом природа. Красота — неотъемлемое свойство удивительных, исключительных созданий природы: Буранный Каранар — «самый красивый верблюд на свете» [2. С. 267]. Золотой мекре — «могучая и красивая рыба» [2. С. 399].

Н.А. Шогенцукова, характеризуя онтологический подход, обращает внимание на необходимость осмысления и расшифровки заложенных в тексте мифосимволов и мифометафор [6]. Мифологическая традиция истолкования волка представлена в «Плахе» в образе голубоглазой волчицы Акбара — «великой матери всего сущего» [4. С. 112]. «Мифология природы» (Вл. Соловьёв) в творчестве Айтматова наиболее последовательно воплощается в мысли о генетической связи животного и человека, составляющих нерасчленимое единство. По словам Г.Д. Гачева, в романе «И дольше века длится день» «два главных персонажа, точнее, сдвоенный, как кентавр, Человеко-Верблюд...» [7. С. 280]. Каранар для семьи Едигея, чьи предки были кочевниками, значит намного больше, чем обычное домашнее животное. Хотя Едигей и является хозяином верблюда, но по свойствам, данным ему природой («верблюды-сырттан» — «сверхсущество», «знаменитость округа» [2. С. 265]), по занимаемому месту в жизни Едигея Каранар превосходит человека. И в этом восприятии верблюда проявляется коренное свойство мышления бывшего кочевника, который видит в нем космическое животное. «Он есть образ мира, внутри которого живет кочевник» [8. С. 62]. Каранар имеет свою «родословную»: он является потомком белоголовой верблюдицы Акмаи. У Акбары в романе «Плаха» есть своя богиня — Бюри-Ана, к ней обращается волчица с мольбой разделить ее материнское горе и утешить:

...Возьми меня, сирую волчицу... к себе. И буду я жить на луне, жить с тобой и плакать о земле. О, Бюри-Ана-а-а, слышишь ли ты меня? Услышь, услышь, услышь меня, Бюри-Ана, услышь мой плач! [4. С. 259].

Антропоморфизм в изображении исключительных животных позволяет автору противопоставить их современному человеку, утратившему духовно-этические опоры — связь с предками, веру в Бога, основополагающие нравственные заповеди. Так, в повести «Белый пароход» (1970) внук деда Момуна спрашивает у заезжего шофера, знает ли он имена семерых своих предков. Выясняется, «что он

не только не знает, откуда его род начинается, но даже и обязательного колена семерых отцов не знает» [2. С. 76–77]. А на вопрос о том, почему испортятся люди, не помнящие своих отцов, мальчик отвечает: «Дед говорит, что тогда никто не будет стыдиться плохих дел, потому что дети и дети детей о нем не будут помнить» [2. С. 77]. Беспамятство как утрата традиций осмысливается писателем и в последующих произведениях.

В романе «И дольше века длится день» в легенде о манкурте в сцене гибели Найман-Аны от руки сына возникает тот же мотив преемственной связи со своим родом: белый платок, упавший с ее головы, превращается в птицу, летящую с криком:

Вспомни, чей ты? Чей ты? Как твое имя? Имя? Твой отец Доненбай! Доненбай! Доненбай! [2. С. 318].

В творчестве Айтматова этот мотив связан с идеей, афористически выраженной когда-то еще Шекспиром: «порвалась связь времен». В романе «Тавро Кассандры» эта идея воплощается в отсутствии связи с родом в биографии Андрея Крыльцова, подкидыша, человека «без рода, без племени» [9. С. 245]. Мотив связи с родом в произведениях писателя позволяет реализоваться оппозиции память/беспамятство. Размышляя о будущем человечества и всей цивилизации, писатель осознает трагические последствия беспамятства:

Беспамятство — корень всех зол, обрушившихся на человечество в лице тоталитарных режимов [10. С. 75].

В романе «И дольше века длится день» и в последующих романах Айтматова проявляется новое свойство художественного восприятия мира — космизм мышления автора. «Космический масштаб событий» [11. С. 69] определил хронотоп и поэтику романов «Плаха», «Тавро Кассандры», «Когда падают горы (Вечная невеста)».

Стремление проникнуть в тайну «бесконечной противоречивости мира» реализуется в романе «Плаха» (1986), первоначально назвать который Айтматов хотел «Круговращение» [12. С. 304]. Онтологический смысл несостоявшегося названия романа прочитывается в грузинской балладе «Шестеро и седьмой», вошедшей в текст произведения. В ней повествуется о том, что исполнение «песен отцов», песен родной земли объединяет в общий круг «семерых, вернее, шестерых и седьмого»: «В устах тех семерых от одной песни рождалась другая и они не замыкали круга, но седьмой, Сандро, время от времени покидал круг...» [4. С. 72]. Чекиста Сандро разделяют с остальными разные политические убеждения. Он должен не дать покинуть родину шестерым и убить их.

И так и еще раз в порочной *круговерти* убиений, и еще раз за пролитую кровь кровь пролил. Да, законы человеческих отношений не поддаются математическим исчислениям, и в этом смысле Земля *вращается*, как *карусель кровавых драм*... Так неужто карусели этой дано кружить до самого скончания света, пока вращается Земля вокруг Светила? (Выделено нами. — А.С.)» [4. С. 72].

Однако, совершив убийство, Сандро не разомкнул круга, из которого то и дело выходил. Он не смог разорвать генетическую связь с единоверцами, с родной

землей, связь, в основе которой лежит голос крови, пробудившийся под воздействием «прощального песнопения», Сандро убивает и себя. Баллада запечатлела трагическое противоречие исторического пути человечества в XX веке.

В романе философски осмысливается миропорядок. Автор показывает, что существующие в истории человечества противоречия неразрешимы и трагичны. И объясняются они несовершенством человеческой природы, в которой одновременно сосуществуют «две противоположные силы — силы добра и силы зла» [4. С. 109]. Рисуя жизнь саванны, писатель не идеализирует природу, стремится познать и с учетом природных законов объяснить кажущиеся противоречия. В природе одна кровь дает жизнь другой крови — «так повелено началом всех начал, иного способа не будет, и тут никто не судия, поскольку нет ни правых, ни виноватых, виновен только тот, кто сотворил одну кровь для другой» [4. С. 29]. По Айтматову, природный мир основан на «изначальном равновесии» [4. С. 215].

В «Плахе» семантика круга отличается поливариативностью и включает в себе универсальный смысл. Круговое движение символизирует в тексте нерасчленимость, замкнутость, безысходность происходящего как цепь трагических событий. Пожалуй, «ни у одного из современных прозаиков так часто не возникают мотивы, связанные с идеей кругового движения, окружения, замыкания, возврата» [13. С. 54].

Все происходящее в романе вписывается в природный круговорот, составляя «целесообразность оборота жизни». В «Плахе» понятия «круговорот жизни» и «круговращение времени» взаимосвязаны. Представление о круговращении времени соотносится с осознанием того, что «всему свое время», с осмыслением начала и конца жизни. Писатель, размышляя над «ценой жизни», употребляет понятие «круговорот жизни», пребывание в нем вызывает ощущение трагичности, «когда все приходит и все уходит, вновь приходит и вновь уходит» [14]. В романе «Плаха» возобновляется та же мысль: после разговора со смертельно больной женой Бостон приходит на берег Иссык-Куля:

Ему хотелось плакать, хотелось исчезнуть в Иссык-Куле — хотелось и не хотелось жить... Вот как эти буруны — волна вскипает, исчезает и снова возрождается сама из себя... [4. С. 270].

Заканчивается произведение этими же словами.

Круг как геометрическая фигура проявляется и в художественной структуре романа, основу которой составила «система замкнутых и одновременно пересекающихся друг с другом, вписанных друг в друга “кругов”» [13. С. 54]. «Плаха» имеет «круговое, симфоническое строение» [13. С. 55].

Сокровенный смысл произведений Айтматова зачастую выражается в молениях, молитвах, песнопениях, представляющих собой одухотворенные и поэтически возвышенные фрагменты текста, позволяющие автору воплотить свой эстетический идеал. Возглавляющий на своем Каранаре похоронную процессию, Буранный Едигей по дороге к кладбищу Ана-Бейит вспоминает полузабытые молитвы, слова которых, обращенные к Богу, неизменны.

Но слова эти, отшлифованные тысячелетиями, как слитки золота, которые обязан произнести живой над мертвым. Таков обряд [2. С. 275].

Центральное место в композиции романа «Плаха» занимает «удивительная молитва одной современной монахини», принявшей постриг во время войны после гибели возлюбленного, с которым она прожила всего лишь полтора месяца. Он погиб на военном корабле, потопленном германской подлодкой.

Ты, Сострадающий, Благословенный, Правый, прости меня, что досаждаю тебе обращениями неотступными... Прошу лишь об одном, яви такое чудо: пусть тот корабль плывет все тем же курсом прежним изо дня в день, из ночи в ночь, покуда день и ночь сменяются определенным Тобою чередом в космическом вращении Земли... И пусть корабль держит путь во светлый град на дальнем океанском берегу, хотя пристать к нему во веки не дано... [4. С. 172].

Монахиня молит Вездесущего и Сострадающего о том, чтобы тот корабль продолжал плыть по океану и после ее смерти, когда некому будет просить об этом, «и за пределом вечности». Так в романе Айтматова в словах молитвы закреплён новый, космический масштаб событий, характерный для поздней прозы писателя.

Основную часть текста притчи «Плач перелетной птицы» о событиях XVII века составила молитва матери троих детей, Кертолго-зайип, обращенная к природным силам — озеру Иссык-Куль и небесному богу Тенгри:

О Иссык-Куль, ты око земли, ты всегда смотришь в небо. Обращаюсь к тебе — вечный, незамерзающий Иссык-Куль, чтобы стала известна мольба моя богу Неба — вершителю судеб — Тенгри, когда он глянет сверху в твои глубины.

О Тенгри, в час грозный и опасный дай нам силу устоять перед врагом ойратским. Сохрани наш шестиколенный киргизский народ... Будь справедлив — не откажи нам в победе в битве открытой [1. С. 95–96].

Женщина просит Тенгри сохранить жизнь соплеменникам, молит о том, чтобы судьба была милостива к ее заболевшему мужу, к детям, чтобы «дано ей было нянчить внуков». Слова молитвы матери и жены исполнены красоты, в них соединяются боль за родную землю и забота о близких, вера в неистребимость добра и продолжение рода.

Исследователь Е.А. Мироненко в связи с финалом романа «Когда падают горы (Вечная невеста)» пишет, что молитву у Айтматова заменили проклятья: «Если молитва в авторском контексте... является созидающим словом, то проклятие для писателя — это антимолитва, антислово, разрушающее мир» [15. С. 327].

Феномен художественного мира Ч.Т. Айтматова определяется авторской оптикой, реализующейся в поэтическом языке, и объясняется билингвальной природой его творчества: классик киргизской литературы, он принадлежит и русской литературе как известный писатель, получивший мировое признание. По словам Айтматова, для него «русский язык в не меньшей степени родной, чем киргизский, родной с детства, родной на всю жизнь» [1. С. 284]. Как считают ученые, у многоязычных писателей, владеющих несколькими языками с раннего детства, «обращение к другой языковой системе не только не исключено, но чрезвычайно распространено. Можно даже с уверенностью утверждать, что подобное обращение к другим языкам в процессе письма становится замечательным источником лингвистической креативности» [16. С. 16].

Создавая тексты на русском языке, Айтматов постоянно обращается к родной языковой стихии. Автор использует тюркоязычную ономастику — антропонимы, зоонимы, топонимы, гидронимы. Вкрапленные в русскоязычный текст онимы как кумулятивные знаки, содержащие духовную и материальную информацию, формируют этнокультурное пространство художественного текста. Так, жену Едигея зовут Укубала, что переводится на русский язык как «дитя кукушки». Ее степень близости природе определяется «талгаком», заветным желанием во время первой беременности, которое должно быть удовлетворено. «Ей приснился во сне золотой мекре... Ей очень хотелось поймать ту рыбу, а затем отпустить» [2. С. 393—394]. В том же тексте автором объясняется имя Жоломан, «образованное от двух слов: “жол” — путь, “аман” — здоровье, по смыслу — будь здоров в пути».

В текстах Айтматова кроме многочисленных тюркоязычных антропонимов представлены и зоонимы — имена животных: конь Гульсары, верблюд Каранар, пес Жолбарс, волки Акбара и Ташчайнар и др. В повести «Прощай, Гульсары!» имя «старого иноходца» Гульсары переводится как «желтый цветок, лютик» [17. С. 375]. В тексте «Плахи» имя волка Ташчайнар переводится как «камнедробитель». В романе «И дольше века длится день» представлен перевод на русский язык упоминаемых Едигеем зоонимов: «Арстан, жолбарс, борибосар — лев, тигр, волкодав» [2. С. 249].

Каранар, как и Едигей, является главным героем романа, их объединяет и общее «второе» имя: Боранлы-Буранный. Именно поэтому образ верблюда находит в произведении развернутое воплощение. Мифопоэтический подтекст образа выявляется благодаря тюркоязычной лексике в описании верблюда. По словам Казангапа, «есть такой закон, дедами еще сказанный: мал иесикудайдан» («хозяин скотины от бога») [2. С. 268]. «Едигей был потрясен неукротимой, неменяемой устремленностью атана к счастью и понимал, что лишает его этого счастья, но другого выхода не было» [2. С. 420]. Восприятие мира через животное (верблюда) раскрывается в сцене возвращения Едигея с детьми после дождя; он обращается к Укубале: «Когда атан пьянеет, он играет со своими тайлаками». Автор дает перевод слова «тайлак»: «детеныш верблюда. Когда атан, самец, пьянеет, он играет со своими детенышами» [2. С. 323]. В данном случае сама эта деталь, как и иноязычная лексика, позволяют выразить свойство мышления кочевника. Приведем еще один пример из того же романа:

И тогда сказала она, глядя на сына-манкурта, свое знаменитое прискорбное слово о солнце, о боге, о себе...

И тогда она начала свой плач, который и поныне вспоминают знающие люди:
— Мен ботасы олгенбоз мая,
Тулыбын келип искеген...

Это переводится в тексте как «Я сирая верблудица, пришедшая вдохнуть запах шкуры верблюжонка, набитого соломой» [2. С. 340].

Айтматов обращается к родному языку в тех случаях, когда речь заходит о национальных обычаях, ритуалах, традициях. Едигей, говоря о Каранаре, возражает Казангапу: «Сам знаешь, не случайно сказано исстари: “Кюш атасын танымайды”. Пришла его пора», что переводится на русский язык как «Сила отца не

признает» [2. С. 313]. А когда военные не пропускают Едигея на родовое кладбище Ана-Бейит (Материнский упокой), он обращается к лейтенанту Тансыкбаеву на казахском языке: «Биз, бизгой, карагым. Ана-Бейитке желтпей турып калдык. Калай да болса, жардамдеш, карагым» (перевод: «Мы, это мы, сынок. Не пропускают нас на кладбище. Сделай что-нибудь, помоги нам, сынок») [2. С. 468]. Но родной язык в общении с «беспмятным» Тансыкбаевым, пожелавшим говорить со стариком на русском языке, не помог Едигею. Национальные традиции — корневая система любого этноса, именно поэтому писатель предостерегает против их забвения и утраты.

3. Выводы

Айтматов с помощью иноязычной лексики — экзотизмов, придающих особый колорит тексту и обогащающих его, а также метатекста (эпиграфов, подзаголовков, множества постраничных сносок, в которых дан перевод с киргизского на русский язык) выстраивает свою модель мира, основание которой составляют национальные традиции и культура этноса.

В статье «Языковой космос» Айтматов выражает свое отношение к билингвизму как явлению общечеловеческой культуры, подчеркивая, что «билингвизм стыкует разные языки и, стало быть, разные формы мышления, и стало быть, разные мироощущения и создает “новый уровень сознания”» (Выделено нами. — А.С.) [18. С. 184].

Феномен Ч.Т. Айтматова состоит в том, что ему удалось осмыслить актуальные социальные проблемы в контексте «большого времени», раскрыть «бесконечную красоту и бесконечную противоречивость мира» в его национальном выражении, и в поиске единых «кодов» развития всей земной цивилизации выйти на новый — планетарный — уровень сознания.

Список литературы

1. *Айтматов Ч.Т.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3. Рассказы. Очерки. Публицистика. М.: Молодая гвардия, 1984.
2. *Айтматов Ч.Т.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 2. Повести. Роман. М.: Молодая гвардия, 1983.
3. *Айтматов Ч.Т.* Вся правда, девять лет спустя. URL: http://lib.ru/PROZA/AJTMATOW/aitm_white.txt
4. *Айтматов Ч.Т.* Плаха: роман. М.: Молодая гвардия, 1987.
5. *Гачев Г.Д.* Ментальности народов мира. М.: Алгоритм; Эксмо, 2008.
6. *Шогенцукова Н.А.* Опыт онтологической поэтики. М.: Наследие, 1995.
7. *Гачев Г.Д.* Чингиз Айтматов и мировая литература. Фрунзе: Кыргызстан, 1982.
8. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. М.: Советский писатель, 1988.
9. *Айтматов Ч.Т.* Тавро Кассандры: Роман, повести. СПб.: Азбука-классика, 2007.
10. *Айтматов Ч., Дайсаку Икеда.* Ода величию духа // Диалоги. М.: Изд-во МГУ, 2012.
11. *Смирнова А.И.* Натурфилософская концепция в романах Ч. Айтматова 1980-х годов: трагизм познания добра и зла. М.: Флинта; Наука, 2009.
12. *Айтматов Ч.Т.* Статьи, выступления, диалоги, интервью. М.: Агентство печати «Новости», 1989.
13. *Пискунов В., Пискунова С.* Выйти из круга // Литературное обозрение. 1987. № 2. С. 234–246.

14. *Айтматов Ч.Т.* Цена жизни // Литературная газета. 1986. 13 августа.
15. *Мироненко Е.А.* Мифопоэтическое слово в прозе Чингиза Айтматова // Русское слово в культурном и социальном аспекте: сб. науч. ст. Кемерово: Кемеров. гос. ун-т культуры и искусств, 2010. Т. 1.
16. *Анохина О.Д., Великанова Н.П.* Мультилингвизм в процессе творческого письма // Мультилингвизм и генезис текста. Материалы международного симпозиума. 3—5 октября 2007. М.: ИМЛИ РАН, 2010.
17. *Айтматов Ч.Т.* Собрание сочинений: в 3 т. Т. 1. Повести / предисл. Н. Потапова. М.: Молодая гвардия, 1982.
18. *Айтматов Ч.Т.* В соавторстве с землей и водою...: очерки, статьи, беседы, интервью. 2-е изд. Фрунзе: Кыргызстан, 1979.

© Смирнова А.И., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 22.10.2018

Дата принятия к печати: 09.12.2018

Модератор: У.М. Бахтикиреева

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Смирнова А.И. Феномен Ч.Т. Айтматова: к 90-летию со дня рождения писателя // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 52—62. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-52-62

Сведения об авторе:

Смирнова Альфия Исламовна — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

The Phenomenon of C.T. Aitmatov: To the 90th Birthday of the Writer

A.I. Smirnova

Moscow City Pedagogical University
4, building 1, 2nd Agricultural passage, Moscow, 129226, Russian Federation

The purpose of the article dedicated to the 90th anniversary of Chinghiz Aitmatov's birth is the study of the phenomenon of the writer's artistic world, the uniqueness of which is due to a special author's vision, manifested in the mythopoetic and philosophical understanding of life, in the "new" type of literary thinking, in creating a holistic national image of the world, in the "linguistic cosmos" of the bilingual author. On the material of the texts "The White Sheamboat", "The Day Lasts More Than a Hundred Years", "Scaffold", "When the Mountains Fall (Eternal Bride)" and others, the poetics of the title, spatial loci and images of animals, the function of motives, the semantics of the

circle, the specific character of poetic language are analyzed. The thirst for creativity as the need for “artistic perception of life” is considered in the article in two main aspects, formulated by Aitmatov himself as the Artist’s responsibility before the future: “knowledge of infinite beauty and infinite contradiction of the world”. The results of the text analysis are correlated in the article with the creative principles of the author, which made it possible to define the phenomenon of the artistic world of the bilingual writer as an achieving a “new level of consciousness” (Chinghiz Aitmatov’s “Linguistic Cosmos”).

Key words: Aitmatov, phenomenon, artistic world, novel, semantics, poetics, bilingualism, poetic language

References

1. Aitmatov, Ch.T. 1984. *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 3. Rasskazy. Ocherki. Publitsistika* [Collected Works]. Moscow: Molodaya gvardiya. Print. (In Russ.)
2. Aitmatov, Ch.T. 1983. *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 2. Povesti. Roman* [Collected Works. Vol. 2]. Moscow: Molodaya gvardiya. Print. (In Russ.)
3. Aitmatov, Ch.T. *Vsyapravda, devyat' let spustya*. Web. URL: http://lib.ru/PROZA/AJTMATOW/aitm_white.txt
4. Aitmatov, Ch.T. 1987. *Plakha: Roman* [Scaffold]. Moscow: Molodaya gvardiya. Print. (In Russ.)
5. Gachev, G.D. 2008. *Mental'nosti narodov mira* [Mentality of the Peoples of the World]. Moscow: Algoritm, Eksmo. Print. (In Russ.)
6. Shogentsukova, N.A. 1995. *Opyt ontologicheskoi poetiki* [The Experience of Ontological Poetics]. Moscow: Nasledie. Print. (In Russ.)
7. Gachev, G.D. 1982. *Chingiz Aitmatov i mirovaya literature* [Chingiz Aitmatov and the World Literature]. Frunze: Kyrgyzstan. Print. (In Russ.)
8. Gachev, G.D. 1988. *Natsional'nye obrazy mira* [National Images of the World]. Moscow: Sovetskii pisatel'. Print. (In Russ.)
9. Aitmatov, Ch.T. 2007. *Tavro Kassandry: Roman, povesti* [Cassandra's Mark]. St. Petersburg: Azbuka-klassika. Print. (In Russ.)
10. Aitmatov, Ch., and Daisaku Ikeda. 2012. *Oda velichiyu dukha. Dialogi* [Ode to the Majesty of the Spirit. Dialogues]. Moscow: Izd-vo MGU. Print. (In Russ.)
11. Smirnova, A.I. 2009. *Naturfilosofskaya kontseptsiya v romanakh Ch. Aitmatova 1980-kh godov: tragizm poznaniya dobra i zla* [Natural philosophical Concept in the Novels of C. Aitmatov in the 1980s: the Tragedy of the Knowledge of Good and Evil]. Moscow: Flinta; Nauka. Print. (In Russ.)
12. Aitmatov, Ch.T. 1989. *Stat'i, vystupleniya, dialogi, interv'yu* [Essays, Speeches, Dialogues, Interviews]. Moscow: Agentstvo pechati «Novosti». Print. (In Russ.)
13. Piskunov, V., and S. Piskunova. 1987. “Vyiti iz kruga” [Out of the Circle]. *Literaturnoe obozrenie*. 2: 234–246. Print. (In Russ.)
14. Aitmatov, Ch.T. 1986. “Tsena zhizni” [The Price of Life]. *Literaturnaya gazeta*. 13 avgusta (Aug. 13).
15. Mironenko, E.A. 2010. “Mifopoeticheskoe slovo v proze Chingiza Aitmatova” [Mythopoetic Word in Prose of Ch. Aitmatov] in *Russkoi slovo v kul'turnom isotsial'nom aspekte: sb. nauch. st.* Kemerovo: Kemerov. Gos. Un-t kul'turyiiskusstv. Print. (In Russ.)
16. Anokhina, O.D., and N.P. Velikanova. 2007. “Mul'tilingvizm v protsesse tvorcheskogo pis'ma” [Multilingualism in the Process of Literary Writing] in *Mul'tilingvizm i genesis teksta. Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma*. Oct., 5–7, 2007. Moscow: IMLI RAN. Print. (In Russ.)
17. Aitmatov, Ch.T. 1984. *Sobranie sochinenii: v 3 t. T. 1.* [Collected Works. Vol. 1]. Moscow: Molodaya gvardiya. Print. (In Russ.)
18. Aitmatov, Ch.T. 1979. *V soavtorstve s zemleyu i vodoyu...: Ocherki, stat'i, besedy, interv'yu* [In Consonance with the Land and Water...: Essays, Articles, Conversations, Interviews]. Frunze: Kyrgyzstan. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 22.10.2018

Accepted: 09.12.2018

Moderator: U.M. Bakhtikireeva

Conflict of interests: none

For citation:

Smirnova, A.I. 2019. “The Phenomenon of C.T. Aitmatov: To the 90th Birthday of the Writer”. Polylinguality and Transcultural Practices, 16 (1), 52—62. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-52-62

Bio note:

Alfia I. Smirnova is a Doctor in Philology, professor, Head of the Department of Russian Literature at the Institute of Humanities, Moscow City Pedagogical University. E-mail: alfia-smirnova@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-63-72

Self-Identification of Ravil Bukharayev's Lyrical Subject (as seen in *A Wreath of Wild-Growing Sonnets*)

V.R. Amineva, L.N. Yuzmukhametova

Kazan (Volga Region) Federal University
18, Kremlevskaya Str., Kazan, Russian Federation

The works by Ravil Bukharayev (1951–2012) — who created his poetic texts in Russian, Tatar, English, and Hungarian and was involved in the Tatar literature and culture — possess a special art and esthetic nature, which demands evidence-based and adequate esthetic assessment. An attempt to reveal the functioning features of this genre and strophe form is made for the first time in the modern Russian-speaking poetry on the material of *A Wreath of Wild — Growing Sonnets*, a cycle of poems by R. Bukharayev. The methodical studying system of the works, which are created on a joint of cultures, thus embodying new forms of a “hybrid” identity, relies on the doctrine about the dialogical nature of art creativity and on the theory of a trans-level of culture developed in foreign and domestic literary criticism. The conclusion is drawn that the wreath of sonnets stops being a static form in R. Bukharayev's lyrics, and its genre semantics is formed only by its composite structure.

The art integrity of this genre and strophe system is created not only by a “chained” design of a wreath connecting the end and the beginning of all cyclic context in general, but also by a concentric principle of the main subject development. It is defined that the subjective architectonics of this sonnet cycle is formed by the relations of the lyrical hero and special-type supersubjects — personified images of foreign culture. The main ways of overcoming the border between “own” and “other” are described in the article as follows: to study Hungarian which performs a replaceable function and to study the works. They are allocated with mythological features and find one-to-one correspondences: nature and person, “own” and “other”, silence and a word, lines of a sonnet and flowers in a bouquet. The received results are significant for understanding the art and esthetic nature of the “boundary” phenomena in the modern literary process.

Key words: Russian literature, hybrid identity, “own”, “other”, genre poetics, subject architectonics

1. Introduction

A specific place in the modern Russian literary process is held by the creative use of the Russian language by the authors of “another nationality”, who creates on a joint of cultures and embodies the “boundary” of art consciousness. R. Bukharayev (1951–2012) — the poet in constant pursue of his true self, who painfully endured a phenomenon of the “hybrid” identity — regards creativity as the subject of interest: “As a stepson of the native language, / I live, I write, and I think in Russian!” [1. P. 12]. R. Bukharayev writes in the preface to one of his books: “Perhaps, or for certain, this exact hopeless longing for old language / that for some reason became alien, this persistent desire to understand / why the foreign is not the native, with all its undivulged force / allowed to write verses in absolutely foreign languages” [2. P. 10].

Bukharayev's personality and creativity drew attention of literary critics. V. Bondarenko describes the tragic fate of the "Russian poet with the Tatar blood", who wanders worldwide — from Austria to Hungary, from India to Germany, from Japan to England — and masters a wide variety of languages, but harbors the lack of belonging and the feeling of uselessness: "...London did not change the poet, and it was necessary for recognition of his authenticity — far from his small and big homelands. He also moved away farther from both Russia and Tataria to understand himself" [3. P. 378]. M.I. Ibragimov describes the concept of "multiple identification" in relation to works of the poet (see the works cited [4. P. 43]). From the personal notes of L. Bukharayeva: "Silence and speech; quietness and cacophony; connection between such different languages: R. Bukharayev was tested by a new Word daily, every hour of his life. He lived inside the Language as if in a life paradigm" [5].

The intense search of his true self and identity was reflected in four wreaths of sonnets: *The Bug and the Toad (a Wreath for the Coat of Arms)* (1993), *The Call (a Wreath of Foggy Sonnets)* (2000), *A Wreath of Wild-Growing Sonnets* (2000), *Alms of the Native Language (a Wreath of Humid Smoke)* (2000), written in Russian, English, Hungarian, and Tatar respectively; the last three cycles represent the author's translation into Russian.

In domestic and foreign literary criticism [6; 7] the extensive scientific and critical literature, generalized and systematized in a number of modern works, is devoted to such genres as sonnet and sonnet cyclic units, in particular, "a wreath of sonnets". The attention of scholars is also drawn by the fixed features of a wreath of sonnets in the Russian poems [8]. This article features the unprecedented analysis of a sonnet cycle by R. Bukharayev and the realization of the cultural border phenomenon from its artistic and esthetic side.

Methods and materials. The theoretical and methodological basis of the conducted research is based on the works of domestic and foreign scholars [9—11] who constructs the transcultural model of art development, which assumes "cultural diversity and universality as property of one's personality, a state of belonging of an individual to many cultures" [12. P. 97]. The works which reveal the features of the subject organization in the lyrical works had impacted the concept of the research [13; 14]. The method of analysis of the works by R. Bukharayev is based on the recognition principles of the cyclic interconnection of the sonnets [7] established in literary criticism and in features of a wreath of sonnets in different national literatures [8].

2. Results and Discussion

The architectonics of the sonnet cycles *The Bug and the Toad (a Wreath for the Coat of Arms)* (1993) and *Alms of the Native Language (Wreath of Humid Smoke)* (2000) is set by the relation of the poet and vital, creative elements of the national languages — Russian (the language of the fatherland) and Tatar (native language), which appear in the subjective forms. The intension in each of languages is expressed by the two-voiced words of the lyrical hero turned to "you" (speeches) and deictic character.

In the sonnet cycle *The Bug and the Toad (A Wreath for the Coat of Arms)* silence became one of the ways to determine and understand the "I" concept: "Then silence comes which is the speech. / Set free, you are not the one who protects me, / let in silence of a lotus and Punjab" [1. P. 314].

The silence is followed by the creation of myths. “The speech of the fatherland” is allocated with the mythological lines. Its relation to “I” is developed dramatically. The conflict begins with two opposite intensions, one of which is unilateral, active, strong-willed, and powerful (women’s), another is passive, undergoing, searching, and asking (men’s). The role of the female elements of language in life of the hero is dual: “Softly you lay, and your cloth is expensive, / but you bite like Punjab temple snake...” [1. P. 312]. The Punjab temple snake, to which the language of the fatherland is compared, is a negative demiurge who symbolizes unity of honey and poison, tenderness and pain, spirituality and corporal food.

The definition of the “jealous woman”, who “reached and jumped behind a hillock” [1. P. 312], enters a love subject. The love collision seen as “adultery” is recognized as a treason in three other languages and a gap with “it” — the language of the fatherland. In the relations with “it”, the lyrical hero jumps from entreaty (“I honestly begged as maternal milk, / only hot pitch of your wonder-working harmony” [1. P. 312]) to a confession (“I confess in unity of soul and spirit, / in unity of a stone and goose / set free — the victim is small” [1. P. 313]) to a request (“...set free — the victim is small... Let in silence of a lotus and Punjab...” [1. P. 313–314]), which quickly becomes the requirement (“... start up my soul from fornication to work!” [1. P. 314]).

The rhetoric of silence and passionate nihilism, which corresponds with total self-rejection and understanding of his soul as the victim, is solved by the exit to another plan of life and overcoming of all pragmatic restrictions and active life creation: “I myself will verify and I will adjust again, / I know when it is time for me to live and when to die, / I will victimize myself by my work” [1. P. 314]. The energy turned upside-down to its original form. At this moment it is the catharsis — the feeling of equal rights for both “I” and God — and finding the purpose in oneself, in never-ending self-implementation: “I estimated myself to the last mortal melancholy, / to the fact that heart comes to an end and temple aches, / and bringing to the final outcome / the biography, and geography, and vanity of attempts, / summarized that from now on, and suddenly, / I already have to do something to myself and God” [1. P. 317].

Life transformation of a lyrical subject corresponds with this process. The hero of the sonnet cycle becomes the center of infinite world space: “I’m approaching my nomadic threshold / from a pre-dawn prayer, and in shreds of spring darkness / I see taking away, and from here the road / where “I”s are senseless and “we” shave no advantage [1. P. 317]. “The nomadic threshold” is a point of ontological intense, meaning not only transition, but also the changes that are the creation of new vision and understanding of oneself and the world. There is an idea of his true self as a lonely and free creator, deprived of vital support: “The speech of the fatherland — not delight to my trouble” [1. P. 317], but finding vertical orientation of a way and ability to symbolically generalize and find the markers of identity: “And coat of arms is as follows: the full moon — is a sort to hill, / and in Leo’s and Unicorn places — / the Bug and the Toad are at the edges of a wreath” [1. P. 317]. The tragic experiences of the lyrical subject are removed via irony as one of the ways of emotional and valuable existence of the person in the world. The irony is implemented as a style-forming factor that finds its expression in the mixture of various styles — high and low, colloquial and literary — as a philosophical position of the author who is looking for an exit from his tragically hopeless life situation.

In other plan, the problem of the lyrical hero's self-identification in Bukharayev's works is solved in the cycle *The Call (A Wreath of Foggy Sonnets)*. The poet widely uses deixis¹ as an art form, which specifics are in an autoreflective frontage. This wreath of sonnets is interesting in the terms of interaction between two types of the deixis — denying and negative (“everywhere anybody's, without place in the Universe” [1. P. 321]); “But I am not a mirage...” [1. P. 322]), and positive with approving (“as a column on the crossroads” [1. P. 321]; “I am pain, a doubt, the fear of all strange” [1. P. 323]; “that animal on the lookout” [1. P. 323]; “as the Venice lion” [1. P. 323]; “as a cloud over Giudecca's temples” [1. P. 327]). In the first case, the autonomination of the lyrical hero is developing through the understanding that it is false; in the second case, the counting of the essential signs and properties or comparison identification, in which one-to-one image correspondences are established between the comparative and existential plans.

The architectonics of this wreath, as well as of the previous one, is defined by the meeting and combination of two intensions — direct and return: the questioning, going from the lyrical subject, which is in a condition of intense expectation of a response from the outside and from the world answering with silence: “...and hearing an echo, so again / I listen attentively to bring the calm from the sea coast” [1. P. 320]. An exit in creative measurement of life transforms the reaction of the hero to the “silence” of the world: “... in a foggy veil / I lay a wreath, which branches, as the rivers, / run together in a sea stream...” [1. Pp. 327—328]. Laying a wreath from the branches of rivers creates avid picture of the creative act, in which individual and personal beginning is absorbed by the natural and the mythological: “Venice closes her eyelids again, / appreciating the moment; a wreath or not a wreath, / the echo of these lines will be soaked by fogs” [1. P. 328]. The mythological semantics offer the prospect of rapprochement and harmonization of two different intensions and the prospects correlated to them. Laying a wreath gains a heroic character: the lyrical subject gives the world his creative energy, passes to the internal point of view of the city and nature, promoting that they started talking their own language.

The search of the lyrical hero's ways of self-identification and self-expression are carried out in this wreath of sonnets in various directions and take many different forms: autonominations and self-characteristics; designing the art of space and time; the motive of vagrancy and search of the “own” and “native”; approval of uniqueness and exclusiveness of “I” and refusal of individual life, merge to the nature; denial of a word, leaving in silence and a new type of creativity — “laying” a wreath. The plurality, not integrity, discretization of identifications, caused the principles of cyclic communication of sonnets, the characteristics of R. Bukharayev's creativity. The consecutive “chained” connection of isomorphic strophe structures is combined with the concentric principle of development of a subject that gave the grounds to critics to call sonnet cyclic units by R. Bukharayev not the “wreaths”, but “clusters” of sonnets [16].

The third sonnet cycle, *A Wreath of Wild-Growing Sonnets*, reflects the experience of self-determination of the lyrical hero in foreign culture. The sonnets are saturated with Hungarian “culture”. The epigraphs by Attila József (1905—1937) and Dezsó Kosztolányi (1885—1936) works are a prologue to the cycle; the other Hungarian poets — Ady Endre

¹ Deixis — a definition with the nature of “the external index gesture directed to the called subject” [15. P. 175].

(1877–1919) and Csáth Géza (1887/1888–1919) — are also mentioned in the text, the Hungarian cities of Karcag, Budapest, Calvin Square, Kostolany, gardens, the Danube River are also described. The lyrical hero of R. Bukharayev tries to find his place in this world. Search of “his own” in “foreign” defines the figurative and subjective structures of a cycle.

Familiarizing with another national culture and traditions begins with contemplation of an autumn garden, which is alien and different for the lyrical hero. The self-sufficiency of a garden, its complete, closed life with its daily rhythms is emphasized in the poem: “Look soberly — an autumn garden is around / that lived without you so far, it’s rich, / it blossomed and it faded, dissolved its buds, / it sinned and it repented from year to year...” [1. P. 330]. Therefore, the question, filled with the tragic foreboding of the non-participation in this life (“Does the fruit shines for you / inside the crimson sprinkled krone?” [1. P. 330]), is replaced by the ascertaining: “Here wind plays and enchants light: / they are harsh due to my strangeness...” [1. P. 330].

The hero of the sonnet cycle perceives the world of foreign culture in subjective forms. The garden, the fall, the trees, the wind, the stars, the inflorescences, the branches, the bird — all these become independent characters. The active role in existential drama belongs to the fall — the time of immanent harvesting and withering of Nature. The autumn state of World is transformed into the existential and substantial figurativeness: “... and Fall, not laying its arms on a grass, / floats through a garden in the beams of its crown” [1. P. 331]. The subjective prospect of its actions is present in the work: “The fall knits lace transparently, / goes through the garden as if through a sonnet...” [1. P. 331]. The fall reaches for “others” and gives them the fruits: “... for József — a nettle, / for Kostolany — a rose of beer-color, / for Ady — the dahlias and grass...” [1. P. 331]. But it knows nothing about the lyrical hero (“Oh, fall, what do you know of me?” [1. P. 330]), and the hero is bewitched by its clear sky, sleepy stars, dew in foliage, and the garden, “where everything lives other destiny” [1. P. 332]. The spring, as well as the fall, is indifferent to the lyrical subject: “There is a honeysuckle, and here is a lilac in bloom, / here is willow branches that were lifted up by wind... / What does it have to do with I?” [1. P. 335].

The feeling of the irrelevance and uselessness to the Fall and the Spring turns into the total alienation from life in general: “Life with easy wave / banished me to emptiness forever” [1. P. 335]. Identifying the Life as a woman, R. Bukharayev gives it an “all-foundness” and “all-liveliness” as an active position. The difficult correlations are established between the female life and the hero of the sonnet cycle: “... and life in a feminine way will lie or not” [1. P. 333]. The need for a family relations with Life (“... and I reach for it as the child to mother’ [1. P. 335]) is turned into the emptiness and inevitable oblivion: “Everything is designated, off-base — remains the fear that life will forget me hurriedly...” [1. P. 335]. Oblivion performs destructive negative function, destroying time and performing a mythological metamorphosis: “Life leaves, leaves without joking, / having again turned the man into the child” [1. P. 335].

The special form of alienation is the alienation from one’s personality, which is characteristic of self-consciousness of “I” through the independence of the “soul” from the “flesh” (“Do behave yourself, my soul, you are too young / flesh did not cease to write yet...” [1. P. 329]), its materialization and substantivity. From there appeals are

turned to soul: “Hurry behind it (after Fall — V.A., L.Y.), soul, behind a tree, / on Logodi, on the small street lit by dawn!” [1. P. 331]. R. Bukharayev carries on the traditions of G. Tuqay and other Tatar poets of the beginning of the 20th century, allocating soul with independent life and ability to influence the events of human life (see: [18. P. 80—82]). In *A Wreath of Wild-Growing Sonnets* this trend is shown to a limit, up to the opposition of soul to the body (“Soul and flesh are at enmity from time to time...” [1. P. 335]) and its separations: soul can be carried “over the borders” “even to Sydney” [1. P. 336]. The deeply personal existence of the soul is not described, but defined by the psychoemotional states endured by it, which are also given the subjective rank. Melancholy turns into a bat. “Melancholy is a bat / that rushes about, peeps around, and passes all obstacles...” [1. P. 331]. “Pain”, the first word learned in Hungarian, “ascends light and grass” [1. P. 332] “is distributed in breadth” [1. P. 335]. “Soul” is unbearable, and the lyrical hero presents to it the sonnet-savage “instead of flowers” [1. P. 336]. The images bearing semantics of pain reveal the crisis state of “soul” — the equivalent to the special measurements between life and a non-existence.

The hero of the sonnet cycle is released not only from himself and from the substantive reality of life, but also from daily communication, from all full-fledged communicative situations, therefore “Budapest is like a desert” [1. P. 333]; the meeting with Csáth Géza is also not pleasant: “Again coffee and liqueur rose in price, / it is not greed for pennies, — the conversation / under heaven locked is a pity, vague” [1. P. 334]. Foreign culture appears in the personified image: “Madams, with a straw in a mouth” [1. P. 333]. The fog, which symbolizes the illusiveness, irreality of life, indistinguished ability of all phenomena, consciousness disintegration, becomes its indispensable attribute: “From there, where Danube is seen slightly better / and fog lies on the squares in strips; / the passerby I did not recognize; however, we also does not recognize ourselves in the fogs of days. / Ah, madam, your charms... are foggy” [1. P. 334]. The lyrical hero feels a threat of disappearance, dispersion and dissociation sharply in this other world: “As the ghost, in devout melancholy, / I stick out with the guilty head here...” [1. P. 332]. The discourse of uncertainty and non-identity corresponds also with the existential state of the “farewells with the stepfather’s words”: “My farewell with the stepfather’s words / grows and gets stronger as a wood trunk / without name; to be seduced with names / is naive if in the beginning there was a Verb” [1. P. 336].

Way of finding oneself and, at the same time, overcoming the border between “one’s own” and “another”, the dissolution of “another” in “one’s own” — understanding of it turns into the language study for the lyrical hero of R. Bukharayev: “Here (I see emptiness for strangers), / I, without understanding anything yet, / have comprehended the simplicity of Hungarian language” [1. P. 333]. The Hungarian for the lyrical hero is “a music, sliding easily into the forbidden” [1. P. 337]. The nature sounds become the communication medium along with language: “And life is simple — whatever blood to feed / verse, the wood and a dale will answer, / and music will continue between branches / a yellow bird or Eol” [1. P. 336].

Knowledge of the foreign language performs a substitution function: “In world order a worm is equal to a rose; / I write, hiding in this metamorphosis / the native Tatar speech numbness” [1. P. 336]. The elements of the mythological metamorphoses — identifying melancholy with a bat, pain with a word, a worm with a rose — extend also to the languages.

This stream of metamorphoses fixes the moment of transition and, at the same time, symbolically holds both limits — the native and someone else’s language, sounds of the nature and music of language, lines of the sonnet and flowers in a bouquet. The nature and art are not the isolated phenomena, but the syncretic unity.

In this sonnet cycle, as well as in previous ones, creativity becomes the highest form of self-determination in foreign culture. The art situation in *A Wreath of Wild-Growing Sonnets* is created when the beginning of “a native verse born in the foreign land” is shown [1. P. 333]. The definition of the sonnet — “a wild sonnet in bloom, / the sour spot of a garden and the other summer” [1. P. 336], “a wild sonnet, your root is superficial...” — enters into a circle of the natural phenomena, such as the trees speaking “good old Magyar language” [1. P. 332], wind with its monotonous swirls, a thread of the stars shining in the clear sky, a ringing of wet inflorescences, etc. Laws of its birth have natural character: “But the branch got free from the sleeping buds, / and in this hope I am at the end of the resources, / all right, here is the sonnet — a wild sonnet in bloom...” [1. P. 336].

Another series identifying nominations and appeals emphasizes their emotional-psychological nature in verses and reveals the process of transforming some phenomenon into another: “The Hungarian wind blows through me, / sifting pain in passing day — / it ascends light and grass, / not therefore in this silence / you break off my soul with pain, / a wild sonnet — what do I do with you?” [1. P. 332]; “... the verse (what more than a miracle) / will increase everyday life vanity” [1. P. 333]; “... in the verse the soul is above a body” [1. P. 334]; “What is a verse? The picture in a bright frame, / an enthusiastic scene in the boring drama, / and all my diligence not for the future” [1. P. 337]. Characteristic of verses contains the autoreflective trend enhancing tragic and ironical tone of a sonnet cycle: “What do I create from the borrowed language / my duel — my homeless diligence, / why do I play simplicity again?” [1. P. 337].

The connection in a wreath of “wild-growing sonnets” of two intensions — natural spontaneous and spiritual human — removes the border between them, allocating the creative process with mythological lines and finding in it complementarity of the mutually exclusive beginnings, “one’s own” and “another”, the nature and the person, silence and a word, light and darkness, etc. This context also neutralizes the opposition arising between the subjects of creativity — “the Magyar eagle” and “the Tatarrooster”: “Madam, who there in the darkness screams, / the Magyar eagle or the Tatar rooster?” [1. P. 338]. Figurative and semantic connection, which is established between the phenomena belonging to different ranks of conceptualization of reality, prepares transition of the lyrical hero, who is self-critically estimating himself, and his efforts for positive acceptance of the world: “Where we are absent, I will find joy. / There will be happiness in the foreign land too” [1. P. 338]. Therefore, the catharsis (finding the “one’s own” in “another” and tragic eradication of the foreign “I”), leads to the world of another culture. The idea of the movement and spiritual “way” is expressed in the breaking up with this stage of life: “Farewell, my Budapest, — in foggy gardens, / farewell, in the damned intuitions, / I thank you for the feelings and words, / for the fact that I reached the end of my resources, / having caught sight that in the last line / flickering, a cherry is slightly alive” [1. P. 338]. Here again lies the leitmotif of the whole cycle — “the vegetative code” is implemented (rapprochement of lines with leaves, the sonnets with plants), characterizing the culmination point of creative experience of the lyrical hero.

3. Conclusion

The wreath of sonnets attracts R. Bukharayev's attention as esthetically distinguished and sublime form of creativity with inexhaustible art potential. But the poet not only reproduces the structural and substantial features, characteristic of it, but also goes to new understanding of the ways of the organization among the poetic thoughts. The art integrity of this genre and strophe system is created in R. Bukharayev's creativity, not only by the "chained" design of a wreath connecting the end and the beginning of all cyclic context in general, but also the concentric development of the main subject. The intense thoughts about a language as the greatest national, historical, and cultural value are projected on the different spheres of life of the personality and are revealed in the different aspects that gives conceptuality to the main subject of each wreath and the art and esthetic importance.

The subject structure of the sonnet cycles by R. Bukharayev, including AWreath of Wild — Growing Sonnets, forms a union of two prospects and two intensions corresponding to them through the lyrical hero — from the supersubjects of special type (in this case — Falls, female Lives, Madam Foreign Lands, etc.), taking a position of easily finding extra vital activity in relation to the world of "I" — from another. Dialogue of "I" with this point of view performsthe structure-forming function, forming art and esthetic integrity of this genre and strophe system and defining ways of self-identification and self-expression of the hero of a sonnet cycle.

References

1. Bukharayev, R.R. 2011. Selected Works: Book of Verses. Kazan: Magarif — Wakyt. 415 p. Print.
2. Bukharayev, R. 2001. Infinite Train: Chosen Verses and Poems. Kazan: Magarif. 319 p. Print.
3. Bondarenko, V.A. 2011. Slavic Stock to a Turkic Savage. Kazan: Magarif — Wakyt: 373—389. Print.
4. Ibragimov, M.I. 2016. "Chronotope and Identity (on the example of a cycle of verses of Ravil Bukharayev "The Kazan Snow")". Literature at school. 6: 41—43. Print.
5. Bukharayeva, L. Hungarian Measurement of Creativity of Ravil Bukharayev, Web. //http://kazan-journal.ru/pages/item/5129-buharaev (Date of the address: 01.06.2018).
6. Lozhkova, A.V. 2012. "Sonnet as a Lyric Genre". Ural philological journal. 6: 5—18. Print.
7. Ostankovich, A.V. 2008. "Genre Specifics, Principles and Regularities of Cyclic Communication of Sonnets". Journal of the Stavropol State University. 5: 39—44. Print.
8. Talysbayeva, Zh.Zh. 2015. "About the Nature of Transformations of a Wreath of Sonnets in Poetry of the 20—21st centuries". The Siberian philological journal. 1: 133—139. Print.
9. Tlostanova, M.V. 2004. Post-Soviet Literature and Esthetics of a Transculture. To Live Never, to Write from Nowhere. Moscow: URRS. 2004. 416 p. Print.
10. Bakhtikireeva, U.M. 2005. Art Bilingual and Features of the Russian Art Text of the Writer Bilingual. ADD philol. sciences. Moscow. 35 p. Print.
11. Bhabha, H. 1994. The Location of Culture. New York. 408 p. Print.
12. Berry, E., and M. Epstein. 1999. Transcultural Experiments: Russian and American Models of Creative Communication. New York: St. Martin's Press, 340 p. Print.
13. Korman, B.O. 2006. Chosen Works. Theory of Literature. Izhevsk: Institute of computer researches. 552 p. Print.
14. Broytman, S.N. 2001. Historical Poetics. Study Guide. Moscow: Russian State Humanitarian University. 320 p. Print.
15. Khan, A. 2001. Poetic Universe. Analysis of the Poem of B. Pasternak "Definition of poetry": Preliminary Results to the Analysis of the Cycle "Engagement in Philosophy". Studia Russica. 19: 169—188. Print.

16. Yarantsev, V. “...We will make out the friend in the light of God”. Web. //http://www.sibogni.ru/content/buharaev-ravil-kazanskie-snega-stihi-kazan-magarif-2004 (Date of the address: 01.06.2018).

© Amineva V.R., Yuzmukhametova L.N., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Article history:

Received: 27.10.2018

Accepted: 29.12.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Amineva, V.R., and L.N. Yuzmukhametova. 2019. “Self-Identification of Ravil Bukharayev’s Lyrical Subject (as seen in A Wreath of Wild-Growing Sonnets)”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 63–72. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-63-72

Remark:

The text of the article was submitted as a report on IV International Conference “Bi-, Poly-, Translingualism and Language Education”, Moscow, December 7–8, 2018.

Bio Notes:

Venera R. Amineva is a Doctor of Philology, Associate Professor, Associate professor of the Russian and Foreign Literature Department of “Kazan (Volga) federal university”. Leading researcher at A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences. E-mail: amineva1000@list.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4016-2242>

SPIN: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=627370

Landysh N. Yuzmukhametova is a Candidate of Philology, Associate professor of the Department of Foreign languages for the Social and Humanitarian Direction at the Institute of the International Relations of “Kazan (Volga) federal university”. E-mail: land_yz@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9385-7684>

SPIN: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=796942

Пути самоидентификации лирического субъекта Р. Бухараева (на материале цикла «Венок дикорастущих сонетов»)

В.Р. Аминова, Л.Н. Юзмухаметова

Казанский (Приволжский) федеральный университет
Республика Татарстан, 420008, Казань, ул. Кремлевская, 18

На материале стихотворного цикла Р. Бухараева «Венок дикорастущих сонетов» рассматриваются особенности функционирования данной жанрово-строфической формы в современной русскоязычной поэзии. Установлено, что субъектная архитектура этого сонетного

цикла формируется отношениями лирического героя и сверхсубъектов особого типа — персонифицированных образов чужой культуры. В статье описываются основные способы преодоления границы между «своим» и «чужим»: рутинное/креативное общение на венгерском языке, выполняющее заместительную функцию. Творчество наделяется мифологическими чертами и обнаруживает взаимно однозначные соответствия природы и человека, «своего» и «чужого», молчания и слова, строчек сонета и цветов в букете.

Ключевые слова: русскоязычная литература, гибридная идентичность, «свое», «чужое», поэтика жанра, субъектная архитектура

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 27.10.2018

Дата принятия к печати: 29.12.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Аmineва В.Р., Юзмухаметова Л.Н. Пути самоидентификации лирического субъекта Р. Бухараева (на материале цикла «Венок дикорастущих сонетов») // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 63—72. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-63-72

Примечание:

Статья была представлена в качестве доклада на IV Международной конференции под эгидой МАПРЯЛ «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование», Москва, 7—8 декабря 2018.

Сведения об авторах:

Аmineва Венера Рудалевна — доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Казанского (Приволжского) федерального университета, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. М. Горького РАН. E-mail: amineva1000@list.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0003-4016-2242>

SPIN: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=627370

Юзмухаметова Ландыш Нургаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков социально-гуманитарного направления Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета. E-mail: land_yz@mail.ru

ORCID: <http://orcid.org/0000-0001-9385-7684>

SPIN: https://elibrary.ru/author_items.asp?authorid=796942

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-73-83

Транскультурация героя в романе Г. Бельгера «Дом скитальца»

А.С. Демченко

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Казахстан, 050040, Алматы, пр. аль-Фараби, 71

С помощью приемов литературоведческого анализа автор пытается проследить эволюцию героя романа Г. Бельгера в аспекте транскультурного подхода. Центральным объектом исследования послужил архетип «дом». Автор приходит к выводу, что связанные с указанным архетипом элементы разного уровня — от онтологических категорий («тут-бытие», «там-бытие») до символов позволяют эксплицировать идею Бельгера о вседомности, которая служит альтернативой внедомности и внеаходимости.

Ключевые слова: Г. Бельгер, казахстанская литература, транскультурация, литературный герой

1. Введение

Транскультурация — важная проблема современности, которую гуманитаристика осмысляет с разных позиций. Интересные подходы предлагает в этом плане литературоведение.

Если вхождение индивида в инокультурное пространство с последующей трансформацией как субъекта, так и поля рассматривать сквозь призму художественного текста, мы увидим, что авторы используют разные методы изображения, позволяющие достичь максимальной панорамности. Герои, соединяющие в себе собирательность (типичность) и известную индивидуальность, говорят от лица автора как представителя того или иного этноса и вместе с автором — и читателем — преодолевают некую историческую травму, обретая при этом новый — усложненный — культурный стержень, ось этнической самоидентификации. Мы бы хотели привести в качестве примера одну из сюжетных линий романа Г. Бельгера «Дом скитальца».

В литературной жизни Казахстана Г. Бельгер занимает особое место. Если развивать идею Г. Гачева о том, что каждый этнос «накидывает» на действительность сетку уникального мировосприятия, упорядочивая таким образом Космос вокруг себя, то «сеть» Бельгера не будет пересечением бинарных оппозиций, порожденных конкретным этносом. Триязычие, которое писатель метафорически выразил формулой «три струны», стало той ресурсной базой, благодаря которой Бельгеру удалось создать более сложную в эвристическом и эстетическом планах модель мира. «Речь немецкая, речь русская, речь казахская — как мелодии трех струн. Три струны моей души» [1. С. 2].

Вспоминая мысль Хайдеггера о том, что именно язык есть дом бытия, мы неизменно приходим к выводу, что бытие Бельгера перманентно протекало в трех языковых измерениях — не изолированно, но континуально.

Романы Г. Бельгера написаны на русском языке. Однако по внутренним идейным параметрам эту прозу трудно отнести к русской литературе, в определенном смысле она маргинальна, отмечена кросскультурным диалогом между русским, немецким и казахским языковыми мирами. В значительной мере это интеллектуально-ассоциативная проза, насыщенная интертекстами и реминисценциями, историческими экскурсами, ретроспекциями, параллелизмами, контрастами. Нарратор этой структуры — умудренный жизнью человек, напряженно размышляющий об итогах истории, особенно по отношению к немецкой диаспоре России и Казахстана.

Бельгер пишет: «Родина во всех моих произведениях — основополагающая тема. Не тема — суть моего Бытия. Боль. Творческое кредо. Основа. То, что немцы называют штандпункт. Мои герои, депортированные и ссыльные немцы, люди искалеченной судьбы, взрослые и малые, постоянно и настойчиво рассуждают на тему: что такое Родина, где она, есть ли у нас вообще Родина? Или мы вечные скитальцы, изгои, бездонные, неприкаянные на этой земле?» Это чувство неприкаянности свойственно многим российским немцам. Как отмечает в своей диссертационной работе Е. Зейферт, «модель мира для российских немцев — дорога к родному Дому, родине. Это гибридный, русско-немецкий мирообраз: по Г. Гачеву, модель мира для немцев — Дом, для русских — направление в бесконечность, путь-дорога. У российских немцев — совмещение двух этих моделей. Отличие германской (Дом) и российско-немецкой (стремление к Дому) моделей мира — в наличии Дома и отсутствии его. Мирообраз российских немцев динамический, но для них характерен приоритет статики над динамикой, возникший в противостоянии вынужденному “кочевью”» [2].

Концептуально значимое для Бельгера понятие — мировая литература; это отнюдь не «единая литература», но, как справедливо отмечает Л.М. Бабкина, «общечеловеческая духовная сокровищница», в которой важен вклад каждого литератора [3. С. 19]. Российских немцев Бельгер определяет как «продукт нескольких культур» (эта мысль звучит в устах школьного учителя Франца Фризена в романе «Туюк су»). Осмыслению их судьбы, творческого вклада в литературу, жизненной миссии посвящен сборник эссе «Помни имя свое», в котором Бельгер размышляет о перипетиях жизненных сюжетов своих соотечественников (Норы Пфедфер, Иоганна Варкентина, Нелли Вакер и многих других). Бельгер дает им емкие, телеологичные определения, не имеющие аналогов в русском языке: они «хоффнунг-трегеры» («носители надежды»), «улучшатели жизни», оказавшиеся на «перепутье судьбы и времени». И все же главный дом в жизни человека, по мысли Бельгера, не только и не столько «земля», сколько память: «главный дом — это дом в душе человека, который прочно стоит до тех пор, пока крепок его нравственный фундамент. Дом человека — его память» [4].

Не случайно художественную эволюцию Г. Бельгера С.В. Ананьева определяет как переход от описания «жизненного факта» к «истории судьбы», отмечая,

что романы «Туюк су» и «Дом скитальца» наиболее показательны в этом плане [5. С. 24].

2. Обсуждение

Герои Бельгера во многом автобиографичны. Почти все из них движутся по сюжетной траектории «утрата дома — кочевье/скитальничество — освоение нового места в жизни — обретение дома». Давид Эрлих, Эдмунд Ворм, другие «руссландойче» грандиозного бельгеровского эпоса (произведения писателя могут быть рассмотрены в тематическом единстве) оказываются в парадоксальной ситуации: у каждого из них не одна родина, и в то же время каждый из них — вечный скиталец, путник, пилигрим. Заглавие романа «Дом скитальца» — в строгом смысле оксюморон, благодаря которому в сильной позиции текста проявлена антитеза важных понятий: динамики и статики, бесприютности и обретения своего места в мире, дан итог жизненного пути героев, наполненного странствиями и жертвами.

В эссе «Эль» Бельгер отмечает, что для него значимы три дома, три родины его души — бабушкин дом в Поволжье, дом-очаг в Северном Казахстане, дом родителей в Ташкенте. Тема родины, сама мифологема дома для писателя связана с противоположной темой — бездомья. Противодействие этих сил, утрата корневых основ жизни становится для героев импульсом к познанию двух космосов — внутреннего и внешнего. Когда бельгеровский герой (и в данном случае речь идет о самом типе героя) отправляется в странствие, приравненное к странствию культурного героя в мифе, автор использует ряд приемов, позволяющих читателю проникнуть в его экзистенциальное одиночество [6].

Роман «Дом скитальца» имеет трехчастное композиционное деление. Каждая часть знакомит читателя с одним из трех главных героев — Давидом, Христьяном и Гарри. Все они спецпереселенцы, в одночасье утратившие статус «советских людей» и ставшие «врагами народа» лишь в силу исторических обстоятельств. Их родные дома поруганы и разграблены. Их родовые имена стерты или настолько ассимилированы с иноязычными «аналогами», что не способны выступать ни культурно-языковыми, ни сугубо человеческими индексами. В жизни врача Давида Эрлиха, трудармейца Христьяна и школьника Гарри начинается эпоха великого кочевья, поиска своего места в мире. Судьба заносит героев в казахский аул Кзыл Ту («Красное знамя»), и сюжетная траектория каждого из них пролегает в собственном направлении. Давид избирает путь бескорыстного служения людям и в конце концов приходит к мысли о том, что нужно жить настоящим, а не утраченным прошлым. Христьян умирает на чужбине, так и не полюбив «навязанную отчизну». Гарри борется за свое место в мире и отвоевывает его благодаря казахскому языку — коммуникативному мосту к внешнему миру.

Все герои одиноки в своем поиске. Автор поясняет это состояние героев экспрессивами: *сиротство, скитальничество, скорбное кочевье, путь к Голгофе*. В арсенале писателя — так называемая техника фокусного расстояния, когда происходит изменение масштаба изображения от «крупного» плана к плану панорамному, отдаленному. Герой в этом случае противопоставлен целому миру; сам он

становится «маленьким», «крохотным, как червячок» (вспомним говорящую фамилию Эдмунда Ворма), в то время как мир вокруг него беспределен и широк. Ощущение одиночества, потерянности, покинутости достигает при этом максимальной сгущенности. Автор приходит к созданию подобного эффекта и на уровне контрастных изображений, и с помощью вставочных текстов. Так, депортированный в Казахстан Давид Эрлих то и дело напевает «песенку маленького Ганса»: «Бедный маленький Гансик семь лет мыкался на чужбине»; Давид тоже ощущает себя «маленьким Гансиком», а мир вокруг — огромным и необозримым.

Еще интенсивнее одиночество героя передает чередование ретроспективно-синхронных планов повествования, в результате чего мы узнаем о прошлом героя, его некогда счастливой жизни в Приволжье. В прошлом остается и семья Давида, его жена Лидия и маленький сын Арно. Герой с горечью констатирует, что такие жены созданы для «благополучных мужей». Фронтиром между ними пролегла не только череда социальных проблем, из-за которых Давид утратил былой статус, но и незримая линия этнической самости, настолько деликатная, что герой предпочитает не говорить о ней открыто («Есть вещи столь деликатные, о которых лучше помалкивать»). Бельгер развивает здесь мысль о сокровенной сущности каждого человека, предавать которую нельзя. Эта сущность — в уважении к «духу народа». Данное предписание — уважать народ, даже если это *другой народ* — нарушает жена Давида, Лидия Истратова. Многие ее поступки носят имплицитный характер отторжения, неготовности стать частью Другого. Она не берет фамилию мужа, оставляя себе девичью; не позволяет обращаться к себе «фрау» (нарушение фатического канона); критически относится к тому, что сын постепенно овладевает немецкой речью в кругу «сверстников карлуш». Апофеозом этой негативной градации становится решительный отказ разделить бездомье мужа:

— Мы с Арношкой будем жить, как прежде, у родителей... А ты... А ты... еще неизвестно, как все обернется... устроишься... дашь нам знать... тогда... тогда... Словом, так будет лучше. Нечего горячку пороть [7. С. 42].

Неслучайно в реплике появляются резко парцелированные фразы, передающие сбивчивую, неопределенную речь героини и отсутствие четкого плана на будущее. Символическую точку в их отношениях ставит Давид, впервые называя жену оскорбительно для нее — «руссе мачка». Не инвективное по сути, это определение является для героини знаком ее чуждости в кругу немцев. Лишь муж избегает этого стереотипного определения, которое оказывается алеатическим индексом (т.е. указывает на истинные качества природы/сущности).

Скитальчество героя, таким образом, начинается с утраты дома и разрушения семьи, которые оборачиваются для него настоящей трагедией. В эпиграф романа вынесены строки из «Подвала памяти» А. Ахматовой («Но где мой дом и где рассудок мой?»).

В первой главе романа герою (Давиду) дано константное определение — «путник». Это и автоопределение самого Давида, и рекуррентное определение автора, которое вызывает ассоциации с «Ночной песней странника» И. Гёте. Лейтмотив стихотворения, которое присутствует в романе как аллюзия («Подожди немного, отдохнешь и ты») — в определенном смысле пролептичен. Неслучайно ассоциа-

тивное присутствие стихотворения и в аспекте культурного триединства: созданное на немецком языке, оно стало неотъемлемой частью сначала русской (в переводах Лермонтова и Фета), а затем и казахской культур (в переводе Абая). Для Бельгера как культуртрегера это личностно значимый текст.

Итак, Давид — странник, «бесприютный пилигрим», лишенный дома и связанных с ним социальных функций. Подобная социальная аннигиляция, по сведениям Л.Н. Гумилёва, носила некогда название «изгнание из жизни». «Людей, в чем-либо провинившихся, «изгоняли из жизни», то есть лишали их права заниматься кормившим их семью делом» [8. С. 113]. Такая участь постигла и Автономию немцев Поволжья, когда целая этническая общность оказалась вытеснена за пределы своего круга:

Тихая, уютная, благоденствующая республика со своим образцовым порядком за несколько дней превратилась в зону бедствия... С первого же дня выселения четко подчеркивалось: вчерашние благодушные и простодушные Kameraden обернулись если и не совсем врагами советской власти, то по крайней мере «не-нашими» [7. С. 88].

С помощью событийной антитезы Бельгер воссоздает ситуацию разрушения привычного миропорядка. Первый элемент противопоставления — повествование о мирной земледельческой жизни немцев («насиженные места», «полные амбары пшена»), второй — начавшееся «горестное кочевье» («...а тут на добрый километр растянулось скорбное, сплошь онемевшее от горя и обиды кочевье» [7. С. 89]).

Все, все, нажитое многолетним терпением, неутомимым, адовым трудом, старанием предков, было брошено — нет, не божьей волей — бешеному псу под хвост: добротные дома, убранство, подворье, погреба, склады, сараи с годовыми запасами, амбарами, свинарники, курятники, бани, летние кухни, сады, клумбы, мельницы, сыроварни, колодцы, всякая всячина, заготовленная, собранная впрок на радость и счастье их трудолюбивых обладателей и их потомков — все, все, все, в одночасье, разом, по злему умыслу, безрассудно, варварски, было оставлено, брошено в эти черные дни. Все провалилось в пропасть, рухнуло в бездну, в тартарары. Все было отнято у народа, облагородившего эти бросовые, дикие, запущенные некогда земли.

Не было страшнее наказания! [7. С. 91].

Давид Эрлих быстро осваивается в гостеприимном ауле. Первая встреча героя с местным стариком-«поштабаем» заканчивается приглашением со стороны хозяина разделить его кров и дастархан. Несмотря на бедность, стесненные условия жизни, множество «голопузых баранчуков», старик находит для гостя и место для ночлега, и еду для поддержания сил. Старуха угощает Давида *иримшиком* и сладким чаем и радуется тому, что гость принимает угощение с благодарностью. Так реализуется негласная конвенция об их будущих благожелательных отношениях. Среди казахов герой всюду находит поддержку и благодушное гостеприимство — и в семье Газиза и Маруар, и в доме старичка Болпыша, и среди всех своих пациентов. В разговоре с Христьяном Давид отмечает, что «казахи все такие»:

...Удивительно: гол, нищ, а на радостях последнее отдаст <...> Добрый, простодушный народ. Душа нараспашку. Я в том убедился. Иногда, правда, любит хитрить. Но это детская хитрость. И шутить мастак [7. С. 167].

Пути коммуникативного преодоления чуждости демонстрируют герою аульчане. Помещая в единый контекст слова нескольких языков, они пытаются добиться условий взаимопонимания с «пришельцем», облегчая его быт на новом месте. Давид отмечает затраченные жителями Кызыл-Ту усилия: в процессе взаимодействия русских слов и казахской артикуляции возникают многочисленные фонетические абберативы: першыл (фельдшер), атес (отец), медыпункыт (медпункт) и многие другие. Символична и фонетическая трансформация имени героя — имя *Давид Эрлик* постепенно замещается эквивалентом *Даут Ерлик*. Оба имени-дублета (Даут и Ерлик) имеют говорящую внутреннюю форму. Арабско-еврейская основа номинатива *Даут* несет значение 'любимый, притягивающий к себе'; *Ерлик* в казахском языке означает 'доблесть'. Это имя *героя*, как отмечает один из жителей Кызыл-Ту:

— Ерлик?! — Баскарма вскинул кустистые брови. — Каких только фамилий не бывает! Посмотрим, какой ты совершишь ерлик [7. С. 49].

Имена-символы с пролептическим содержанием — характерный для Бельгера художественный прием. В них автор дает намек на будущие события в жизни героя, которые и определяют отношение к нему других людей. Давид-Даут действительно становится со временем *всеми любимым, притягивающим к себе*: раз за разом жители Октябрьского района спасают своего «першыла» от трудовой мобилизации, от верной гибели в трудармии, которая в конце концов настигла Христьяна.

Потом он узнал, как все происходило. После его отъезда в аулах действительно всполошились. От председателей колхозов в райком и в райвоенкомат посыпались письма с просьбой вернуть им фельдшера Эрлиха... проявившего себя за какие-то шесть месяцев самоотверженным, ответственным и знающим медработником [7. С. 112].

В полной мере раскрывается на сюжетном уровне семантика имени *Ерлик*. Давид становится вскоре настолько незаменим для жителей аула, что без него не совершается ни одно важное дело:

Завалит снегом мазанку Зайры на краю аула, откапывать ее спешит безотказный Даут. Угорели интернатовцы, чистить дымоход, кроме Даута, в ауле больше некому. Аесли и есть, то у Давида-Даута все получается сноровистей и лучше. Обледенел колодец по самый сруб — не подойти, не подступиться, того и гляди соскользнешь ненароком в дымящуюся колодезную глубину, опять все тот же Даут долбит пешней лед, раскидывает ледяные глыбы далеко вокруг, чтобы люди и скот не переломали себе ноги. Полыхнет у кого-то пожар, бегут опять все к нему [7. С. 163].

Отметим, что каждое из описанных событий связано с риском для жизни, спасением Другого, идеей бескорыстного служения людям, а потому может быть квалифицировано как *подвиг (ерлик)*. Так, например, колодец — архетипический центр жизненного пространства людей. Образ Давида постепенно обретает смыслы, присущие культурному герою мифа.

Если сначала чужой язык воспринимается Давидом как препятствие к «тутбытию» в мире, то впоследствии он становится мостом к новой территории эк-

зистенции, в которой, как объясняет автор устами героев, «казах немцу брат». Герой постепенно осваивает новый для себя язык; он обретает духовно-родственные связи с некоторыми из жителей Кызыл-Ту. Газиз называет его *курдасом*, т.е. *повесником, названным братом*, в отношении которого действует закон — «Что мое — то твое». Он берет на воспитание сироту Жараса, становится для мальчика *ага* — старшим родственником-покровителем. По инициативе Давида его воспитанник Гарри учится в казахской школе.

Как правило, *культурный герой* идет по дедуктивному пути идентификации, то есть перемещается от общей стадии самоопределения в мире к частным. Исследователи выделяют пять таких стадий (идентификаций):

— первая идентификация: «человек». Это принадлежность к биологическому виду *Homo Sapiens* с соответствующими морфофизиологическими параметрами (анатомия, жизненные циклы, способность к речи и абстрактному мышлению). В аспекте теории архетипов принадлежность к человеческой природе определяет наличие в психике фундаментальных моделей, схем и мотивов, которые проявляются в наиболее важные жизненные вехи;

— вторая идентификация: «гендер». На этом уровне происходит формирование гендерных особенностей личности: активности/пассивности, логики/интуиции и пр.;

— третья идентификация: «этнос». По данным антропологии, культурологии и психологии, эта стадия разворачивается в психике индивида не только на уровне врожденного темперамента, влияния на него окружающей среды, но и в аспекте последствий национальных травм, например депортации;

— четвертая идентификация: «род». В соответствии с этим уровнем самоопределения каждый человек является *Homo Patrimoniens*, т.е. Человеком Наследующим. Это подразумевает следование существующим в обществе поведенческим сценариям, соблюдение определенных канонов этики и аксиологии;

— пятая идентификация: «имя», хранящее весь комплекс знаний о собственной личности. Это знак индивидуации человека, под которой Юнг подразумевает неделимость, целостность, самость. Это «базовый проект природы, образующий человеческое существо» [9], энергетическое ядро личности [10].

«Движение» Давида по указанным стадиям идентификации идет «вспять», т.е. индуктивно. Глобальной идейной трансформации, влекущей за собой смену модуса самовосприятия, подвергается имя героя (Давид — Даут, Эрлих — Ерлик). Сложные разрывы связей происходят внутри рода (четвертая стадия). Смерть матери (архетипическая утрата прошлого), символическая потеря семьи (уход жены Лиды и воспитание сына в иной культурной традиции, замена его немецкого имени — *Арношка* — на русское *Алешка*). Герою удается пережить *национальную травму*, вызванную депортацией поволжских немцев, преодолеть их негласное признание всеобщими врагами, отчуждение от «единого» советского народа. Герой проходит, в конечном счете, и первые две стадии идентификации, в результате чего в его душе рождается убеждение в том, что «братьями» могут быть представители очень далеких, казалось бы, этносов. Это упрочивает для героя состояние «тут-бытия» в мире. Автор подчеркивает связь Давида с двумя временными модусами — настоящим и будущим.

Символические пометы «тут-бытия» и «там-бытия» закодированы в романе несколькими способами. Первый из них — прием психологического параллелизма, выстраивание конгруэнтной модели «герой — природа» или, напротив, акцентирование несоответствия членов этой модели. О том, что ландшафт определяет духовный склад нации (и отдельного ее представителя) писали многие философы и ученые, в частности, Н. Бердяев и Л. Гумилёв. Давид, в отличие от Христьяна, не ищет взглядом «уютной ограниченности земельного участка». Он оказывается тождественен широкому, распаханному пейзажу казахстанских степей. Самая показательная параллель выстраивается между Давидом и разлившимся мощным Ишимом:

В эту весну Ишим разлился особенно широко. Ледоход был бурным, буйным. Торосистые льдины, громоздясь, сшибались, лезли друг на дружку, в ярости выпирали на берег, круша прибрежные тугаи, заливая темной, дымящейся водой все старицы, уремы, овраги. Зрелище было потрясающим. Тихая, незаметная степная река, приток седого Иртыша, ярилась, буйствовала, сметала все на своем пути, и дикая, неукротимая эта силища завораживала, притягивала, манила, будоражила. Поднимаясь на крутой, Давид подолгу смотрел на это неистовство пробуждающейся стихии, любовался разливанным морем, восхищаясь необузданным нравом обычно смиренного Есиля. Яростный весенний колоброд, творившийся вокруг, как ни странно, успокаивал его, наполнял скорбящую душу энергией и напором, пробуждал волю, взывал к действию, селял надежду [7. С. 116].

Второй прием — растительная символика. Образ Давида идейно связан с садовыми деревьями. Обустроивая медпункт, Давид первым делом приносит для посадки кусты черемухи, боярышника, саженцы яблони. Садовые деревья связаны с идеей окультуривания пространства, его освоения. Они прочно врастают в землю, цветут и плодоносят. Как отмечает В.А. Маслова, «будучи природным символом, дерево во многих культурах стало знаменовать динамичный рост, природное умирание и регенерацию... Растения, трава, деревья, по преданиям древних, обладали сверхъестественной силой — как целительной, так и разрушительной. В основе этих представлений — архетип дерева-тотема» [11. С. 161].

Деревья-тотемы представлены практически во всех мифологических картинах мира. У древних скандинавов таким деревом выступал ясень — ось мироздания, у номадов — Великий Тополь (Байтерек). Неслучайно тополь по сей день несет в себе отпечаток мифологического мышления в культуре казахского этноса.

Еще одно универсальная черта *дерева* как архетипа — наличие семантического элемента «жизнь» (ср. мировое древо, древо жизни). Действительно, дерево исходит из недр матери-земли. По мнению Т.А. Агапкиной, особо тесная связь у человека с плодоносящими деревьями, так как такое дерево больше принадлежит миру культуры, чем миру природы [11. С. 84]. И все же, как нам видится, ракурс авторского внимания сосредоточен главным образом на Давиде и Гарри. В этих героях эксплицирована важная для Бельгера идея о благодарности той земле, которая смогла стать *домом скитальца*:

У каждого человека должно быть место на Земле. И нет чужой земли. Надо быть благодарным Земле, где живешь, тогда и она тебя отблагодарит, воздаст сторицей. Каждый, кто вольно или невольно скитается или вынужден скитаться по Земле, остав-

ляет незаметно то здесь, то там частичку своей души, понемногу растрчивает себя и превращается в перекасти-поле, гонимое ветром.

Вот почему с символом перекасти-поля связан герой Христьяна, в то время как Давид благоустривает собственный цветущий сад в ауле, ставшем ему *домом*, местом его «тут-бытия».

3. Выводы

Таким образом, правомерна, на наш взгляд, такая раскодировка авторской концептологии Г. Бельгера: открытость миру, положительное отношение к этническому иномирию, готовность измениться и воспринять новое, восприятие всего лучшего в иной национальной культуре как своего, есть условие выживание не только отдельной личности, но целых народов, это альтернатива успешного развития человечества, путь предупреждения грозных конфликтов. И в этой концептологии автора семантически значимым маркером отношений и лейтмотивом развития идеи выступает архетипический образ дома.

Список литературы

1. *Бельгер Г.* Мотивы трех струн. Алматы: Жазушы, 1986.
2. *Зейферт Е.И.* Жанровые процессы в поэзии российских немцев второй половины XX — начала XXI века: дис. ... д-ра филол. наук. Караганда, 2007.
3. *Бабкина Л.М.* Литературная летопись // Поликультурная личность Герольда Бельгера в потоке национальных языков и литератур: материалы вузовской конференции. Костанай: Костанайский филиал ЧелГУ, 2015. С. 18—23.
4. *Афанасьева А.С.* Субъектное воплощение категорий «тут-бытия» и «там-бытия» в романе Г. Бельгера «Дом скитальца» // «Фараби Элемі». № 4. 2017. С. 278.
5. *Ананьева С.В.* От жизненного факта — к истории судьбы // Поликультурная личность Герольда Бельгера в потоке национальных языков и литератур: материалы вузовской конференции. Костанай: Костанайский филиал ЧелГУ, 2015. С. 24—29.
6. *Темирболат А.Б.* В поисках утраченного дома // Евразия. 2005. № 3.
7. *Бельгер Г.* Дом скитальца. Алматы: Раритет, 2007.
8. *Гумилёв Л.Н.* От Руси к России. М.: АСТ, 2016.
9. *Менгетти А.* Онтопсихология: практика и метафизика психотерапии. М.: Онтопсихология, 2009.
10. *Сергеева А.* Дорога в Тридцатое царство: славянские архетипы в мифах и сказках. М.: София, 2016.
11. *Агапкина Т.А.* Южнославянские поверья и обряды, связанные с плодовыми деревьями, в общеславянской перспективе // Славянский и балканский фольклор. М.: Наука, 1994.

© Демченко А.С., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.09.2018

Дата принятия к печати: 09.12.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Демченко А.С. Транскulturация героя в романе Г. Бельгера «Дом скитальца» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 73—83. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-73-83

Примечание:

Статья была представлена в качестве доклада на IV Международной конференции под эгидой МАПРЯЛ «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование», Москва, 7—8 декабря 2018.

Сведения об авторе:

Демченко Алена Сергеевна — докторант кафедры русской филологии и мировой литературы КазНУ им. аль-Фараби. E-mail: alenchika@mail.ru

Transculturation of the Hero in G. Belger's Novel "The Home of the Wanderer"

A.S. Demchenko

Kazakh National University of al-Farabi
al-Farabi str., 71, Almaty, 050040, Kazakhstan

Using the methods of literary analysis, the author tries to trace the evolution of the hero of the novel by G. Belger in the aspect of the transcultural approach. The central object of the study was the "House" archetype. The author comes to the conclusion that the elements of different levels associated with this archetype — from ontological categories ("here-being", "there-being") to symbols allow explicating Belger's idea of Allness, which serves as an alternative to Homelessness and Findability.

Key words: G. Belger, Kazakhstan literature, transculture, literary hero

References

1. Bel'ger, G. 1986. Motivы trekh strun [Motives of the Three Strings]. Almaty: Zpazushy. Print. (in Russ.)
2. Zejfert, E.I. 2007. "Zpanrovye processy v poehzii rossijskih nemcev vtoroj poloviny XX — nachala XXI veka" [Genre Processes in the Poetry of Russian Germans of the second half of the 20th — early 21st Century]. Doc. Thesis. Karaganda. 495 p. Print. (in Russ.)
3. Babkina, L.M. 2015. "Literaturnaya letopis'" [Literary Chronicle in Polikul'turnaya lichnost' Gerol'da Bel'gera v potoke nacional'nyh yazykov i literatur: mat. vuz. konf. Kostanaj: Kostanajskij filial CHelGU: 18—23. Print. (in Russ.)
4. Afanas'eva, A.S. 2017. "Sub'ektnoe voploshchenie kategorij «tut-bytiya» i «tam-bytiya» v romane G. Bl'gera «Dom skital'ca»" [The Subject Realization of the categories "Here-Being" and "There-Being" in the Novel by G. Belger "The Home of the Wanderer"] Farabi Əlemi: 278. Print. (in Russ.)
5. Anan'eva, S.V. 2015. "Ot zhiznennogo fakta — k istorii sud'by" [From a Life Episode to a Destiny] in Polikul'turnaya lichnost' Gerol'da Bel'gera v potoke nacional'nyh yazykov i literatur: mat. vuz. konf. Kostanaj: Kostanajskij filial CHelGU: 24—29. Print. (in Russ.)
6. Temirbolat, A.B. 2005. "V poiskah utrachennogo doma" [In Search of a Lost Home]. Evraziya 3. Print. (in Russ.)

7. Bel'ger, G. 2007. *Dom skital'ca* [The Home of the Wanderer]. Almaty: Raritet. The Home of the Wanderer. Print. (in Russ.)
8. Gumilev, L.N. 2016. *Ot Rusi k Rossii* [From Rus' to Russia]. Moscow: AST. Print. (in Russ.)
9. Mengetti, A. 2009. *Ontopsihologiya: praktika i metafizika psihoterapii* [Ontopsychology: the Practice and Metaphysics of Psychotherapy]. Moscow: Ontopsihologiya. Print. (in Russ.)
10. Sergeeva, A. 2016. *Doroga v Tridesyatoe carstvo: slavyanskije arhetipy v mifah i skazkah* [The Road to the 30th Kingdom: Slavic Archetypes in Myths and Fairy Tales]. Moscow: Sofiya. Print. (in Russ.)
11. Agapkina, T.A. 1994. "Yrzhnoslavyanskije pover'ya i obyady, svyazannye s plodovymi derev'yami, v obshcheslavyanskoj perspective" [South Slavic Beliefs and Ceremonies Associated with Fruit Trees, in a Pan-Slavic Perspective] in *Slavyanskij i balkanskij fol'klor*. Moscow: Nauka. Print. (in Russ.)

Article history:

Received: 02.09.2018

Accepted: 09.12.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Demchenko, A.S. 2019. "Transculturation of the Hero in G. Belger's Novel 'The Home of the Wanderer'". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 73—83. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-73-83

Remark:

The text of the article was submitted as a report on IV International Conference "Bi-, Poly-, Translingualism and Language Education", Moscow, December 7—8, 2018

Bio Note:

Alena S. Demchenko is a Doctoral Candidate of the Department of Russian Philology and World Literature of KazNU named after al-Farabi. E-mail: alenchika@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-84-94

Particle — a Small Lexical Unit or an Endless Scientific Project?

E.A. Markova

Peoples' Friendship University of Russia (RUDN University)
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

The article aims to explain the popularity of studying particles in present-day Russian and foreign linguistics. A comparative analysis of various approaches to the study of particles proved their importance in language structure, and the linguistic concept created by the Russian scientist and systemologist G.P. Melnikov allowed to define the internal determinant of the language using functional words, namely, particles, as one of the subsystem elements responsible for the stability of the supersystem and the whole system work. Due to different external and internal factors influencing on the development of the Russian and English languages, the formation of particles as a wordclass is different. Russian particles are recognized as a functional class because it is impossible to express the communicative content of the utterance, the attitude to the content without their participation, which determines the event determinant and the dynamic deployment of perception, whether language units acting as particles in the English language have polystatuting, depending on the semantic and syntactic environment, which characterises the occasional determinant and static, descriptive perception.

Key words: theory of system-typological linguistic determinants, event determinant, occasional determinant, inflecting languages, root-isolating (amorphous) languages, polysemy

1. Introduction

The study of Russian and English “particles” has been uninterrupted for more than two centuries and has involved both Russian and foreign researchers because particles are capable of conveying numerous semantic and emotional nuances though being such small units in size. Therefore, researches in linguistics are filled with new unexplored aspects, allowing to penetrate deeper into the nature of these special words, indicating their non-random appearance and development in the language system.

The findings of the Russian linguist T.M. Nikolayeva that particles carry the entire maximum of the communicative stratum in the utterance [1] continue the conclusion of the famous British teacher and philosopher John Locke that particles show the attitude of the mind to one’s own thoughts and those who wish to indicate the correct use of particles, their meaning and the importance should penetrate into one’s thoughts and carefully observe the various positions of the mind during a conversation [2].

Considering Russian and English particles from different sides, modern researchers note their special position in the language, connecting them with the peculiarities of the language system. However, linguists do not refer to the linguistic concept of the Russian scientist G.P. Melnikov, regarded as the creator of system linguistics whose work should expand the research field of specific linguistics (English and Russian) in the study of

functional words, namely, particles, as special indicators in the identity of the language communicative aspect.

Particles include such word-classes that add additional nuances to the meanings of other words, groups of words, sentences, or serve to express various grammatical, and, consequently, logical and expressive relations. The concept “particle” contains four semantic complexes that are interconnected and their study helps to understand the development of different levels in the structure of languages and the diffuse transitions of language units from one level to another: the first complex regards the opposition of the functional words class to the notional words class; the second complex considers particles as immutable components that join autonomous words and form certain grammatical forms. These forms, in turn, paradigmatically and categorically relate to forms that can be formed without particles; the third complex applies to studying ancient languages, where particles are considered as connectors or conjunctions, which (as V. Dresler does in his work on the Indo-European syntax) later turn into inflectional morphemes and pass into another group; the fourth complex refers to the ability of a word to convey various communicative characteristics to the message [3].

In modern language, it is not always possible to distinguish a conjunction from a particle, a particle from an interjection, a particle from a pronoun, particles-conjunctions, particles-adverbs, particles-introductory words, etc. And if in Russian particles have two terms — particles and partikulas, in English particles are understood as so-called “P-forms”, which include both prepositions and particles, combinations of verbs and particles, the meanings of which can vary, depending on the interaction with other language units in the same utterance or in various communicative contexts.

Despite the considerable experience gained in classical theoretical linguistics in the study of particles, functioning in many languages, researchers are unanimous in their opinion that particles are not nominative units of language.

We believe that the linguistic concept of the Russian scientist and systemologist G.P. Melnikov could expand the specific linguistics research field in the study of functional words — particles as indicators of the identity in the language communicative aspect, especially in the era of global Englization and the intensive variability of Englishes. G.P. Melnikov noted that when examining one component of the system, researchers obtain data on other components of the system, giving representatives of different linguistic schools the opportunity to get mutually agreed and mutually complementary data on the language [4].

Materials and methods. The comparative analysis of particle researches in the Russian language based on the works of such Russian scientists as Vinogradov, Muminov, Alpatov, Nikolaeva, Starodumova, Minchenkov et al., and P-forms, particle constructions based on the works of western researchers such as Locke, Bolinger, Lindner, Lakoff, O’Dowd, Debra, Capelle and others allowed to identify the causes of different approaches in the study of particles in compared Indo-European languages. The application of some Melnikov’s systemic linguistics provisions made it possible to determine the particles as significant elements in the formation of the internal form of the language, and the continuous sampling method, on the V. Nabokov’s novel “The Luzhin Defence” in Russian and English, confirmed the provisions on various types of language internal determinants.

Results have indicated that:

- G.P. Melnikov’s linguistic concept falls outside the scope of language research;
- the study of the language internal determinant, namely its communicative aspect, is possible through one of its components — particles, which are special linguistic units for the transmission of referential content and attitude to this content;
- different approaches to the study of particles, their formation and number as a class of functional words in the Russian language and P-forms in the English language are due to the typological differences between the two languages.

2. Discussion

From the 18th century, Russian particles have been constantly interpreted and described as a special layer in the lexical composition of the Russian language, first as a part of adverbs and conjunctions, then academic community coined a special term — “particle”, later particles received the status of independent speech units and a word-class performing an auxiliary function in speech. Further, as a purely syntactic category related to functional words, particles became distinguishable in their functions and were divided into categories. Such continuity allowed to formulate a provision on the interdependence of semantics and functional properties of particles. At the present stage of Russian linguistics, particles as a special layer in the Russian language vocabulary — “our entire communicative foundation” [3] are recognized as a functional class due to the sustainability of their use in expressing the communicative content of any utterance.

Hence, Starodumova [5] emphasizes that the semantics of particles is manifested in their functions and includes pragmatic components and elements of objective information, making them the most important means in organizing a coherent text and “auxiliary” elements in making syntactic constructions.

Russian scientists Nikolaeva [1] and Muminov [6] find that the lack of denotative meaning determines the interconnection between their semantics and functional properties.

In foreign linguistics, interest in particles also has not waned since the 17th century: this is Walker’s *Treatise on English Particles* [7] where he notes the great diversity of their use, but their ignorant explanation; this is also Lock’s work [2], in which he points out that particles are the relation between the mind and the thoughts and that their correct use requires a creative approach in conversation. In the 70s, the theory of presupposition was actively developed.

In the 80s, the phenomenon of focusing and re-matization shifted the focus of linguists to the study of particles, along with adverbs, modal words and other focusing adverbs. The works of Bolinger, Brugman, Langacker, Lakoff demonstrate that so-called P-phenomena and P-forms are classified according to the propositional context both as a particle and as a preposition. The scientists make attempts to classify this phenomenon at the syntactic level.

O’Dowd [8] in her monograph “Prepositions and Particles in English. A discourse-functional account» insists on the discursive-functional approach to the “P-phenomena”, which should allow to distinguish prepositions from particles. O’Dowd writes that the verb-particle and verb-preposition constructions have synonyms: to put out — to

extinguish; to look into — to investigate; to climb up — to ascend. And in each case, discourse-pragmatic motivation will govern the semantics of words and sentences. She suggests considering P-forms as pragmatic, discourse-oriented elements, rather than syntactic and semantic elements. It is the orientational function that determines the grammatical functions of prepositions, particles, or other lexical categories, which leads them to semantic expansion in various meanings. More importantly is that O’Dowd concludes that syntactical and grammatical violations can be caused by the dynamics of language change.

After reviewing some theories of English linguistics, B. Cappelle [9] notes that the verb-particle construction attracted the creators of theories primarily because of the particle mobility in transitive models. For Chomsky, for example, all particles formed the base for the verb and were to the left of the object closest to the verb; Ross did not consider some particles at all, but those that he considered were included in the basis of the word; for Jackendoff, all particles were the basis for object-idiomatic expressions, a central theme for Dehé and Gries was word order in active transitive sentences.

B. Cappelle points two main reasons for such popularity of studying particles in English linguistics and here we agree with him. The first reason is that English is the modern scientific lingua franca and the second reason is the fact that English is the most studied language in the world. As a result, its structural description constitutes the basis of modern linguistic theory. The multiplicity of verb-particle combinations in the English language has found its place in the general theories of grammar. The grammar models that work for English have the same dominant status as in the recent past, although at present the Greek-Latin descriptive formats are rejected, most modern terminology is still based on the Greek-Latin model [9].

Another related reason is that many of the leading linguists speak Germanic languages, and therefore, regardless of whether their native language is English, German, Dutch or Scandinavian, they are familiar with particles or their close analogues, for example, separable verb prefixes that can be found in their native language. In fact, particles or “particoids” (partikuls) are not such rare phenomena in all world languages. Moreover, a limited number of patterns allows to create an unlimited number of possible combinations, what indicates the analytical form of the language.

According to Talmi [10] and Slobin [11], such elements can be found in most Indo-European languages (except for the Romance languages), in Latin, in Finno-Ugric languages, such as Finnish, Estonian, and Hungarian, in Chinese and in the Tibeto-Burmese language Lahu, in Indian languages such as Ojibwa, Kaddo and Atsugevi, as well as in the Australian aboriginal language of Warlpiri. In these languages, “satellites” to the verb, accountable for expressing direction, can appear in the form of verb prefixes or so-called “co-verbs”, in serial verbal constructions, initial morphograms forming the stem, nouns with an incorporated object, polysynthetic affixes adjacent to the root verb, suffixes, enclitics, etc.

The third reason is that, regardless their simplicity, verb-particle combinations are among the most complex linguistic objects. As Bacchielli notes, even today the linguistic community, characterized by different theoretical doctrines and methodological approaches, could not present any unified theory on phrasal verbs. There is still no answer to the question whether “verb-particle combinations” are words or phrases, whether

particles are morphological components of grammar or items of combinatorial syntax rules. Being such familiar structures and, nevertheless, not easy to description, verb-particle combinations are an excellent experimental platform for testing how well a well-defined theory explains some of the most important problems in grammar, such as the structure of words and phrases, idiomatic nature compared with compositionality, categorization, word order changes, etc.

The works of Russian and foreign researchers prove that creativity is an essential property of any language, although there is a gradient between acceptable and completely unacceptable grammatical structures of the sentence. The actual utterance unacceptability depends on how seriously the preferred post-verbal components ordering is broken. But the general principle of discourse functioning usually presents familiar information at an early stage in a sentence. In his lexico-grammatical conception of language B. Cappelle points that the generating ability of abstract high-level structures is not ontologically different from the creative use of low-level elements of constructive idioms. Although, as the scientist adds, there would be more “end assets”, but still less as compared to the countless possibilities that they have.

Similarly, Chomsky, referring to the predecessors of his generative theory, notes that the emphasis on the “creative aspect of using language” (and the subsequent need to posit “innate ideas”) was already presented in the works of some rationalists, such as René Descartes and some romantics, such as the linguist and philosopher Wilhelm von Humboldt, who described language as a system that, if we wanted to explain this creativity, such system should “endlessly use finite means” [9].

The comparative analysis of different approaches to understanding and describing particles suggests that the theory of the system-typological determinant created by G.P. Melnikov, which is based on understanding the language as a self-adjusting dynamic system, remains outside of the researches, and the internal determinant should be considered as the most important property of any language structure and type. The inner determinant is realized in the communicative perspective, in the peculiarities of the semantic scheme of typical utterances.

The study of particles as a non-grammatical, but functional class under pragmatics, the analysis of their functions (the function of expressing attitude both rational and emotional) in a particular discourse brings us to the idea that the attitude that particles show can be either rational (occasional determinant of the English language) or emotional (event determinant of the Russian language).

As Makoveeva [12] points out, the restructuring in the English language system towards the isolating type in the Late Middle English period affected the difficulty in determining particles as a class. The collapse of the inflecting system led to close relationship between morphology and syntax, which increased the constructive and identifying significance in the word order, actualization for the constructive elements in the sentence, and therefore they were rarely used for particles. This, in turn, reduced boundaries of this word-class.

This means that norms of the English language, tending towards the isolating type languages, predetermined the prospects for the development of particles as a class and caused their limited number. To realize new communication goals, already established in the language resources were modified through transposition and, thus, explaining particles formation from another part-of-speech words and their specificity as units that

perform specific communicative functions in speech. Particles in the English language serve as specifiers of the communicative segmentation in the sentence, indicated by logical stress, word order, context, and intonation. And this means that the typological differences in languages cause differences in the methods for communicative classification of concrete and abstract meanings, segmentation of senses into meanings to transmit the content. The expression of the ultimate meaning by means of different languages depends on their position. In one language, the senses of words are among the closest ones and carried out by the means of a single-word nomination, in another language a co-nomination is required, i.e. the usual meanings of more than one words [4].

The analysis of particle studies shows their significant role in discourse and confirms G.P. Melnikov's thesis on the uniformity of ways of thinking and the content, and communicative causation of the internal determinant of a language, which is manifested in the peculiarities of the semantic scheme in typical utterances, where the distinction between functional and notional words in this scheme contributes deeper understanding of the typological features of languages. The differences in the inner determinants of the two inflecting languages — English and Russian — relate to their dynamic characteristics and descriptiveness. So, according to G.P. Melnikov, the Russian language is distinguished by an event-based determinant and dynamic deployment of perception but English, on the contrary, is characterized as static and descriptive, which is largely due to the historical decline of grammatical forms and fixed word order. The multifunctional use of resources in the English language system is unique to occasional internal determinant, creative in relation to the use of existing characters including particles taking into account the context, the situation of communication, the individual characteristics of the recipient.

In confirmation of this, A. Weirzhbitska [13] in her studies, based on the comparative analysis of the syntactic constructions in the Russian and English languages, concludes that the syntactic typology of languages indicates two different approaches to life, which play different roles in different languages: human life can be considered from the view-point of “what I am doing”, i.e. to adhere to an active orientation, and from the the view-point of “what happens to me”, following a patient orientation. “Therefore, the English and Russian languages should have different types of sentences as dominant. At the same time, elements such as p-phenomena will be aimed at various mode background assumptions. “The English language usually represents all life events happen to us, as if we completely control them, as if all our expectations and hopes are under our control; even restrictions and forced actions are represented in English from this point of view <...> For Russian, there are much more typical constructions in which all restrictions and compulsions are given in the patient mode” [13].

The analysis of the Russian and English texts “The Luzhin Defense” convinced us that the same dictum core (the propositional basis of the utterance) V. Nabokov placed into different, often non-coinciding modes. In English, the sentence was focused on rationality, a causal component, in Russian the particles reinforced the meaning of “uncontrollable events” (what Wezhbitska calls non-agentiality, providentialism, fatalism, spontaneity) [13].

«Я его расспрашивала о школе, — говорила она, не глядя на мужа, — он не хотел отвечать, — а потом, вот... как бешеный...» [14].

For the Russian-language text situational, rapid results are important and the final result semes are used. A particle «ВОТ» appears here as an event indicator that unfolded “by itself”, “collapsed” on participants — we can see here additional semantic nuances of passivity (“Event X happened by itself”, “befell”), (expressiveness), but in the English text —

‘I was asking him about school,’ she would say, not looking at her husband. ‘He didn’t want to answer and then — like a madman...’ [15] —

there is no equivalent for this particle. An adverb with cause-and-effect semantics takes the place, indicating the sequence of events: “Event X occurred, after which Y reacted to it”. As we can see, the same dictum “core” exists in different modalities, though the “0” equivalent is used in the English version. In the Russian-language text, the tendency towards irrationality and fatalism is preserved and strengthened; but in the English text, on the contrary, rationality is emphasized, the cause-and-effect propositional level is stressed.

“0” equivalent or the omission in the sentence can also be used for the speech compression here and, as we believe, it is replaced by stress, segmentation, position, phonology.

Night descends on the train [15]. И вот, ночь в вагоне [14].

Perhaps, taking into account the cognitive features of the addressee and creating a foreign language modality, V. Nabokov used the verb to descend (poetic) in the English version instead of roll in / come down — to advance, to approach (about twilight, nights) to transmit Russian conjunction and particle «и вот», which confirms the specifics of the English language system.

In the Russian-language text “The Luzhin Defense” V. Nabokov used a bundle of particles whereas in the English version the author chose “0” equivalent for the translation or focusing on the one that could be adequately perceived by the readers of his English novel.

«Блещи, пока блещется», — сказал он, после того незабвенного турнира в Лондоне, первого после войны, когда двадцатилетний русский игрок оказался победителем. — «Пока блещется, — лукаво повторил Валентинов, — а то ведь скоро конец вундеркинству» [14].

“Shine while you can”, he had said after that unforgettable tournament in London, the first after the war, when the twenty-year-old Russian player came out the victor. “While you can”, repeated Valentinov slyly, “because you won’t be a boy prodigy much longer” [15].

A bundle of particles «а то ведь» testifies to the uncontrollability of events, whereas in English the negative modal verb “won’t” indicates rationality and a cause-and-effect link.

Ведь это же не человек [14]. Certainly not a real person [15].

To express evidence and irritation, Nabokov used two particles «ведь» and «же» in Russian, whereas in English he chose one particle with the emphasis on it “not”.

«...а ведь старик-то, господа, в свое время проклял дочь...» [14]

“...and yet, gentlemen, the old man had cursed his daughter in his time...” [15]

In the Russian language text, Nabokov used three particles «а», «ведь», «-мо» to actualize and enhance the emotionality of the utterance, but in English he chose “*and yet*” the conjunction and the particle to enhance the meaning; definite article “*the*” to actualize and identify the object; intensify the sense.

These examples confirm the differences in the internal determinants of languages: Russian with its event determinant and English with its occasional determinant. In both cases, regardless of the number and form of language units, the sense remains the same.

In his research B. Cappelle also assigns a leading position to particles in the endless number of phrasal verbs. Two words combinations — *go in, come out, open up* (enter, exit, open) are considered complex or phrasal verbs — i.e. verbs with an added non-verbal element, which grammaticists call a “particle”. He proposes to consider particles not as an attachment to a verb, but as a primary element in a verb-particle combination, because in endless verb-particle combinations as a finite set of structures with a predetermined particle and an open position for the verbal element, which can be a noun, an adjective outside the combination, a verb-particle combination is not so much a verb that forms a phrase with a particle, but a construction of a particle that forms a phrase with a (possibly derived) verb. The particle does not even need a verb, it cannot be regarded as an element depending on the presence of a verb: *Pens down! Away with this rubbish!* A particle can head its own phrase: *go in* (that is the way a native speaker would sound it) in a certain context means *go right back in towards the bar* (as it would sound in the Russian language) — the particle “*in*” appears as a phrase core, and the particle “*back*” (*обратно*), the adverb “*right*” (*прямо*), the preposition and the complement “*towards the bar*” — as specifiers. (The preference in choosing lexical units in this case depends on the type of language: the phrase “*go in*” will characterise inflecting and analytical English, but the phrase “*go right back in towards the bar*” will characterise an inflecting and synthetic Russian).

Bert Cappelle’s study on the leading position of particles in phrasal verbs constructions confirms the conclusions made by Minchenkov [16], Makoveeva [12] and other Russian scientists on the communicative and pragmatic properties of particles and testifies to the creative occasional determinant of analytical English, when every time you have to make a motivated choice between a particle, a preposition or other P-forms elements of the whole system.

We believe that particles in the Russian language and English particles (P-forms; P-words; P-phenomena) are special language units which represent a stable sublevel of the lingual system that participates in the formation of the human linguistic consciousness. The pneumatic sphere, which covers all levels of the language and the language system with its referential content entirely contributes to the high stability of the entire system, thus reaffirming the validity of the system-typological theory of the language determinant by G.P. Melnikov for studying the communicative aspect of different languages through functional words.

3. Conclusion

The comparative analysis of different approaches and stages in the study of Russian and English particles as compulsory classes of lexemes belonging to any language system

has led to the conclusion that the difference of scientific traditions in the study of particles depends on the historical experience of language development, the formation of culture in a specific linguistic community, which, in their turn, affect the differences in the specific system of these languages.

And if, according to Alpatov [17], the distinction of words freely moving within a sentence and words with a rigid position would mean a lot to the Russian language, then in English, where almost any word has a strictly fixed position, the distinction between notional and functional words is less strong. The popular names of particles such as P-phenomena, P-words, P-forms, in the works of O'Dowd, Debra, Cappelle prove Alpatov's confirmation and that the specific pragmatic meaning which particle receives in the sentence, phrase, text, depends on some factors that can act individually or all together. They are the assignment of a particle to a single word or the entire utterance; the nearest linguistic environment of the particle, as well as its ability to perform a certain function individually or only in combination with other words; the syntactic structure in which the particle is used; logical relation between the utterance with the particle and other utterances; additional implicit values presented in the particle.

The phenomenon of particles lies in the peculiar communicative aspect of the language system, in their dynamic, mobile, sometimes elusive state which should be viewed as a scientific project without completion due to the constant development of the language and its inexhaustible possibilities caused by the dynamic development of the reality, surrounding a man.

References

1. Nikolaeva, T.M. 1985. Funkcii chastic v vyskazyvanii (na materiale slavyanskih yazykov) [Particle Functions in the Utterance (on the material of the Slavic languages)]. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
2. Lokk, Dzh. 2004. "Opyt o chelovecheskom razume" [The Experience of the Human Mind] in *Izbrannye filosofskie proizvedeniya v dvuh tomah*. Moscow. Print. (In Russ.)
3. Nikolaeva, T.M. 2008. *Neparadigmatische lingvistika (Istoriya bluzhdayushchih chastic)* [Non-paradigmatic Linguistics (History of Wandering Particles)]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur. Print. (In Russ.)
4. Mel'nikov, G.P. 2003. *Sistemnaya tipologiya yazykov* [System Typology of Languages]. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
5. Starodumova, E.A. 2002. *Chasticy russkogo yazyka (razno-aspektnoe opisanie)* [Particles of the Russian language (Multi-aspect Description)]. Vladivostok: izd-vo Dal'nevostochnogo un-ta. Print. (In Russ.)
6. Muminov, V.I. 2011. *Stilisticheskie funkcii chastic v romane F.M. Dostoevskogo "Idiot"* [The Stylistic Functions of Particles in the Novel by F.M. Dostoevsky's "The Idiot"]. Yuzhno-Sahalinsk, 2011. Print. (In Russ.)
7. Walker, W. 1970. *A Treatise of English Particles*. Menston, The Scholar Press.
8. O'Dowd, E.M. 1998. *Prepositions and Particles, a Discourse-functional Account*. New York: Oxford University Press.
9. Cappelle, B. 2005. *Particle Patterns in English. A Comprehensive Coverage*, Katholieke Universiteit Leuven Faculteit Letteren Departement Linguïstiek.
10. Talmy, L. 1991. "Path to Realization: a Typology of Event Conflation". In: Laurel A. Sutton, Christopher Johnson and Ruth Shields (eds.), *Proceedings of the Seventeenth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Berkeley: Berkeley Linguistics Society: 480—519.
11. Slobin, D.I. 1996. "Two ways to travel: Verbs of Motion in English and Spanish". In: *Grammatical Constructions: Their Form and Meaning*. Oxford: Oxford University Press: 195—219.

12. Makoveeva, S.E. 2001. “Chasticy v sovremennom anglijskom yazyke: Genezis i funkcional’nyj aspect” [Particles in Modern English: Genesis and Functional Aspect]. Dis. Thesis. Arhangel’sk. Print. (In Russ.)
13. Weirzhbitska, A. 2011. *Language Universals and Basic Concepts*. Moscow: Languages of Slavic culture. Print. (In Russ.)
14. Nabokov, V. 2007. *Zashchita Luzhina: Roman* [The Luzhin Defense]. St. Petersburg: Izdatel’skij Dom «Azbuka-klassika». Print. (In Russ.)
15. Nabokov, V. 1990. *The Luzhin Defence*. Vintage International. Vintage Books. A Division of Random House, Inc., New York.
16. Minchenkov, A.G. 1999. “Diskursnaya chastica: analiz perevodcheskih sootvetstvij v anglijskom i rusском yazykah” [Discourse Particle: Analysis of Translation Correspondences in English and Russian languages]. Print. (In Russ.)
17. Alpatov, V.M. 2010. “Dvadcat’ let spustya” [Twenty Years Later] in *Yazyk i obshchestvo v sovremennoj Rossii i drugih stranah: Proceedings* (Moscow, June 21–24, 2010). Print. (In Russ.)

© Markova E.A., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Article history:

Received: 12.09.2018

Accepted: 29.12.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Markova, E.A. 2019. “Particle — a Small Lexical Unit or an Endless Scientific Project?”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 84–94. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-84-94

Bio Note:

Elena A. Markova is a Candidate of Philology, Senior lecturer at Foreign languages department, Faculty of Humanities and Social Sciencies, Peoples’ Friendship University of Russia. E-mail: markova_ea@pfur.ru (abellen@yandex.ru)

Частица — маленькая лексическая единица или бесконечный научный проект?

Е.А. Маркова

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Целью данной статьи является объяснение возрастающего интереса к исследованию частиц в современном отечественном и зарубежном языкознании. Сопоставительный анализ различных подходов к изучению данной проблематики показал их значимость в структуре языка, а лингвистическая концепция российского ученого-системолога Г.П. Мельникова позволила

определить внутреннюю детерминанту языка посредством служебных слов, а именно частиц как одного из элементов подсистемы, отвечающих за устойчивость надсистемы и работу всей системы в целом. В силу разных внешних и внутренних факторов развития русского и английского языков становление класса частиц различно.

Русские частицы признаны функциональным классом в силу невозможности выражения коммуникативного содержания высказывания, отношения к содержанию без их участия, что определяет событийную детерминанту и динамическое развертывание восприятия, а языковые единицы, выступающие как частицы английского языка, имеют полистатутность в зависимости от семантического и синтаксического окружения, что характерно для окказиональной детерминанты и статичного, описательного восприятия.

Ключевые слова: теория системно-типологической языковой детерминанты, событийная детерминанта, окказиональная детерминанта, флективные языки, корнеизолирующие языки, полисемия

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 12.09.2018

Дата принятия к печати: 09.08.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Маркова Е.А. Частица — маленькая лексическая единица или бесконечный научный проект? 2019. Т. 16. № 1. С. 84—94. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-84-94

Сведения об авторе:

Маркова Елена Андреевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: markova_ea@pfur.ru (abellen@yandex.ru)

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-95-101

Особенности преподавания русского языка как иностранного в билингвальной аудитории

Н.Д. Афанасьева, С.С. Захарченко, И.Б. Могилёва

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ
Российская Федерация, 119454, Москва, пр. Вернадского, 76

Статья посвящена особенностям преподавания русского языка студентам-билингвам (преодоление низкой мотивации глубокого изучения языка, трудности в письменной речи, социализация в межкультурном общении, проблемы при изучении языка специальности). Авторы отмечают, что в специальную Программу, созданную для обучения билингвов, вошли разделы, содержащие работу по расширению лексического состава языка, работу с текстами, образцами письменной речи, аудио- и видеоматериалами. Большую роль в изучении русского языка играет овладение языком специальности внеаудиторная работа.

Ключевые слова: билингвизм, русский язык как иностранный, социокультурная компетенция, профессиональные компетенции, социализация, фоновые знания

1. Введение

В связи с развитием образовательной системы совершенствуются и традиционные формы обучения, открываются новые возможности обучения не только на родном языке, но и на иностранном, что ставит перед педагогами новые задачи, заставляет искать нетрадиционные пути их решения.

Современное высшее образование предусматривает подготовку специалистов, взаимодействующих в полилингвальном мире, обладающих возможностями и способностями межъязыкового профессионального диалога. В условиях существования различных многонациональных культур, их взаимопроникновения продолжают развиваться билингвизм и полилингвизм [1].

Среди студентов бакалавриата Института международных отношений и управления МГИМО МИД России, где обучение ведется на английском языке, выделяется особая группа учащихся, которая постоянно увеличивается, — студенты-билингвы. Обычно это учащиеся из смешанных семей, в которых один из родителей является русскоговорящим, или уроженцы русскоговорящих семей, проживающих за границей. Фраза «Я хорошо говорю по-русски и все понимаю, мне нечему больше учиться» хорошо знакома преподавателям русского языка, работающим в такой аудитории. Так ли это и каковы трудности, с которыми встречаются преподаватели?

Прошло несколько лет с момента внедрения Программы, и мы можем поделиться своим опытом работы и отметить некоторые проблемы, с которыми сталкиваются преподаватели.

2. Обсуждение

Как уже говорилось ранее, основной трудностью в работе является низкая мотивация учащихся: они свободно говорят по-русски, им кажется, что они все понимают, и это создает впечатление свободного владения языком [2]. И без того низкая мотивация усугубляется еще и тем, что преподавание ведется на английском языке, а русский язык в овладении специальностью кажется им абсолютно ненужным. Но так ли это? Конечно, нет. Нужна ежедневная кропотливая работа с такими учащимися: во-первых, их знание языка часто ограничивается способностью общения на бытовом уровне, они испытывают трудности при работе с более сложным языковым материалом, а письменная речь, как правило, вызывает трудности у всех студентов [3]. Они плохо знают орфографические правила, не могут правильно сократить или развернуть информацию, употребить синонимические конструкции, не знают основ построения письменного текста. Они также не знают стилистических норм, что приводит к смешению стилей, употреблению разговорной лексики в ситуациях, когда это неоправданно, а воспитание в разных культурных, религиозных традициях приводит к тому, что учащиеся не знают правил этикета, у них отсутствуют фоновые знания, что мешает вхождению в новую для них действительность, препятствует адекватному восприятию речи собеседника и пониманию оригинальных текстов, рассчитанных на носителей языка, т.е. у них не формируется коммуникативная компетенция [4].

Преподаватель-русист является и воспитателем [5]. Необходимо изучать грамматический, лексический материал, но не менее важно помочь студентам в социализации. Студенты часто не имеют навыков официального, культурного общения, нарушают этические нормы, и здесь преподавателю необходимо научить их различать общение в дружеской и официальной обстановке, правильно строить диалог с преподавателями, людьми старшего возраста. Например, преподаватель, получивший SMS от учащегося «Привет! Я сегодня не приду на занятия, у меня болит живот. Дай задание на завтра. Пока!», на уроке обсуждает эту ситуацию и объясняет правила этикетного обращения и общения со старшими.

Следует также отметить, что без изучения языка специальности учащиеся, получающие образование на английском языке, не могут читать специальную литературу по-русски, принимать участие в обсуждении важных для них проблем на русском языке [6].

Стремясь преодолеть эти трудности, преподаватели кафедры русского языка Института международных отношений при создании специальных программ для обучения студентов и управления особое внимание уделяют языковому материалу. Его основа — тексты, отражающие реалии современной жизни России, культуры, религии и истории. При обучении письменной речи даются основные правила построения письменного текста (нейтрального, научного, делового характера). Студенты учатся выделять главную и второстепенную информацию,

сокращать и развертывать ее, составлять планы разного типа и отражать информацию в письменном виде. Преподаватели, ведущие занятия в группах, отказались от некоторых традиционных заданий (вставить пропущенные буквы, слова и др.), основное внимание уделяется творческим заданиям. На начальном этапе студенты учатся правильно писать заявление, записку другу. На среднем этапе они учатся писать небольшие эссе, отражающие их отношение к проблемам и выражающие их индивидуальные впечатления. Это могут быть небольшие описания прошедшего дня, встречи с известным человеком, отношения к жизни в России, культурных событий (посещение выставок, концертов, театров, экскурсий и др.), бытовых проблем. На продвинутом этапе преподаватели предлагают студентам задания творческого характера. На этом этапе у студентов вызывает особый интерес сравнительный анализ национальных и русских традиций, особенностей поведения в различных ситуациях, отношение к семье, детям, родителям, вопросы корпоративной этики [7].

Развивая профессиональные компетенции студентов, преподаватели кафедры привлекают их к организации и проведению межвузовской студенческой конференции, которая проводится один раз в два года (с 2009 г.) и посвящается вопросам развития русского языка, его роли в жизни и предстоящей работе иностранных студентов. Задача, которую ставят преподаватели, — усилить мотивацию к изучению русского языка, оказать помощь студентам в получении навыков научных выступлений, научить их использовать нормы культуры речи, приемы ораторского искусства. Темы конференций прошлых лет были посвящены роли русского языка как фактора будущей профессии, его роли в становлении многополярного мира, особенностям языка молодежи. Выступая в многочисленной аудитории, студенты учатся говорить не только аргументированно, но и эмоционально, чтобы заинтересовать аудиторию. Одним из плюсов подобных мероприятий иностранные учащиеся называют возможность встречи со студентами других национальностей и вузов, понимание того, что проблемы, очерченные выступающими, волнуют многих.

Ежегодно в МГИМО проходит студенческий симпозиум «Модель ООН», на заседаниях секций наравне с иностранными языками используется и русский. Иностранные студенты принимают активное участие в работе симпозиума, что способствует развитию их творческой активности, установлению контактов между будущими коллегами.

При обучении иностранному языку преподаватели ставят перед собой конкретную образовательную цель — последовательно раскрыть перед студентами мир культуры страны изучаемого языка и таким образом оказать им помощь в преодолении возможных трудностей межкультурного общения [8]. Задача осложняется тем, что при формировании социокультурной компетенции студентам необходимо не только усвоить сведения по истории, географии, но и овладеть лексикой.

Внеаудиторная работа помогает преподавателям значительно расширить лексический запас студентов, наладить личностный контакт с ними, разнообразить формы работы, предоставить возможность знакомства с русскими реалиями не

только с помощью учебников, но и «вживую». Одним из интересных направлений такой работы на кафедре русского языка считается проведение экскурсий по Москве. Создано специальное учебное пособие «Город дивный, город чудный...» (авторы Н.Д. Афанасьева и А.В. Буробин) [9], изучению текстов которого предшествует экскурсия с преподавателем, например, в Кремль, Третьяковскую галерею, Музей изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, на Останкинскую телебашню и по другим достопримечательностям столицы. Трудности понимания текста снимаются предварительным изучением новой лексики, вопросы, составленные к тексту, позволяют преподавателю представить уровень его понимания студентами, причем все тексты пособия даются в двух вариантах — для уровня А1 (сокращенный и адаптированный) и уровня В2.

Большое значение в обучении студентов-иностранцев имеет домашнее чтение, которое значительно увеличивает лексический запас студентов и помогает знакомству с историко-культурным наследием [10]. Преподаватели кафедры написали интересные пособия по творчеству А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, русских писателей XX века как для начинающих, так и для продолжающих изучать русский язык. Знакомясь с жизнью писателей, анализируя тексты произведений, студенты проводят аналогии с творчеством уже известных им авторов, отмечают особенности языка писателей, оригинальность сюжетов.

Для формирования социокультурных навыков, как показала практика, работы только с текстами недостаточно. Большую роль в этом играет и работа с видеоматериалами. Восприятие разговорной речи на слух, знакомство с культурными реалиями России, русской историей, литературой, с образцами речевого и поведенческого этикета — такие задачи могут решаться преподавателями с помощью видеоуроков, просмотра художественных фильмов или их фрагментов, в которых учащиеся могут видеть и оценивать живое общение людей в различных ситуациях [11].

3. Выводы

Таким образом, подбирая соответствующий учебный материал, разрабатывая специальную адаптированную систему упражнений, актуальных учебных текстов, письменных и устных заданий, можно способствовать повышению коммуникативной компетенции учащихся, пополнению словарного запаса, приобретению и сохранению сильной и устойчивой мотивации к дальнейшему изучению русского языка. В таком случае можно говорить о результативной работе, при которой происходит совершенствование речевых навыков, увеличение лексического запаса учащихся, расширение знаний о русском языке, литературе и культуре, повышение уровня владения языком.

Список литературы

1. *Сконечный Т.Г.* Билингвизм, мультилингвизм, полилингвизм: современные европейские исследования // Молодой ученый. 2018. № 12. С. 193—195.

2. *Халыпина В.В.* Проблема поддержания мотивации у изучающих иностранный язык в языковом центре // Молодой ученый. 2017. № 17. С. 302–305.
3. *Бахтикиреева У.М.* Проект: современные тенденции билингвального образования в России и мире // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2016. № 5. С. 366.
4. *Балыхина Т.М.* Методика преподавания русского языка как неродного (нового): учеб. пособие для преподавателей и студентов. М.: Издательство РУДН, 2007.
5. *Пассов Е.И.* Содержание иноязычного образования как методическая категория // Иностранные языки в школе. 2007. № 4. С. 13–23.
6. *Чеснокова Н.Е.* Проблемы обучения языку специальности студентов неязыковых вузов // Педагогика высшей школы. 2016. № 1. С. 77–81.
7. *Агаркова О.А., Шигабутдинова А.М.* Речевое поведение в различных культурах // Молодой ученый. 2013. № 4. С. 338–340.
8. *Боголюбова Н.М.* Межкультурная коммуникация и международный культурный обмен: учебное пособие. Санкт-Петербург: СПбКО, 2009.
9. *Афанасьева Н.Д., Буробин А.В.* «Город дивный, город чудный...» Экскурсии по Москве: учеб. пособие по русскому языку для иностранных учащихся. М.: МГИМО МИД России, 2016.
10. *Беспальчикова Е.В.* Обучение анализу текста // Иностранный язык в школе. 2002. № 2. С. 52.
11. *Тер-Минасова С.Г.* Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики межъязыковой и межкультурной коммуникации. М.: АСТ, 2008.

© Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 13.11.2018

Дата принятия к печати: 09.01.2019

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Афанасьева Н.Д., Захарченко С.С., Могилёва И.Б. Особенности преподавания русского языка как иностранного в билингвальной аудитории // Полилингвальность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 95–101. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-95-101

Сведения об авторах:

Афанасьева Нина Дмитриевна — кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка МГИМО МИД России. E-mail: afan-nina@yandex.ru

Захарченко Светлана Сергеевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России. E-mail: sveta.zakharchenko@gmail.com

Могилёва Ирина Болеславовна — кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России. E-mail: mogilevairina@yandex.ru

Features of Teaching Russian as a Foreign Language in Bilingual Audience

N.D. Afanasieva, S.S. Zakharchenko, I.B. Mogileva

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

The article is devoted to the peculiarities of teaching Russian to bilingual students: overcoming the low motivation of deep language learning, difficulties in writing, socialization, intercultural communication, issues of the professional language learning. The authors note that the special program written for bilinguals includes expanding vocabulary, work on the texts, writing samples, audio and video materials. Professional language learning and extracurricular work play a significant role in the Russian language study.

Key words: bilingualism, Russian as a foreign language, socio-cultural competence, professional competence, socialization, background knowledge

References

1. Skonechnyj, T.G. 2018. “Bilingvizm, mul’tilingvizm, polilingvizm: sovremennye evropejskie issledovaniya” [Bilingualism, Multilingualism, Polylingualism: Modern European Studies]. *Molodoy uchenyj*. 12: 193—195. Print. (In Russ.)
2. Halyapina, V.V. 2017. “Problema podderzhaniya motivacii u izuchayushchih inostranny jazyk v yazykovom centre” [The Problem of Maintaining Motivation of Foreign Language Learners in the Language Center]. *Molodoy uchenyj*. 17: 302—305. Print. (In Russ.)
3. Bakhtikireeva, U.M. 2015. “Proekt: sovremennye tendencii bilingval’nogo obrazovaniya v Rossii i mire” [Project: Modern Trends in Bilingual Education in Russia and the World]. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i special’nost’*. 5: 366. Print. (In Russ.)
4. Balyhina, T.M. 2007. *Metodika prepodavaniya russkogo yazyka kak nerodnogo (novogo)* [Methods of Teaching Russian as a Second Language]. Moscow: Izdatel’stvo RUDN. Print. (In Russ.)
5. Passov, E.I. 2007. “Soderzhanie inoyazychnogo obrazovaniya kak metodicheskaya kategoriya” [The Content of Foreign Language Education as a Methodical Category]. *Inostrannye yazyki v shkole*. 4: 13—23. Print. (In Russ.)
6. Chesnokova, N.E. 2016. “Problemy obucheniya yazyku special’nosti studentov neyazykovykh vuzov” [Problems of Teaching English for Students at Technical Universities]. *Pedagogika vyshej shkoly*. 1: 77—81. Print. (In Russ.)
7. Agarkova, O.A., and A.M. Shigabutdinova. “Rechevoe povedenie v razlichnyh kul’turah” [Speech Behavior in Different Cultures]. *Molodoy uchenyj*. 4: 338—340. Print. (In Russ.)
8. Bogolyubova, N.M. 2009. *Mezhkul’turnaya kommunikaciya i mezhdunarodnyj kul’turnyj obmen* [Intercultural Communication and International Cultural Exchange: Textbook]. St. Petersburg: SPbKO. Print. (In Russ.)
9. Afanasieva, N.D., Burobin A.V. 2016. «Gorod divnyj, gorod chudnyj...» *Ekskursii po Moskve. Uchebnoe posobie po russkomu yazyku dlya inostrannyh uchashchihsya* [“Wonderful City, Lovely City...”. Tours of Moscow. Textbook on the Russian language for Foreign Students]. Moscow: MGIMO MID Rossii. Print. (In Russ.)
10. Bespal’chikova, E.V. 2002. “Obuchenie analizu teksta” [Text Analysis Training]. *Inostrannyjazyk v shkole*. 2: 52. Print. (In Russ.)

11. Ter-Minasova, S.G. 2008. *Vojna i mir yazykov i kul'tur: voprosy teorii i praktiki mezh'yazykovoj i mezhkul'turnoj kommunikacii* [War and Peace between Languages and Cultures: Theory and Practice of Cross-language and Cross-cultural Communication]. Moscow: AST. Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 13.11.2018

Accepted: 09.01.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Afanasieva, N.D., S.D. Zakharchenko, and Mogileva, I.B. 2019. "Features of Teaching Russian as a Foreign Language in Bilingual Audience". *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 95–101. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-95-101

Bio Notes:

Nina D. Afanasieva is a Candidate in Pedagogy, Associate Professor, Head of the Russian language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: afan-nina@yandex.ru

Svetlana S. Zakharchenko is a Candidate in Pedagogy, Associate Professor of the Russian language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail:sveta.zakharchenko@gmail.com

Irina B. Mogileva is a Candidate in Philology, Associate Professor of the Russian language Department of the Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation. E-mail: mogilevairina@yandex.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-102-111

Потенциал поликодовых сообщений в организации оперативного взаимодействия «средство обучения — пользователь»

М.Н. Аникина

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел РФ
Российская Федерация, 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76

Статья посвящена проблеме оптимизации оперативного взаимодействия средства обучения и пользователя. В статье обоснована необходимость создания поликодового интерфейса управления взаимодействием, определены цели его создания, а также сформулированы основные принципы его разработки. Главным формообразующим критерием создания интерфейса является его эргономичность. Поликодовый интерфейс особенно эффективен при обучении в многоязычной поликультурной среде, когда передача информации символом или иконическим элементом эффективно снимает трудности понимания операционной информации. В статье анализируются общепринятые стандарты взаимодействия «учебник — пользователь» по пяти основным направлениям. На основе анализа выявлены два направления, в которых поликодовые сообщения не применяются, хотя обладают значительным дидактическим потенциалом. Статья представляет авторскую разработку поликодового интерфейса оперативного взаимодействия и ее практическую реализацию в комплексе средств обучения по русскому языку для начального этапа.

Ключевые слова: многоязычная поликультурная среда, учебная литература, взаимодействие, оптимизация, интерфейс, эргономичность, комфортность обучения и изучения

1. Введение

В процессе изучения иностранного языка, относительно самостоятельного или под руководством преподавателя, учебное средство как источник учебной и социокультурной информации сохраняет свою особую ценность. Как и во времена Платона, учебник продолжает играть роль «немного учителя». Мало того, несмотря на бурное развитие технологий, которое приближает нас к осуществлению самых смелых предположений футурологов и фантазий писателей-фантастов, учебник не только не сдает своих позиций, но и демонстрирует жизнестойкость и высокую степень приспособляемости к меняющейся действительности. Мы наблюдаем неуклонный рост количества наименований учебников и иного рода учебной литературы, мы фиксируем их растущее многообразие как в плане методических подходов, так и в плане конкретного наполнения и применения. Все это свидетельствует о безальтернативности учебника в сфере обучения РКИ. Пра-

вильно выбранное учебное средство, как мотор автомобиля, запускает слаженную работу всех элементов, нацеленных на выполнение общей задачи. Учебник будет благополучно существовать до тех пор, пока научно-технические изыскания не приведут к созданию вживляемого в мозг языкового чипа. Однако ввиду отдаленности подобной перспективы мы сконцентрировали внимание на поисках внутренних источников оптимизации и повышения эффективности «работы» привычных способов овладения неродным языком.

В данной статье фокус интереса автора — возможность разработки и практического внедрения в практику обучения/изучения систематизированного эргономичного поликодового интерфейса оперативного взаимодействия между учебным средством в его письменной форме и пользователем. Поликодовые (по терминологии Г.В. Ейгеря и В.Л. Юхта [1]) или креолизованные (по терминологии Ю.А. Сорокина и Е.Ф. Тарасова [2]) тексты совмещают в одном поле вербальные и невербальные элементы, причем последние могут иметь разную природу — это могут быть графические, изобразительные, символические и т.п. элементы. Считаем, что потенциал поликодовых текстов в применении к созданию учебной литературы значителен и далек от своей полной реализации.

Если абстрагироваться от внутреннего учебного содержания средства обучения и сосредоточиться на его внешней, оперативно взаимодействующей с пользователем учебной форме, то здесь не только не приходится говорить о ее разнообразии, но даже о вариативности. Оперативное взаимодействие протекает в давно устоявшихся и практически не меняющихся формах, о которых речь пойдет ниже. Сложившаяся ситуация ведет к потере динамизма обучения, которая в наибольшей степени заметна в условиях обучения русскому языку в многоязычной поликультурной аудитории, когда происходит совместное обучение представителей разных культур, говорящих зачастую на неродственных языках. Комплекс средств оперативного взаимодействия должен быть модифицирован таким образом, чтобы максимально нивелировать указанные различия; сделать его максимально эргономичным; заложить обучающий потенциал.

В этой статье мы будем говорить об учебной литературе для начального этапа обучения, поскольку именно на данном этапе формируется «привычка учиться» в той или иной системе координат или, иными словами, в определенной мировоззренческой системе обучения. В связи с этим предлагаемый систематизированный и комплексный интерфейс является авторской разработкой, в полной мере отвечающей мировоззрению автора на процесс обучения в целом и на создание мотивационной учебной литературы в частности. Первая практическая реализация относится к 2001 году, когда был издан учебник-книга для начинающих «Лестница», к которому через год присоединился созданный в том же мировоззренческом ключе лексико-грамматический практикум. В новой версии комплекса [3; 4] интерфейс был усовершенствован, систематизирован и обрел законченную форму. Далее мы представим обоснование необходимости и преимуществ создания и практического применения поликодового интерфейса при обучении русскому языку, опишем его составляющие и приведем примеры внедрения в практику продукта.

2. Обсуждение

Внимательное знакомство с учебной литературой, которая была востребована раньше, а также с учебниками, которые активно используются в обучении русскому языку как иностранному в настоящее время, выявило одну неизменную черту — общий практически инвариантный способ взаимодействия учебного средства и пользователя учебной литературой. Это взаимодействие можно назвать оперативной интерактивностью, которую мы отличаем от интерактивности учебной. Разница между ними очевидна и состоит в разнице самой сути взаимодействия. В первом случае речь идет о директивах и их исполнении, где транслятором директив выступает учебное средство, а их исполнителем — пользователь учебного средства. Во втором случае смысл взаимодействия совершенно иной — вовлечение ученика в творческую речевую деятельность посредством взаимодействия с литературным содержанием учебника. Оперативная интерактивность осуществляется в плоскости «команда для действия (сигнал к действию) — понимание команды — выполнение команды». Таким образом, оперативная интерактивность осуществляет директивную управляющую функцию учебного средства по отношению к его пользователю.

Можно сказать, что совокупность операционных средств составляет своеобразный интерфейс учебного средства. Слово «интерфейс» привычно употреблять в применении к компьютерным и связанными с ними интернет-технологиям, однако если под интерфейсом понимать комплекс средств, которые создают «мост» операционного взаимопонимания, связывающий объект (учебник) и субъект (пользователя), то оно в полной мере применимо и к созданию учебной литературы. Интерфейс учебника — это интерфейс-перевертыш. Здесь взаимодействие происходит по линии «объект → субъект», директива исходит от учебного средства, а исполнение директивы лежит на пользователе. Чтобы понимание директивы было достигнуто без излишних усилий, операционный аппарат должен иметь следующие качества: унифицированность, лаконичность, предсказуемость, систематизированность. В итоге наделенный этими качествами операционный аппарат становится “user friendly”, обеспечивая пользователю максимум понимания при минимуме усилий.

Рассмотрим структурный сегмент учебника (урок) с точки зрения организации в нем оперативного управления. Оперативное управление осуществляется здесь по пяти основным направлениям: 1) указание к выполнению заданий и упражнений; 2) указание на форму выполнения заданий; 3) указание на лексико-грамматические явления; 4) навигация в рамках структурного сегмента учебника; 5) управление вниманием. При обращении к существующим учебникам легко установить, что оперативное управление осуществляется в трех формах — вербального сообщения, условно-графического сообщения, а также в комбинированной форме поликодового текста. Как выяснилось, применение вербальных, графических или поликодовых сообщений определяется конкретным направлением. Перейдем к краткой характеристике каждого.

Первое, обязательное и наиболее традиционное направление — это указания к выполнению заданий. Здесь имеются в виду формулировки заданий и упражнений, содержащихся в учебном средстве. В этом сегменте используются много-

сложные вербальные глагольные формулировки, в которых глаголы стоят либо в форме императива, либо в форме 1-го лица множественного числа. Пальма первенства здесь принадлежит императивным формам. Глагольные формулировки могут встречаться как в «чистом», так и в смешанном виде, когда в одной работе используются оба варианта. Помимо этого встречаются и другие варианты оформления заданий — с помощью образца или модели, альтернативного выбора и некоторые другие. В целом же проверенные временем однотипные глагольные формулировки применяются в подавляющем большинстве учебных средств для начального этапа обучения. Стоит еще раз отметить, что указания к выполнению заданий всегда имеют форму вербального сообщения.

Второе направление — указание на форму выполнения задания, а именно указание на то, в рамках какого вида речевой деятельности оно будет выполняться либо будет разворачиваться обучающая деятельность. Здесь применяются и вербальные, и поликодовые сообщения, однако чаще они существуют в поликодовом варианте. Например: «Пишите. — ✎». Естественно, что выбор иконического элемента варьируется в зависимости от технических возможностей и эстетических предпочтений автора, однако глагольная форма вербального элемента практически инвариантна.

Уточняющими по отношению к устным видам речевой деятельности являются указания на вид выполнения заданий, стимулирующих устные высказывания разного рода. Задания могут выполняться в виде монологического, диалогического или полилогического высказываний. Анализ свидетельствует, что в этом сегменте преимущественной является иконическая форма представления.

Третье направление — указание на лексико-грамматические явления. В подавляющем большинстве реализация происходит в сегменте введения лексико-грамматической информации, где используются средства идентификации изучаемых грамматических категорий и явлений, а также лексико-грамматических особенностей некоторых частей речи. В этом сегменте можно найти вербальные наименования, а также сокращения, цифры и условно-графические маркеры. Для ясности приведем пример способов передачи категории рода: средний род — с.р. — оно — . Мы видим, что поликодовые сообщения присутствуют в этом направлении, однако арсенал условно-графических замен крайне ограничен.

Четвертое направление — навигация. Обычно урок учебника структурируется путем деления на рубрики. Разбивка урока на определенные рубрики и их наименования или графические представления позволяет пользователю легко ориентироваться в содержании каждого отдельного урока, которое может быть достаточно объемным. В большинстве учебников урок структурируется с помощью вербальных (номинативных и глагольных) обозначений: «Грамматика» / «Изучаем»; «Задания» / «Запоминаем»; «Текст» / «Почитаем» и т.п. Наряду с вербальными обозначениями можно встретить и поликодовые сообщения. К навигации мы относим также вспомогательные указания на ключи, подсказки, разного рода отсылки к ранее изученному материалу и т.п.

Пятое направление — средства управления вниманием пользователя. В этом сегменте используются в равной мере вербальные, иконические и поликодовые сообщения.

Даже ограниченный анализ основных направлений, в которых в учебнике реализуется оперативное взаимодействие, свидетельствует о неравномерном распределении используемых для этого оболочек. В первом сегменте применяется вербальная оболочка. В остальных сегментах предпочтение отдается либо вербальным сообщениям, либо поликодовым. Во втором сегменте могут независимо использоваться все три оболочки: вербальная, поликодовая и иконическая. В третьем сегменте в очень ограниченном наборе отмечена иконическая оболочка. В целом же здесь можно говорить о доминировании вербальных сообщений над любыми иными.

Общий вывод сводится к следующему. В подходах к оформлению операционного взаимодействия «учебник — пользователь» наблюдается устойчивый консерватизм. Интересующая нас составляющая учебника в наименьшей степени попала в сферу профессионального интеллектуального поиска и практически не подверглась новациям.

В авторском подходе к разработке учебной литературы по русскому языку как иностранному базовым принципом является принцип прагматичности (или «принцип здравого смысла»), который организует другие им определяемые и с ним тесно связанные принципы. Прагматичность обусловлена интересами и целями ученика в учебном процессе. В связи с этим принцип эргономичности как особый подход к организации деятельности человека для повышения ее эффективности в полной мере приложим как к сфере обучающей деятельности в целом, так и к созданию учебной литературы. В приложении к созданию учебной литературы эргономичность рассматривается нами в качестве необходимого и достаточного условия организации ее формы, которая позволит упростить и оптимизировать пользование ею. Другой важнейший принцип — это универсализация учебной литературы. Реализация этого принципа позволит обеспечить «наиболее благоприятные условия понимания текста» [5. С. 127]. Обеспечить эти условия необходимо для всех в максимальной абстракции от субъективных, групповых, культурных и языковых характеристик изучающего язык. Иными словами, пользователь должен сконцентрировать свои мыслительные усилия на выполнении задания, а не на разбор инструкций к тому, что надо сделать. В свою очередь, преподаватель должен быть сконцентрирован на выполнении своей профессиональной задачи, на обучении, а не толковании, разъяснении сути задания или формы его выполнения, или любой другой директивной операции. Единственный путь, который мы для этого видим, — это разработка универсального эргономичного интерфейса взаимодействия.

Реализация принципа эргономичности при создании учебной литературы даст следующие преимущества:

- 1) максимально возможное отстранение ученика от языка лингвистики, необходимого для введения языкового материала;
- 2) значительное сокращение применения языка-посредника для толкования и объяснения того, что может быть выражено одним словом или графическим символом;
- 3) экономия времени в пользу приобретения учеником навыков свободного, грамматически правильного общения. Учитель объясняет меньше, соответственно, ученик говорит больше;

4) облегчение совместной работы учителя и учеников при обучении в поликультурной аудитории. Эргономичный интерфейс универсален и рассчитан на понимание всеми;

5) создание атмосферы психологически комфортного обучения;

6) повышение продуктивности обучения;

7) задействование дидактического потенциала вербальных сообщений интерфейса.

В конечном итоге все это приводит к укреплению (или созданию) обусловленной процессом обучения положительной внешней мотивации и повышению результативности обучения.

В данной статье мы сконцентрировали внимание на первых двух направлениях, поскольку именно здесь мы видим серьезный потенциал к реализации поставленных целей, с одной стороны, и отсутствие новых идей — с другой.

Если говорить о жанрах учебной литературы, то наиболее ярко преимущества эргономичного интерфейса будут проявляться при создании учебной литературы в жанрах «учебник», «лексико-грамматический практикум» и его разновидностей для начального этапа. В этой ситуации оперативное взаимодействие ученика с учебным средством имеет черты прямого сходства с оперативным взаимодействием человека с интерфейсом компьютера. Аналогия позволяет нам говорить о необходимости разработки понятного и лаконичного интерфейса учебной литературы в виде набора средств для взаимодействия с пользователем (учеником). Итак, при системном подходе принцип эргономичности может стать единым при создании учебно-методических комплексов в части оперативного взаимодействия с пользователем. Мы стремимся именно к этому.

Практическая реализация заявленной цели — это частичный перевод языка лингвистики в графическую и символную форму. Успешный перевод вербальной формы языка лингвистики в графо-символическую форму становится первым шагом в этом направлении. В целях придания эргономичности профессиональному общению автор предлагает определять это свойство как «графизм» учебной литературы. Примером может служить графическое обозначение грамматических категорий. Высокую продуктивность показала графическая система представления глаголов движения без приставок.

Важнейшей составляющей эргономичности учебной литературы является эргономичность формулировок заданий. Вместо традиционных многословных императивных конструкций мы предлагаем ввести в практику компактный набор кратких и емких именных формулировок с уместным графическим наполнением. Помимо эргономичности подобный вид формулировок предоставляет дополнительные возможности для несистемного, «подсознательного» расширения лексического запаса.

Итак, центрированное на учащемся обучение иностранным языкам требует, с одной стороны, создания условий для максимально эффективного обучения, а с другой — для максимально комфортного обучения. Эргономичность — один из способов достижения и того, и другого.

Разработка эргономичного оперативного взаимодействия «учебник — пользователь» проходила по двум указанным выше направлениям, при этом были поставлены следующие практические задачи:

— отказаться от использования глаголов при формулировании заданий; заменить длинные глагольные формулировки короткими номинативными и разработать единый универсальный и систематизированный аппарат формулировок заданий;

— провести ревизию изучаемых на начальном этапе обучения грамматических явлений на предмет возможности замены их вербального представления условно-графической формой;

— ввести в оперативный интерфейс разновариантные формулировки заданий и упражнений: вербальные, условно-графические, цифровые, поликодовые;

— провести систематическое применение эргономичных условно-графических замен непосредственно в поле упражнений и заданий;

— внедрить разработанный единый систематизированный интерфейс в поле переработанного учебно-методического комплекса для начального этапа, созданного в едином мировоззренческом ключе.

Нижеследующие пояснения позволят читателям составить общее представление о том, к чему привели изыскания, и были ли они успешными.

1. Условно-графические замены. Сразу скажем, что мы и не ставили перед собой задачи перевести в графическую форму все изучаемые на начальном этапе грамматические категории и явления, хотя допускаем, что это возможно. В РКИ существует давняя традиция замены вербальных наименований грамматических категорий условно-графическими, однако набор их крайне ограничен. Кроме этого, во многих учебниках для указания на падежи используются цифры, что удобно и эргономично. Соответственно, поиск «нового ради нового» здесь полностью противоречит здравому смыслу. Нашей задачей было расширить количество лексико-грамматических явлений, которые могут иметь условно-графическую замену, и найти для них лаконичное и интуитивно понятное представителю любой культуры графическое обозначение. В результате была выявлена группа грамматических категорий и лексико-грамматических явлений, для которой условно-графическая форма представления оказалась не только возможной, но и прагматически оправданной и методически эффективной. К ним относятся род, одушевленность, число, время; бесприставочные и приставочные глаголы движения (в объеме изучаемых на начальном этапе разновидностей); слова с противоположными/сходными значениями; некоторые предлоги времени; оценочные наречия; значения степеней сравнения прилагательных и наречий и некоторые другие.

2. Формулировки заданий. Состав и форму номинативных формулировок определило содержание конкретного задания. Формулировки могут быть однословными, состоящими из одного слова, и многословными (два и больше слов). Следующая градация — это формулировки одночленные и многочленные. Соответственно, одночленные формулировки включают одну часть, в то время как многочленные — это линейные структуры из двух и более частей, соединенных с помощью стрелки. Стрелка служит для передачи динамичной последовательности действий. Некоторое количество формулировок является поликодовым, они могут содержать графику, цифры и математические символы.

На первом этапе введения нового, не ставшего еще привычным аппарата сохраняются уточняющие текстовые указания. Однако на последующих этапах уточняющие формулировки будут отменены. Как показала практика, в некотором (небольшом) количестве заданий это сделать затруднительно, в этих случаях пояснения сохраняются. Для обеспечения полной ясности понимания директив большинство заданий сопровождаются моделями или примерами выполнения.

3. Комбинированное поле заданий. Условно-графическое оформление эффективно не только в формулировках заданий, но и при непосредственном введении в поле заданий. Эффективность обусловлена высокой степенью эргономичности подобных графических вариантов. Их роль в поле задания также является директивно-операционной, поэтому мы рассматриваем функционирование условно-графических замен в заданиях как составную часть интерфейса взаимодействия.

Важнейший принцип при разработке интерфейса — выявление и реализация «несистемного» дидактического потенциала вербальных номинативных формулировок. Применяемые в них существительные и прилагательные активно участвуют в подсознательном, «внесистемном» расширении словарного запаса, а также в подсознательной фиксации правильного функционирования грамматических форм. Например, формулировка «Правильная форма» способствует подсознательному запоминанию согласования форм существительного с прилагательным, формулировка «Конец слова» — запоминанию управления «существительное + существительное» и т.д. Слова для формулировок подбирались с учётом их коммуникативной значимости для развития навыков общения на самых первых ступенях изучения языка.

Итак, работа по теоретической разработке и практическому созданию эргономичного интерфейса взаимодействия «учебник — пользователь», начатая автором в 2001 году, завершена. Однако это вовсе не означает завершение интеллектуального профессионального поиска в этом направлении.

3. Выводы

Совокупность средств оперативной интерактивности учебного средства мы определяем как интерфейс учебного средства. Интерфейс является посредником в организации процесса оперативного взаимодействия между учебным средством и пользователем.

Главным формообразующим критерием создания интерфейса учебного средства является его эргономичность.

Цели создания эргономичного интерфейса всецело определяются как когнитивными, так и психологическими потребностями ученика.

Существуют две цели создания эргономичного интерфейса: достижение максимальной эффективности обучения; обеспечение максимальной комфортности обучения.

Средством достижения этих целей может стать разработка лаконичного и понятного для любого ученика аппарата формулировок заданий, который либо не требует дополнительных пояснений, либо предполагает минимальное их наличие; создание максимально комфортного унифицированного сигнально-графическо-

го аппарата для разумного замещения языка лингвистики; выявление и использование обучающего потенциала избранной формы вербальных формулировок; применение на систематической основе нового аппарата в практике написания учебно-методического комплекса для начального этапа обучения.

Основой для создания эргономичного интерфейса оперативного взаимодействия послужили следующие принципы: однозначность понимания; лаконичность, ясность и емкость формулировок и обозначений; универсальность; унифицированность; максимальная информативность при минимальных средствах выражения; комфортность восприятия; однозначность восприятия; коммуникативная ценность.

В заключение позволим себе процитировать слова древнеримского поэта, которые входили в мысленный moodboard автора при написании этой статьи. «Если ты учишь, старайся быть кратким, чтоб разум ... тотчас понял слова и хранил бы их в памяти верно» [6. С. 330].

Список литературы

1. *Ейгер Г.В., Юхт В.Л.* К построению типологии текстов // Лингвистика текста: материалы научной конференции при МГПИИЯ им. М.Тореза. Ч. I. М.: МГПИИЯ им. М. Тореза, 1974. С. 103—109.
2. *Сорокин Ю.А., Тарасов Е.Ф.* Креолизованные тексты и их коммуникативная функция // Оптимизация речевого воздействия. М.: Наука, 1990.
3. *Аникина М.Н.* Лестница: учебник по русскому языку для начинающих (for English-speaking students). 2-е изд., испр. и доп. М.: Русский язык. Курсы, 2018.
4. *Аникина М.Н.* Лестница. Практикум по русскому языку для начинающих. М.: Русский язык. Курсы, 2018.
5. *Валгина Н.С.* Теория текста: учебное пособие. М.: Логос, 2003.
6. *Квинт Гораций Флакк.* Наука поэзии. — Гораций. Собрание сочинений. СПб.: Биографический институт, студия «Биографика», 1993. URL: http://lib.ru/POEEAST/GORACIJ/hor1_6.txt_with-big-pictures.html

© Аникина М.Н., 2018

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 02.11.2018

Дата принятия к печати: 09.01.2018

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Аникина М.Н. Потенциал поликодовых сообщений в организации оперативного взаимодействия «Средство обучения — Пользователь» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 102—111. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-102-111

Сведения об авторе:

Аникина Марина Николаевна — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка для иностранных учащихся МГИМО. E-mail: m.n.anikina@gmail.com

Potential of Polycode Texts for the Organization of Operational Interaction between Study Materials and User

M.N. Anikina

Moscow State Institute of International Relations (University)
of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation
76, Prospect Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation

The article is devoted to the problem of optimizing the operational interaction between an educational materials and aids and the user. The author explains and justifies the need to create a polycode interface for interaction management, whose main features are simplicity, accessibility, versatility and ergonomics.

It represents an original development of a multi-view interaction interface and its practical implementation.

Key words: multilingual multicultural environment, study materials, interaction, optimization, interface, ergonomics, comfortable teaching and learning environment

References

1. Ejger, G.V., Juht V.L. 1974. “K postroeniju tipologii tekstov” [On Text Typology]. *Lingvistika teksta: Proceedings. MGPIIJA im. M.Toreza*. Print. (In Russ.)
2. Sorokin, Ju.A. and E.F. Tarasov. 1990. “Kreolizovannye teksty i ih kommunikativnaja funkcija” [Creolized Text and its Communicative Function] in *Optimizacija rechevogo vozdejstvija*. Moscow: Nauka. Print. (In Russ.)
3. Anikina, M.N. 2018. *Lestnica. Uchebnik po russkomu jazyku dlja nachinajushhih* [Textbook for English-speaking Students]. Moscow: Russkij jazyk. Kursy. Print. (In Russ.)
4. Anikina, M.N. 2018. *Lestnica. Praktikum po russkomu jazyku dlja nachinajushhih* [Training for English-speaking Students]. Moscow: Russkij jazyk. Kursy. Print. (In Russ.)
5. Valgina, N.S. 2003. *Teorija teksta* [Text Theory]. Moscow: Logos. Print. (In Russ.)
6. Kvint, Goracij Flakk. 1993. *Nauka poezii* [Art of Poetry]. SPb.: Biograficheskij institut, studija «Biografika». Print. (In Russ.)

Article history:

Received: 02.11.2018

Accepted: 09.01.2018

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Anikina, M.N. 2019. “Potential of Polycode Texts for the Organization of Operational Interaction between Study Materials and User”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 102–111. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-102-111

Bio Note:

Marina N. Anikina is a Candidate in Philology, Associate Professor at the Department of Russian Language for Foreign Students. E-mail: m.n.anikina@gmail.com

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-112-124

**К 90-летию Г.П. Мельникова.
Круглый стол «Системная типология языков:
анализ и синтез в науке о языке», 9 ноября 2018 г.**

Настоящий круглый стол посвящен памяти выдающегося российского лингвиста, философа, культуролога Г.П. Мельникова. Геннадий Прокопьевич — создатель системно-типологической концепции языка. Он родился в простой русской крестьянской семье в Сибири. В годы коллективизации в СССР семья переехала в Кемерово. После окончания средней школы Г.П. Мельников отправился в Москву. Под влиянием возросшего интереса к радиотехнике и физике, имея трехлетний опыт работы электриком на военном заводе, он поступил в Московский инженерно-физический институт (МИФИ) и окончил его в 1952 году с дипломом инженера-физика.

С 1952 по 1967 год Г.П. Мельников работал в Курчатовском институте. Основываясь на своих изобретениях в качестве разработчика электронного кибернетического оборудования для физиков-экспериментаторов в Объединенном институте ядерных исследований в Дубне, он защитил кандидатскую диссертацию по техническим наукам (1964). За изобретения в области экспериментальной ядерной физики он был награжден Малой серебряной медалью.

Интерес к науке о языке Г.П. Мельников почувствовал после окончания МИФИ, когда начал изучать английский язык и мог видеть его особенности в свете немецкого языка, который он хорошо знал. Вскоре славянские языки стали объектами такого интереса. Изучая многоязычную лингвистическую литературу, он отмечал особенности системы разных языков с точки зрения инженера-физика. В свойствах каждого языка он искал их функциональную мотивацию, основной принцип устройства сложного «языкового механизма», формируемого в конкретных условиях работы.

В 1959 году Г.П. Мельников выступил с докладом «О предельных возможностях машинного переводчика» на конференции по математической лингвистике в СССР. Затем он стал активным участником лингвистических семинаров, конференций, международных конгрессов, проводимых в Москве и других советских городах и за рубежом. До того как стать преподавателем кафедры общего и русского языкознания Российского университета дружбы народов, Мельников работал в Педагогическом институте им. Ленина и в лаборатории вычислительной лингвистики МГУ. Поле его исследований охватило самые разные науки и научные направления, в основе которых лежит логика, — физику, математику, теорию информации, кибернетику, семиотику, общее языкознание, тюркологию, славяноведение и др. Разработанная ученым системная лингвистика уточняет наши представления о внутренней форме языков. Вклад Г.П. Мельникова в оте-

чественную филологию нельзя переоценить. Благодаря его ученикам активно развиваются такие направления, как квантитативная лингвистика, когнитология, теория художественного билингвизма, коммуникативистика и многие другие.

Мы приводим запись заседания круглого стола.

В.Н. Денисенко: Всех нас, собравшихся здесь сегодня, объединяет великолепное имя в русской лингвистике, в истории высшего образования России, в истории нашего университета. Имя человека с большой буквы. Я рад, что сегодня среди нас много тех, кто хочет сказать о нем. Геннадий Прокопьевич Мельников. Как он связан с нами? Чем мы обязаны ему? Как развивались идеи великого мыслителя-лингвиста в стенах этого университета? Последние 20 лет его жизни были связаны с кафедрой русского языкознания, где с легкой руки Льва Алексеевича Новикова был дан импульс творчеству Геннадия Прокопьевича. Я помню дни, когда он впервые появился на нашем факультете, побывав до того во многих именитых лингвистических местах Москвы, придя к нам с различными характеристиками и отзывами, от небесных до земных.

Наша кафедра общего и русского языкознания приветливо и творчески отнеслась к его деятельности. Он читал у нас курс лекций по общему языкознанию. Представьте себе: основной курс кафедры Лев Алексеевич отдает ему, и сразу — эффект взрыва, ведь у нас в то время работали свои специалисты с мировыми именами. Работала половина Института русского языка, не говоря о своем мощном профессорском составе. И тут появляется Геннадий Прокопьевич. Конечно, это был взрыв — творческий, научный, человеческий. Благодаря этому наша кафедра стала известна как в университете, так и в России и за ее пределами. Геннадий Прокопьевич работал над развитием системной лингвистики, над уточнением представлений об особенностях внутренней формы русского языка в сопоставлении с другими языками — за всеми этими формулировками стоит личность самого ученого. Он развивал это направление филологии более сорока лет. Углубил сферу лингвистики, известную как когнитология. Им написано и депонировано 3000 страниц научных текстов. Все 15 диссертаций его аспирантов не растворились в других направлениях, как это часто случается с выпускниками нашего профиля. Я обнаружил для себя еще одну вещь. Великолепная деревня, в которой родился Геннадий Прокопьевич, называется Старый Карапуз, Новосибирская область. Отец — работник, кузнец; родители матери — украинский переселенец и ссыльная полька. Не исключено, что корни повлияли на его настроения и научные желания.

Геннадий Прокопьевич — академик Национальной русской академии, заслуженный изобретатель Комитета по мирному использованию атомной энергии. Более разностороннего человека трудно себе представить. Мы собрались сегодня, чтобы всколыхнуть те идеи Геннадия Прокопьевича, которые нам близки, на которые мы ссылаемся в своих трудах, а главное — вспомнить его. Сегодня ему исполнилось бы 90 лет.

Е.А. Красина: Я продолжу. Со многими коллегами я знакома — с кем-то давно, с кем-то недавно. И все же мы участники общего события. Между делом я пере-

дам вам для ознакомления некоторые книги Геннадия Прокопьевича. Вот первая — «Азбука математической логики», которая доказывает, что Геннадий Прокопьевич был подвижником науки. Эта книга явилась результатом лекций и вышла в серии «Народный университет» — своего рода алгебра системности. Вторая книга — «Системология и языковые аспекты кибернетики» — вышла в издательстве «Радио». Итоговая монография Геннадия Прокопьевича «Системная типология языков», собранная творческим коллективом авторов при активном участии Л.Г. Зубковой, основана на диссертации, которая после ухода Геннадия Прокопьевича была доступна только в рукописном варианте. В начале книги — благодарственное слово всем, кто помогал этой работе осуществиться, в том числе аспирантам.. С.Ю. Преображенский повторил издание этой книги уже нашим университетом под названием «Методология лингвистики». И еще одна книга — итог многолетней деятельности наших коллег, основанной на системном подходе к тексту, — «Системный взгляд как основа филологической мысли». Это тоже продолжение идей Мельникова. Коллеги могут ознакомиться с нашей подборкой журналов, где опубликованы либо изыскания самого Геннадия Прокопьевича, либо статьи, затрагивающие его научные интересы. Что я хотела сказать, представляя эти книги? Так или иначе, мы видим одно и то же слово — «система» — и разные сочетания с его производными: «системный подход», «системная типология» и др. Хотелось бы услышать, что нам дает этот подход сегодня? Можно выступать по желанию. Начинаем обсуждение.

О.И. Максименко: Я принадлежу к специалистам направления «Математическая и прикладная лингвистика». Хотя мы говорим о Мельникове как о человеке, работавшем с понятием системности языка, я бы хотела сказать пару слов о своих «частных» впечатлениях. На семинар Мельникова нас привел А.А. Поликарпов, ученицей которого я являюсь, — он был моим руководителем на дипломе и оппонентом по докторской диссертации. Он привел нас послушать великого человека, который сыграл колоссальную роль в жизни самого Поликарпова — и в нашей. Несмотря на образование, полученное нами на кафедре структурно-прикладной лингвистики, о многих вещах мы не знали в силу их «вторичности». Мы говорили о системной филологии, о важности связи между системой и структурой и так далее, но количественной лингвистики как самостоятельной дисциплины у нас не было. Придя сюда, на кафедру общего языкознания, мы услышали то, чего не было у нас. Возможно, общение с такими людьми оказывает на незрелые умы чрезвычайно знаковое влияние, потому что после этого все мои дальнейшие работы были невозможны без обращения к теории Мельникова. Он помог посмотреть на наш предмет (хотя математическая логика для филологов далеко не главная дисциплина) совершенно с другой стороны и увидеть во всем систему. Если не смотреть на филологию «большими глазами», мы так и будем изучать разрозненные фрагменты, из которых не сложить пазл. Мои впечатления от личного контакта оказали важное влияние на мою жизнь.

Е.А. Красина: Большое спасибо. Всегда приятно, когда есть такой личностный момент. Сейчас я хочу передать слово ученикам Геннадия Прокопьевича, которые состоялись как ученые и преподаватели, в том числе нашего университета. В пер-

вую очередь это доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации Улданай Максutowна Бахтикиреева.

У.М. Бахтикиреева: Здесь сидят и другие ученики Геннадия Прокопьевича, которые плотно с ним работали, и я благодарю вас за право говорить об Учителе. Я записала для себя несколько тезисов-«антенн», на которые буду опираться. Геннадий Прокопьевич Мельников для меня личность вселенского масштаба. Я до сих пор читаю «Системную типологию языков» (с 2003 года, когда в издательстве «Наука» впервые вышла эта монография), и та часть, где лингвистические вопросы рассматриваются с позиции булевой алгебры, по сей день убеждает меня в универсальности человеческого мозга. То, чему Геннадий Прокопьевич учил нас, теперь воплощаю — в той или иной мере — в своих аспирантах, которые попытались подойти к осмыслению художественного текста с позиций системной лингвистики. К примеру, недавно — 1 декабря 2017 года защитилась Е.А. Маркова, преподаватель нашего университета, — она писала об английских соответствиях русских частиц с позиций системной типологии языков.

Что касается моего эмоционального восприятия... Часто Геннадий Прокопьевич обращался ко мне, пытаюсь «вытащить» из меня тюркское. Он не знал, что я родилась в России в естественном русском языковом окружении и я не так глубоко понимала казахский язык, как он хотел бы. Благодаря Учителю я познала свое этническое глубже, к языку, мироощущению, мироосмыслению тюрков подошла с помощью Геннадия Прокопьевича.

Я до сих пор слышу его голос, интонацию. Мы лежали вместе в 64-й больнице. Ему принесли в коридор письменный стол. Огромные кипы бумаг. Он сидел и работал ночами, чтобы не мешать больным в палате. Это было удивительно. Многие пациенты не понимали, как человек в кардиологическом отделении с утра до вечера пишет. Мне удалось вечерами несколько раз попить с ним чаю с лимоном. Расспросив о моих недугах, он стал толковать причины моих болезней. Много было рассказано об астрономии, связи земной жизни человека с космосом и многое другое, не читанное и не слышанное ранее, возможно, потому что такого понимания до сей поры не высказал никто из интеллектуалов. Некоторые важные моменты своей жизни по сей день осмысливаю в контексте тех редких разговоров.

Мы пытаемся разгадать многие из его терминов. Почему «когноминация»? Это — лингвистический комментарий, призванный элиминировать лакуны текста. Как носителю русского языка понять значение слова «манкурт» без когноминации? А ведь это человек, «родства не помнящий». В казахском языке достаточно однословной номинации (манкурт) — и возникает образ, но для русского языка потребовалась когноминация, потому что в системе образов этого народа такого понятия нет. Говоря о том, что различные языки суть разных видений одного и того же предмета, а не различных обозначений одного и того же предмета, Геннадий Прокопьевич по сути доводил до нашего сознания важный принцип: выражение конечного смысла средствами разных языков зависит от их положения. Например, в одних языках смыслы слов оказываются в числе ближайших и выражаются одним словом (однословной номинацией), в других — узуальным

способом ассоциированных с ближайшим (многословная номинация — когноминация, т.е. использование узуальных смыслов большего числа слов).

Выезжая в вузы СНГ, я часто задавалась вопросом: почему все хорошо знакомо с четырьмя морфологическими типами языков — морфологической классификацией языков В. фон Гумбольдта, но не знают практически ничего о внутренних детерминантах этих четырех типов? И сколько классических кафедр языковедения я бы ни посетила, я поняла, что этот теоретический блок по-прежнему не раскрыт. Это наша вина — учеников Геннадия Прокопьевича Мельникова.

Когда мы начинаем рассматривать внутреннюю детерминанту тюркских языков и внутреннюю детерминанту языка, например, русского, это увеличивает эффективность исследований — даже с точки зрения переводческой науки. Например, русский человек может спокойно сказать: «Дерево, обглоданное черными козами, завтра снова зазеленеет». Он может сказать иначе, если того потребует стилистика и жанр произведения: «Обглоданное черными козами дерево завтра снова зазеленеет». А казах, киргиз, карачаевец, балкарец, якут, башкир, татарин, кумык, ногаец, узбек, каракалпак, гагауз скажут только в одном варианте! У них, как говорит Геннадий Прокопьевич, *качественно-признаковая детерминанта (внутренняя форма тюркских языков)*, поэтому мы это выражаем только так, в одном варианте: «Обглоданное черными козами дерево...». Я сначала назову все качества и признаки описываемого объекта — и лишь потом назову его. Изменить порядок слов невозможно. Это одно из уникальных научных открытий Геннадия Прокопьевича, которые способствуют снятию многих переводческих ошибок и тем самым вносят большой вклад в теорию и практику перевода. Такое открытие непросто мало отрефлектировано в научном плане в вузовских аудиториях на постсоветском пространстве, где транслатология мощно развивается. Как же лучше переводить с русского на казахский и с казахского на русский, с других тюркских языков на русский? Для этого нужно обратиться к лингвистической концепции Геннадия Прокопьевича Мельникова. Нам предстоит изучать наследие Учителя дальше и нести новым поколениям филологов.

Е.А. Красина: Спасибо Вам, Улданай Максutowна. Касательно вводимых Геннадием Прокопьевичем терминов и понятий. В годы, когда мы были аспирантами, Геннадий Прокопьевич вел знаменитый «бодуэновский кружок», благодаря чему получил прозвище Бодуэн де РУДН. Он объяснял системность, ее истоки, опираясь на концепции Бодуэна де Куртенэ. Слушатели этого кружка добились больших успехов как лингвисты и переводчики. Сегодня здесь присутствует Дрёмов Алексей Федорович, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО МИД России. Насколько я помню, речь в Вашей работе шла о падеже.

А.Ф. Дрёмов: Мне очень повезло, потому что я писал у Геннадия Прокопьевича дипломную работу. Он же был моим научным руководителем, когда я писал диссертацию. Я помню свои первые впечатления. Вопросов у нас, студентов, было много, но ответы на них мы не получали. Теория знаков, сущность языка... Геннадий Прокопьевич достает свои зеленые листы, начинает читать, и вот оно — все здесь. Отношение значительной части научного сообщества к его идеям было скептическое и критическое, но тем не менее они продолжали развиваться. «Си-

стемология и языковые аспекты кибернетики». Если начнешь читать эту книгу, закончить будет невозможно. Сложное и глубокое произведение. Прикладная диалектика. Наверное, не все знают о том, что Геннадий Прокопьевич читал на медицинском факультете удивительный курс по астрологии для медиков. Какое это имеет отношение к человеку, как связано с его здоровьем и состоянием? Геннадию Прокопьевичу удалось связать огромный опыт наблюдений, представленный в китайской космологии, с реальной врачебной практикой. Геннадий Прокопьевич начинал как физик, интересовался биологией и лингвистикой, уделял внимание системологии как прикладной диалектике. Системой лингвистикой может быть признана лишь та лингвистика, методологической базой которой является системология. Он настаивал на этом, и совершенно справедливо.

Благодаря Геннадию Прокопьевичу понимаешь, насколько все взаимосвязано. Вторичное прочтение его текстов позволяет найти ответы на вопросы, которые беспокоят. Я имел возможность задавать Геннадию Прокопьевичу вопросы, в том числе по телефону. Наверное, все помнят знаменитые походы с Геннадием Прокопьевичем и дискуссии на природе... Такое общение — это большое счастье для начинающих в науке. Я преподаю русский язык как иностранный. Геннадий Прокопьевич всегда говорил, что лучший способ преподавать — хорошо знать теорию, владеть знаниями о самом языке. Нужно иметь солидную научную базу о языке. Откуда в русском языке категория рода, почему их — родов — три, нужно ли иметь языку эту «неприятную» для обучающихся категорию? Не говоря уж о падежах и категории вида, которая всегда вызывает вопросы. Притчей во языцех стали для иностранных студентов глаголы движения, хотя нет ничего более иллюстративного, чем они. Идея Геннадия Прокопьевича — написать толковую грамматику русского языка, грамматику разъяснительного типа. Возможно, такой подход не облегчает, но он хотя бы объясняет логику в развитии языка. Было бы хорошо, если бы таких наставников и преподавателей было больше.

Е.А. Красина: Большое спасибо Вам, Алексей Фёдорович. Кто еще хотел бы поделиться мыслями и впечатлениями?

О.С. Чеснокова: Геннадий Прокопьевич читал нам спецкурс «Общая теория падежей», у нас была большая интернациональная группа. Наши иностранцы (рудзэновский оксюморон) поняли, что падежи — не какая-то «страшилка», а вполне упорядоченная система. Мы же усвоили, как работает системный признак и теория интерпретации. Недавно я перечитала «Азбуку математической логики», и всем своим аспирантам и студентам я порекомендовала выучить определение языка по Мельникову. С вашего позволения, я зачитаю. «Язык — это кодирующее устройство, оригиналом которого служит модель внешнего мира, представленная сознанием, а выход кодирующего устройства несет информацию в структуре произносимых звуковых знаков». Здесь и языковая картина мира, и теория интерпретации — все то, чем живет современная научная парадигма и (не побоюсь этого слова) полипарадигмальность филологического знания.

Так получилось, что Геннадий Прокопьевич территориально был моим соседом, и путь до Юго-Западной мы преодолевали вместе. Я ходила на кружок, спецкурс, во время совместных поездок в метро Геннадий Прокопьевич задавал мне самые разные вопросы. «А вот скажите, Оля. Вы же любите испанский язык —

почему в нем раскатистая “р”?» Геннадий Прокопьевич развивает здесь целую теорию. Прошли годы, и все эти воспоминания складываются в мозаику, подпитывая и даря ощущение сопричастности к мыслям великого человека. Геннадий Прокопьевич был пассионарной личностью. Все, о чем он размышлял, не ушло в небытие. Он шел впереди своего времени. Вечный для нас спор между физиками и лириками он разрешил самим фактом своего существования, доказав, что физики и лирики друг друга обогащают.

Е.А. Красина: Спасибо большое. Я бы хотела предоставить слово доктору филологических наук, профессору, профессору кафедры общего и русского языкознания ГИРЯ им. А.С. Пушкина Евгению Флорентовичу Кирову.

Е.Ф. Киров: Я познакомился с Геннадием Прокопьевичем достаточно давно. Когда-то мне сказали, что вся моя судьба зависит от того, как Мельников прочтет мою диссертацию. Я передал рукопись Геннадию Прокопьевичу и через некоторое время позвонил ему. Он обнадеживающе сказал: «Приходи». Геннадий Прокопьевич встретил меня на пороге словами: «О, системщик, заходи». Стало понятно, что мы на одной волне. Он написал замечательный отзыв. В процессе многочисленных бесед с ним я понял, какой это замечательный человек, явленный не только в собственных текстах, но и под масками ученических трудов. Контакты продолжались через книги и выходили на серьезный уровень.

Геннадий Прокопьевич говорил о событийности русского языка. Ситуация разворачивается в нем в виде события. «Аптека находится на углу». Она там не просто «есть»; это не объект с определенной геолокацией. Этот объект необходимо *найти* в связи с некоторыми обстоятельствами, например болезнью. Это и есть событийный фон. Вторая детерминанта русского языка — предсказательность. Для его носителей важно, какой будет следующая граммема. Еще одна детерминанта, которую мы всячески переименовываем, — способность языка «не экономить на материале», «расточительность». Наш язык тяготеет к эксплицитности. Геннадий Прокопьевич был русским Гумбольдтом. Внутренняя форма слова, преобразованная во внутреннюю детерминанту языка, вывела филологические проблемы на космический уровень. Позволю себе акцентировать внимание на идее Геннадия Прокопьевича об урало-алтайских языках и присущем им сингармонизме. Почему служебная морфема уподобляется корневой? Возможно, в этом есть жизнеподобие и ориентир на вертикаль власти в обществе, когда подчинение и уподобление — стратегии социального выживания?

Перейдем к оканью и аканью в русском языке. Оканье привлекло на свою сторону гипероканье, но аканье не вытеснило. Оканье, вероятно, передает идею общности, соборности, особенно значимую на севере. В определенный период эта идея начинает разрушаться; вектор индивидуализации мышления несет с собой аканье.

Е.А. Красина: Геннадия Прокопьевича однажды спросил, можно ли создать типологию языков, опираясь на теорию естественных фонем. И внутренние, и внешние детерминанты между собой тесно связаны — как отношения синтагматические и парадигматические.

О.И. Валентинова: Я читала диалектологию, и Геннадий Прокопьевич все время интересовался, что и как я читаю. Однажды он спросил меня после лекции:

«Оля, а как вы объясняете, почему возникает аканье?» Тогда я узнала, как этот механизм объясняет сам Геннадий Прокопьевич. Аканье дает возможность интонационно выразить эмоции. Потом я начала понимать, что происходило постепенное обмирщение сознания. Если патриархальный уклад и быт не требовали эмоционального интонационного выражения, то аканье дает возможность дополнительного использования смысловыразительного потенциала интонации — это то, чего раньше не было. Срабатывает один из универсальных законов эволюции — закон экспрессии. Мне также очень симпатичен признак, который назвали «расточительностью языка». По сути, за этим стоит стремление к точности — то, что мы сейчас катастрофически утрачиваем в речевой практике. Избыточность иллюзорна.

Е.Н. Ремчукова: Я до сих пор говорю студентам, читая им морфологию, как прекрасен наш язык. Он обладает высокой степенью грамматической информативности, сохраняя ее из поколения в поколение. Да, что-то утрачивается, но речь любого языка такова: она гораздо более аналитична, чем литературный язык. Геннадий Прокопьевич не одобрил бы того, что происходит в стилистике русского языка сейчас. Когда он интересовался темой моего доклада, а он назывался «Русская морфология: проблемы и перспективы», он сокрушался, что так говорить нельзя: в русский синтаксис проникла англоязычная калька, и мы не должны поддаваться этой тенденции.

Высокая степень предсказуемости нашего предложения обеспечивается именно грамматической информативностью. Это прекрасное, грамматически совершенное лицо языка и его надежность.

Е.А. Красина: Я хочу передать слово Киосе Марии Ивановне, доктору филологических наук, доценту, ведущему научному сотруднику Центра социокогнитивных исследований дискурса МГЛУ.

М.И. Киосе: Скажу несколько слов о влиянии Геннадия Прокопьевича на современную отечественную когнитивную лингвистику, к которой он шел опосредованно вместе с Е.С. Кубряковой — в частности, через их совместную статью 1972 года. Думается, широкое понятие номинативности, переданное впоследствии множеству учеников, было унаследовано Еленой Самойловой от бесед с Мельниковым. Еще один аспект — отношения между номинативностью и предикативностью, предиканта и предикатора. Понимание предикативности, осмысленное Геннадием Прокопьевичем во многих его работах, также было наследовано Кубряковой (в особенности морфологический аспект). В настоящее время это направление активно развивается — например, в Центре мы изучаем проблему образности и непрямого номинирования. Следующий аспект — тема событийности, о которой сегодня в отношении русской культуры уже говорилось. Конференция по событийности проводится в МГЛУ ежегодно, эта тема является одной из базовых. Все эти направления очень активны, и мы благодарны Геннадию Прокопьевичу за его идеи.

О.И. Валентинова: Совместной работой с Кубряковой Геннадий Прокопьевич остался очень неудовлетворенным, о чем в его книге написано очень подробно. Ему было тяжело найти единомышленников. Даже люди, считавшие себя такими, зачастую серьезно исказили его идеи.

М.И. Киосе: Ольга Ивановна, Вы правы, потому я и говорю об опосредованном участии Геннадия Прокопьевича в становлении когнитивистики.

Е.А. Красина: На самом деле, важное замечание. Если мы посмотрим на весь список работ Геннадия Прокопьевича, то увидим, что у него практически нет соавторов. Это очень высокий уровень научной этики, ответственности за то, что человек делает.

У.М. Бахтикиреева: Следует отметить, что Л.Г. Зубкова в предисловии к «Системной типологии языков» однозначно написала о том, что Г.П. Мельников задолго до появления когнитивной лингвистики как научной дисциплины более четырех десятилетий своей жизни посвятил синтезирующему направлению в современной науке, которое стало признаваться все большим кругом ученых и получило название когнитологии.

Е.Н. Ремчукова: Сегодня бурно развивается коммуникативистика, во многом подкрепленная идеями Геннадия Прокопьевича. Его мысль о том, что развитие лингвосистемы обеспечивается не ментальной сущностью, а текущими потребностями данного языкового коллектива, насчитывает много лет. Мы все свидетели этой борьбы — ведь идея текущих коммуникативных запросов общества воспринималась когда-то просто в штыки. Но опосредованно она послужила толчком столь бурного развития коммуникативистики.

Н.А. Рыбаков: Любой учебник языкознания начинается со слов «Язык — средство общения». Дальше к этой фразе учебник не возвращается. И только Мельников ставил ситуацию общения как внешнюю причину языковых особенностей, шел от специфики коммуникации к специфике языкового строя. А это шло из общих идей системологии, потому что в любой системе должна присутствовать устойчивость для поддержания своих функций.

Е.А. Красина: Вопрос классический для отечественной филологии — возьмем хотя бы гипотезу о праславянском языке. Если мы изобразим ее графически, будет синусоида. Это и Бодуэн де Куртенэ, который говорил о центробежности и центростремительности языковых процессов.

Е.Н. Ремчукова: Или категория вида. Мельников считал, что ее нет, есть лишь категории длительности и краткости действия, чего я понять не могла вообще. Я с ним спорила, боролась, и только при написании докторской осознала все это стремление видовых форм заполнить клетки категорий краткости.

В 2016 году прошла конференция под интересным названием «Лингвистический анализ на грани методологического срыва» (отсылка к Кронгаузу). Два серьезных доклада неформальных учеников Геннадия Прокопьевича — С.Ю. Преображенского и М.Ю. Федосюка — были посвящены ему. С.Ю. Преображенский рассматривает системную лингвистику как широко не признанное и не освоенное наследие Геннадия Прокопьевича. М.Ю. Федосюк прослеживает взаимосвязь идей Гумбольдта и Мельникова. Я вспоминаю Геннадия Прокопьевича как ЧЕЛОВЕЧИЩЕ. Активный субъект действия, отстаивающий свою концепцию. Такого преподавателя я не видела больше никогда. Мы слышали его голос в коридоре, где он страстно рассказывал очередному студенту *ab ovo* свою концепцию — невзирая на болезнь и слабость, и занятость. Его хотелось защитить. Такие люди должны быть.

У.М. Бахтикиреева: Не могу не вспомнить идею Геннадия Прокопьевича о том, что на языке не думают, а оформляют мысль, которую впоследствии развили психолингвисты во главе с Тарасовым (овнешнение). Недавно Институт языкознания проводил интересный проект и анкетировал русскоязычных реципиентов-билингвов, в частности меня. Один из вопросов этой анкеты — «На каком языке Вы думаете?». На языке не думают; язык — не инструмент мышления. Г.П. Мельников в отличие Э.Б. де Кондильяка, В. фон Гумбольдта, И. Бодуэна де Куртенэ, отталкивается от *коммуникативной обусловленности внутренней детерминанты языка. Язык — это не инструмент мышления. Прежде всего, это коммуникативное устройство.* Л.Г. Зубкова подчеркивает, что «собственно мышление, с точки зрения Геннадия Прокопьевича, не вербально и универсально».

Г.П. Мельников подчеркивал естественность тезиса *о единстве способов мышления.* Близость основных типов практической деятельности людей обуславливает близость и типов абстракций, вырабатываемых в процессе этих типов деятельности, и мыслительных операций, которые основаны на взаимодействии весьма близких абстрактных единиц.

С позиции Геннадия Прокопьевича Мельникова, коммуникативная деятельность — особая, целенаправленная мыслительная деятельность, но, настаивал ученый, не всякая мыслительная деятельность нацелена на достижение коммуникации, потому отождествлять мышление вообще с языковым мышлением неправильно. Различие в строе языков обуславливает различие «в способах коммуникативной классификации конкретных и абстрактных смыслов». А это, в свою очередь, ведет к специфике членения смыслов на значения при передаче ситуативного содержания, но, тем не менее, содержание неизменно и оно не зависит от того на «каком языке» думают участники коммуникативного процесса.

Еще хотела бы сказать о том, что в Институте мировой литературы было празднование 85-летия Г.Д. Гачева, и тогда была еще жива Татьяна Михайловна Николаева, рассказавшая нам о том, как Г.Д. Гачев задавал Г.П. Мельникову «хитрые» вопросы. В свое время, перед «нулевыми годами», был записан курс лекций Геннадия Прокопьевича Мельникова, которые он читали на семинарах, организованных Г.Д. Гачевым в библиотеке на Профсоюзной.

Я не думала, что Мельников обозначит направление и для теории языковых контактов и билингвизма. Геннадий Прокопьевич говорил, что в интеллектуальном плане все языки равны. Для кочевников, для их огромных территорий агглютинативная техника стала самой удобной. У Геннадия Прокопьевича написано, какие вещи на русском языке нельзя сказать. Как сказать по-русски «Едя, ем»? По-казахски это просто.

И последнее, что мне хотелось бы сказать. Наш журнал наконец получил новое название — «Полилингвильность и транскультурные практики», и в этом я тоже вижу продолжение идей Геннадия Прокопьевича. Когда-то Геннадий Прокопьевич сказал: «А так ли уж нам нужны исследования по художественному русско-инонациональному билингвизму в рамках шифра специальности 10.02.01? Есть, к примеру, Чингиз Айтматов, который пишет на русском языке — но это совсем не русская культура. А дело здесь в том, что русскими языковыми средствами передана киргизская система образов. Каким образом русский язык, приспособо-

бленный для выражения ментальных единиц индоевропейской культуры, вдруг отображает образы киргизской культуры? Русский язык кинематографичен, это движение, динамика. Тюркские языки — это статика, это краска, это фотогеничность. Почему я, русский человек, читаю куски у Айтматова и летаю?» Геннадий Прокопьевич говорил это на защите моей кандидатской диссертации и, собственно, определил основную цель докторского исследования: как, какими еще не найденными возможностями, какими русскими языковыми средствами создается мироосмысление тюрков, как казахская или киргизская фотогеничность передается через русскую кинематографичность и читатель приобщается к мироощущению киргиза?

Е.Н. Ремчукова: Геннадий Прокопьевич очень любил тюркские языки, и та страстность, с которой Вы сейчас выступили, ему бы очень понравилась.

Е.А. Красина: Если язык выполняет свои коммуникативные функции, он хорош, и этим все сказано. Геннадий Прокопьевич всегда говорил «о своем». О чем? О той самой внутренней форме, которую мы с вами часто воспринимаем через лексику. А ведь даже у Гумбольдта внутренняя форма тяготеет к грамматике. Почему взаимодействуют внутренние и внешние детерминанты? У нас с вами много перспектив. Чтобы завершить нашу сегодняшнюю официальную часть, я предлагаю желающим коротко сказать о том, что нам можно делать дальше и что мы почерпнули из сегодняшней встречи.

Ремчукова Е.Н.: Спасибо за память о нашем Учителе.

Коллективное благодарственное слово (вместо резюме):

Каждому из нас от Геннадия Прокопьевича досталось что-то свое в аспекте филологических исследований. Сегодня нам удалось прикоснуться к памяти о нем. Встречаться — жизненно необходимо, чтобы наш научный огонь не погас. Эта встреча должна стать стимулом в нашей научно-педагогической работе. Человек ушел, а энергия его живет. Культура, словами Ю. Домбровского, должна гореть, как факел, и передаваться, как факел, от одного гонца другому. Факел передан, и гонцы помчались во все стороны света.

Список участников круглого стола

Гости

Бахтикиреева Улданай Максutowна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН;

Валикова Ольга Александровна — PhD, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН;

Дрёмов Алексей Фёдорович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка МГИМО (У) МИД России;

Кносе Мария Ивановна — доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра социокогнитивных исследований дискурса МГЛУ;

Киров Евгений Флорентович — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания ГИРЯ им. А.С. Пушкина;

Кокова Алла Владимировна — аспирант Североосетинского государственного университета им. Косты Хетагурова, г. Владикавказ, респ. Северная Осетия — Алания;

Максименко Ольга Ивановна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики Института лингвистики и межкультурной коммуникации, лингвистический факультет, ГОУ ВО МО МГОУ;

Тодорова Ивелина Димова — аспирант кафедры русского языка и межкультурной коммуникации факультета гуманитарных и социальных наук РУДН;

Чикирева Арина Ивановна — аспирант кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета иностранных языков МГОСГИ; преподаватель английского языка ГБПОУ МО «Колледж Коломна»;

Чеснокова Ольга Станиславовна — доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков филологического факультета РУДН.

Члены кафедры общего и русского языкознания

Денисенко Владимир Никифорович — академик МАН ПО, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой;

Валентинова Ольга Ивановна — доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры;

Красина Елена Александровна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры;

Ремчукова Елена Николаевна — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры;

Александрова Оксана Ивановна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры;

Лазарева Олеся Викторовна — кандидат филологических наук, доцент кафедры;

Михеева Елена Сергеевна — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры;

Москвичева Светлана Алексеевна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры;

Новиков Алексей Львович — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры;

Перфильева Наталия Владимировна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры;

Рыбаков Михаил Анатольевич — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры;

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Записано: 09.11.2018

Модератор: О.А. Валикова

**To the 90th Anniversary of G.P. Melnikov.
Round Table “System Typology of Languages:
Analysis and Synthesis in the Science of Language”,
November 9, 2018**

This Round Table is dedicated to the memory of the outstanding Russian linguist, philosopher, and cultural scientist G.P. Melnikov. Gennady Prokopevich is a creator of the system-typological concept of language. Before becoming a teacher in the Department of General and Russian Linguistics at the Peoples' Friendship University of Russia, Melnikov worked at the Pedagogical Institute named after Lenin and the Laboratory of Computational Linguistics of Moscow State University. The field of his research encompassed a variety of sciences and scientific fields, which are based on logic: physics, mathematics, information theory, cybernetics, semiotics, general linguistics, Turkology, Slavonic studies, etc. Melnikov's contribution in the national philology can not be overestimated. Thanks to his students, such areas as quantitative linguistics, cognitive science, the theory of artistic bilingualism, communication and many others are being actively developed.

Article history:

Recorded: 09.11.2018

Moderator: O.A. Valikova

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-125-131

«Ничто на земле не проходит бесследно»: памяти Надежды Ивановны Гайнуллиной

А.Б. Туманова

Казахский национальный университет им. аль-Фараби
Казахстан, 050040, Алматы, пр. аль-Фараби, 71

16 декабря 2018 года ушла из жизни профессор, доктор филологических наук Надежда Ивановна Гайнуллина. Она не дожидая всего месяца до своего юбилея — 80-летия. Родные, друзья, коллеги, ученики уже готовили сценарий праздника. Но жизнь Надежды Ивановны оборвалась, оборвалась внезапно. Так уходят лучшие, избранные: не потревожив лишний раз никого вокруг, не побеспокоив лишней просьбой, оставляя после себя горечь потери и светлую грусть непоправимости.

Надежда Ивановна Гайнуллина (1939—2019) — известный в Казахстане и за его пределами — в странах постсоветского пространства — специалист в области истории русского литературного языка (средние века, XVIII в., Петровская эпоха), лексикографии, лексикологии, семасиологии, социолингвистики (синхрония и диахрония), лингвокультурологии и др.

Выпускница Минераловодского педагогического училища, она всю свою жизнь связала с Казахским национальным университетом: в 1966 году окончила КазГУ им. С.М. Кирова (ныне — КазНУ им. аль-Фараби), в 1970 году — аспирантуру при кафедре русской филологии. С начала работы в университете Надежда Ивановна прошла путь от ассистента до профессора и почетного заведующего кафедрой КазНУ им. аль-Фараби (1966—2011). В 1973 году защитила кандидатскую диссертацию «Заемствованная лексика в “Письмах и бумагах императора Петра Великого” (к проблеме освоения слов иноязычного происхождения в Петровскую эпоху)», в 1996 году — докторскую диссертацию «Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка».

Результат плодотворной научно-педагогической деятельности Н.И. Гайнуллиной — написанные ею учебники и учебные пособия: «Семантика русского слова», «Вопросы семасиологии в учебном процессе», «Лексикология русского языка (социолингвистический аспект)», «Современный русский язык», «История

грамматической мысли (донациональный период)» и др.; монографии: «Заимствованная лексика в Петровскую эпоху. Проблемы адаптации», «Эпистолярное наследие Петра Великого в истории русского литературного языка XVIII века (историко-лингвистический аспект)», «Языковая личность Петра Великого (опыт диахронического описания)», более 100 научных статей.

Надежда Ивановна руководила авторским коллективом по составлению государственных стандартов высшего образования Республики Казахстан по филологическим дисциплинам для университетов (бакалавриат, магистратура), была ответственным секретарем республиканского научного «Филологического сборника» Минвуза КазССР, членом экспертного совета ВАК РК. Целеустремленность, активная позиция, добросовестность, принципиальность, трудолюбие помогли достичь того, чего добилась в жизни Надежда Ивановна Гайнуллина как личность, ученый, педагог.

В первые же минуты осознания утраты ученица Надежды Ивановны Гайнуллиной — Ольга Александровна Валикова (Россия, г. Москва, РУДН) написала стихи:

Памяти любимого Учителя

Душа устремилась к Истоку.
Где были *глаза* — стали *вежды*.
Но в боли звеняще-высокой
Нам всем остается Надежда:

На долгую добрую память,
На вечное вешнее Слово,
На то, что Она свою заводу
Найдет в Океане Иного...

Та жизнь — с первородного крика
И вплоть до последнего вздоха —
Была лучезарно-великой,
А стала — *Прекрасной Эпохой*.

Болью и скорбью по поводу страшной потери пронизаны и строки профессора Миланы Исааковны Лазариди (Кыргызстан, г. Бишкек, Кыргызско-Российский славянский университет):

«Уходит эпоха...

Мир пустеет...

Полученное известие о страшной потере ошеломляет.

Думается, что сегодня масштаб личности Надежды Ивановны Гайнуллиной принял свои истинные очертания:

ценность классических трудов с годами будет только возрастать; нравственные качества большого ученого всегда являлись образцовыми.

Какое счастливое время нам досталось!

Какие люди дарили нас своей добротой, любовью, учили нас, как вести себя с достоинством в жизни и науке!

Будем же благодарны святым именам в науке и жизни!

Низкий поклон, дорогая, любимая Надежда Ивановна за свет, который исходил от вас!

Вечная память!

Мы прощаемся с Надеждой Ивановной.

Но остается с нами навсегда ее боевой дух, ее тяга к знаниям, любовь ко всему сущему в самом высоком смысле слова, талант исследователя, тонкая интуиция и предвосхищение языковых процессов современности.

Высокая порядочность позволяла ей быть человеком в разных ипостасях — ученого, жены, матери, учителя, друга.

Надежда Ивановна — стойкий солдат на поле борьбы за истину. Недаром ее с такой силой влекла эпоха больших свершений и сама личность Петра Великого.

У греков Византии — ромеев — была такая песня о матери:

“Мать — это холодная вода, которая не вмещается в сосуд,
мать — это скала, мать — это гора,
без благословения матери никто не увидит счастья”.

Такой мне представляется личность Надежды Ивановны Гайнуллиной.

Она сделала все, что могла, не отступив от истины.

Теперь дело за нами».

Профессор Людмила Владимировна Екшембеева (Казахстан, г. Алматы, КазНУ им. аль-Фараби) пишет о том, что Надежда Ивановна Гайнуллина была настоящим ученым, дело которого причисляет его к бессмертным: «Боль утраты объяснить и описать практически невозможно. Провожая в последний путь родных, близких, коллег, мы задумываемся о многом. И прежде всего о жизни, о смысле жизни, о смерти.

Жизнь после смерти ... А есть ли она? Беглый взгляд на русскую языковую картину мира выхватывает из огромного информационного полотна выражения “будет жить в памяти, ... в сердце”, “загробный мир”, “потусторонний мир”. Что это как не слабая попытка успокоить, как-то смягчить боль, которую несет смерть. А слова о ином мире воспринимаются нашим поколением вообще скептически.

Но одно знаю точно: научное наследие успешного ученого делает его бессмертным. Таким успешным ученым была и останется Надежда Ивановна Гайнуллина, классический русист, которая помимо научного исследования проблем морфологии и семантики русского языка виртуозно и убедительно описала языковую личность Петра Первого, используя научный арсенал современной лингвистики. И уже только это одно обеспечит ей жизнь после смерти. Во многих вузах и школах Казахстана работают ее ученики — бывшие студенты, аспиранты, магистранты и докторанты. Они воплощают в жизнь ее научные идеи, развивают их, достигают каждый своих высот в науке и профессии. Но всегда ориентиром для них была, есть и будет Надежда Ивановна — человек предельной честности как в жизни, в отношениях с людьми, так и в науке. Педагог от бога, любившая своих учеников за их стремление познавать мир профессии, помогавшая покорять им вершины науки о языке, готовая поддержать знакомых и близких “во дни радости и печали”.

Светлая ей память и долгие лета научного бессмертия!»

С огромной теплотой и глубоким уважением о Надежде Ивановне Гайнуллиной как о высокопрофессиональном ученом и прекрасном человеке пишет профессор Маргарита Константиновна Пак (Казахстан, г. Караганда, КарГУ им. Е.А. Буке-това):

«Нашу кафедру связывают с Надеждой Ивановной научные интересы, единомыслие по многим профессиональным и жизненным вопросам. Будучи завкафедрой, я пригласила Надежду Ивановну в качестве председателя государственной аттестационной комиссии. Мне очень хотелось пройти проверку на профессионализм заведующего теоретической кафедрой вуза, который считается университетом № 1. Тогда и состоялась первая встреча с доктором филологических наук профессором Н.И. Гайнуллиной. Я обращала внимание на все: как ведет председатель госэкзамен, как точно формулируются вопросы, как глубоко проверяются знания выпускников, как справедливо выставляются оценки, какой дается комментарий, как организуется работа членов комиссии, как создается благожелательная обстановка и т.д. Следует отметить, что здесь для председателя Надежды Ивановны мелочей не было: все работало на ответственное положение выпускника и сохранение достоинства экзаменатора. Это известно, должно быть, но, к большому сожалению, пока зачастую теоретически. Невозможно не отметить то, что в Надежде Ивановне удивительно сочетаются принципиальность и большое человеческое понимание.

Среди разных официальных встреч с Надеждой Ивановной мне запомнилась работа во время прохождения нашим университетом государственной аттестации. Как высококлассный специалист, она видела нашу научную, методическую, воспитательную работу насквозь: высоко оценивала наши достижения, деликатно подмечала недоработки, давала дельные, профессионально продуманные и по-человечески добрые советы в непростых ситуациях. Кафедра в те годы открывала магистратуру. Много вопросов по ее организации стояло перед преподавателями кафедры. И здесь неоценимую помощь оказала Надежда Ивановна.

Каждый приезд Надежды Ивановны в Караганду, каждая встреча с ней для преподавателей нашей кафедры русской филологии была настоящим праздником, на котором царили большая наука, человеколюбие, радость научного, человеческого общения...

За официальными регалиями — Отличник народного просвещения Казахстана, Почетный работник Республики Казахстан, Почетный заведующий кафедрой русской филологии КазНУ им. аль-Фараби и др. — возвышается благородный служитель науке, яркая личность, отзывчивый человек.

Невозможно не отметить то, что в Надежде Ивановне удивительно сочетаются принципиальность и большое человеческое понимание, строгость, требовательность Учителя и мягкость, чуткость наставника.

Светлая, добрая память о дорогой Надежде Ивановне Гайнуллиной останется в наших сердцах».

Мыслями об особом стиле работы, особом образе жизни Надежды Ивановны как профессионала самого высокого уровня делится в своих воспоминаниях ее ученица Ольга Федоровна Кучеренко (Казахстан, г. Караганда, Карагандинский государственный медицинский университет):

«Знакомство с Надеждой Ивановной началось в самом конце 90-х, когда она первый раз приехала в Карагандинский государственный университет им. Е.А. Букетова в качестве председателя ГЭК. Ученый масштаба Н.И. Гайнуллиной мог бы формально исполнить функции приглашенного эксперта в оценке знаний. Но Надежда Ивановна внимательно и максимально доброжелательно вникала в ответы будущих бакалавров и магистрантов, увлеченно обсуждала их дипломные проекты, составляла все отчетные документы, взяв на себя даже техническую часть работы. Со временем мы убедились, что это не особенное поведение Надежды Ивановны, а стиль ее работы, образ жизни. Профессионал самого высокого уровня, успешный ученый и педагог, талантливый руководитель, добрейшей души человек, самозабвенная мама и бабушка — такой останется она в памяти друзей, коллег и учеников».

В своих размышлениях профессор Валентин Сергеевич Ли, профессор Айнакуль Бектасовна Туманова (Казахстан, г. Алматы, КазНУ им. аль-Фараби) приводят данные из биографии и отмечают характерные черты личности Надежды Ивановны как Человека с большой буквы, как руководителя, как наставника:

«Надежда Ивановна Гайнуллина пришла на кафедру русской филологии Казахского государственного университета им. С.М. Кирова сразу после его окончания, в 1966 году. Эта запись о приеме на работу в КазГУ была и осталась единственной в ее трудовой книжке. И в этом проявляется важная черта ее характера и жизненное кредо — верность. Верность семье, верность профессии, верность науке, коллегам, друзьям, ученикам — всему, к чему бы она ни прикасалась.

С первых дней работы Надежда Ивановна органично влилась в коллектив и в жизнь кафедры, в составе которой работали талантливые ученые и педагоги: Хайрулла Хабибулович Махмудов, Халаби Мухитович Сайкиев, Василий Михайлович Никитевич, Александра Христофоровна Мищенко, Валентина Семеновна Михайлова, Николай Алексеевич Кока, Леонид Петрович Ефремов, Владимир Петрович Барчунов, Рашида Садыровна Зуева, Евгений Алексеевич Плахин, Валентина Ивановна Акимова, Галина Федоровна Булгакова, Валентина Айтешевна Исенгалиева, Галина Васильевна Ким и др. Спустя годы Надежда Ивановна Гайнуллина возглавила кафедру русской филологии, она проявила себя на этом поприще прекрасным администратором, умным, чутким, профессиональным.

Надежда Ивановна активно пропагандировала научные достижения — свои и кафедры: выступала с докладами на республиканских и международных конференциях, проводимых в Алма-Ате (ныне — Алматы), Астане, Павлодаре, Кокшетау, Караганде и др. (Казахстан), Москве, Ленинграде (ныне — Санкт-Петербурге), Тамбове, Нижнем Новгороде и др. (Россия), в Киеве, Ялте (Украина), в Бишкеке (Кыргызстан) и др.

Заслуги Надежды Ивановны перед наукой и образованием отмечены званиями “Заслуженный деятель Республики Казахстан”, “Отличник народного просвещения Казахской ССР”, “Почетный работник образования РК”, “Почетный

заведующий кафедрой КазНУ им. аль-Фараби», а также серебряной медалью аль-Фараби».

Все, кто знал Надежду Ивановну лично, едины в мнении о том, что ее отличительным качеством является высокий профессионализм. Профессионализм проявлялся во всем, чем бы она ни занималась: преподаванием, научной деятельностью, научным руководством, управлением людьми и процессами. Кроме этого, все отмечают такие черты ее характера, как чуткость и удивительное чувство такта: вовремя разглядеть проблему, чтобы помочь, уметь помочь так, чтобы не обидеть, выслушать и услышать другого.

Как человек творческий, ищущий, неравнодушный, Надежда Ивановна превращала в жизнь свои научные идеи и научные предпочтения посредством руководства многочисленными научными исследованиями своих учеников: бакалавров-дипломников, выпускников-магистрантов, аспирантов и докторантов. Порою просто дарила своим подопечным, идущим ее научной тропой, интересные и совершенно новые идеи...»

Круг научных интересов Н.И. Гайнуллиной необычайно широк: актуальные проблемы современного русского языка, истории русского литературного языка, вопросы семасиологии, этимологии, лингвокультурологии, прагмалингвистике, исследование диахронии и синхронии языка, анализ категории языковой личности (исторический, диахронический аспект) и многие другие.

Надежда Ивановна и ее последователи занимались разработкой оригинальной концепции языковой личности в истории русского литературного языка и его проблемами в синхронии и диахронии, установлением новых современных лингвистических парадигм и др.

За свой длительный и плодотворный путь научного наставника Надежда Ивановна Гайнуллина подготовила шесть докторов (Т.В. Шевякова, Л.Т. Килевая, В.С. Ли, А.Б. Туманова, Л. Мирзоева, М.К. Пак) и 12 кандидатов наук (О.А. Кононенко, П.А. Семенов, Д.С. Ташимханова, Э.Р. Когай, Е.Ю. Крутова, И.Ю. Юрицына, Е.В. Тюкачева, Н.Е. Савчиц, О.Ф. Кучеренко, А.Б. Смагулова, Е.В. Андрейченко, С.А. Емельянов).

Коллеги и соратники, ученики и последователи Надежды Ивановны Гайнуллиной выражают твердую уверенность в том, что научные труды и научные идеи профессора Гайнуллиной являются весомым вкладом в современную филологическую науку и принесут неопределимую пользу в научных исследованиях еще одному поколению специалистов и молодых ученых.

© Туманова А.Б., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 10.01.2019

Для цитирования:

Туманова А.Б. «Ничто на земле не проходит бесследно»: памяти Н.И. Гайнуллиной // Полилингвистичность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 125–131. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-125-131

Сведения об авторе:

Туманова Айнакуль Бектасовна — доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и мировой литературы Казахского национального университета им. аль-Фараби. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

Nadezhda Ivanovna Gainullina: In Memoriam

A.B. Tumanova

Kazakh National University of al-Farabi
al-Farabi str., 71, Almaty, 050040, Kazakhstan

The article is written in memory of an outstanding philologist and an amazing person — Doctor of Philology, Professor Nadezhda Ivanovna Gainullina. The text does not have one author; it is a polyglossia of memories and impressions about the Person, who for many years set the standards of higher education of the Republic of Kazakhstan. As an application, the reader is offered a list of works protected under the guidance of N.I. Gainullina. This is a kind of navigation map on modern lexicology of Kazakhstan, which can be useful to anyone who explores the state of the Russian language in the post-Soviet space.

Article history:

Received: 10.01.2019

For citation:

Tumanova, A.B. 2019. “Nadezhda Ivanovna Gainullina: In Memoriam”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 125–131. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-125-131

Bio Notes:

Ainakul B. Tumanova is a Doctor in Philology, Professor of the Department of Russian Philology and World Literature of the Kazakh National University of al-Farabi. E-mail: a.tumanova@inbox.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-132-135

**«Внутри мыслящих миров»:
рецензия на сборник материалов
Международной научно-практической конференции
«Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование».
Москва: РУДН, 2018. 448 с.**

Ш.А. Кулиева

Российский университет дружбы народов
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Настоящая рецензия — отклик на сборник материалов конференции «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование», состоявшейся в Москве 7—8 декабря 2018 года. Автор дает бриф-анализ основным теоретическим работам сборника и пытается вывести главные научные тренды, обозначенные в процессе выступления докладчиков.

Ключевые слова: конференция, МАПРЯЛ, билингвизм, транслингвизм, полилингвизм, языковое образование

Конференция, посвященная вопросам билингвизма и языкового образования, проходит в РУДН уже в четвертый раз. Знаменательно, что это событие разворачивается под эгидой МАПРЯЛ, что свидетельствует как о его высоком статусе, так и об особой миссии, возлагаемой на участников: прокладывать русскому языку, в каких бы проявлениях он ни предстал, различные пути развития.

Каждый год организаторы предлагают нам по-новому взглянуть на обсуждаемые проблемы, чтобы их (проблем) «фасеточное восприятие» усовершенствовалось в конечном счете самой исследовательской оптикой.

Я не случайно назвала свою рецензию «Внутри мыслящих миров», апеллируя к знаменитому труду Ю.М. Лотмана. Этот же прецедентный текст звучал во вступительной речи профессора В.П. Синякина, который предлагал нам исследовать тему полилингвильности с позиции широкой семиотики. Что есть мыслящий мир, если не Человек — Творящий и Действующий — в языке и вне его?

Мы живем внутри семиотической толщи, не улавливая броуновское движение разнозаряженных частиц вокруг нас. Тем временем они приобретают поразительные и небывалые формы. У знаменитого писателя Михаэля Энде есть книга «Бесконечная история», в которой представлен персонаж Эргамуль Многий. Каждые несколько секунд Эргамуль — единое существо в мирадах и мирадах крошечных воплощений — принимает новую форму, распадается, воссоздает себя заново из себя же. Не есть ли это метафора нашего мира, полилингвильность, решительная невозможность завершенной формы? Это философские вопросы, но каждая большая конференция есть философский пир и эпистемологическая одиссея.

Сборник конференции, названной в ушедшем году «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование» — текст-форум (в изначальном позднеантичном понимании форума). Он логически разделен на пять магистральных разделов, каждый из которых освещает свой круг вопросов. **Первый раздел** посвящен глобальной проблеме — русско-инонациональному художественному билингвизму — от теоретических аспектов до методики преподавания русскоязычной литературы в школе. Попытаемся кратко охарактеризовать формирующие данный раздел статьи.

Материал Г.Т. Хухуни и И.И. Валуйцевой «Траслингвизм, транскультуральность и этнокультурная идентичность: комплементарность или конфликтность?» — важное теоретическое вступление к разделу, в котором подробно проанализированы как конструктивные, так и негативные в социолингвистическом плане аспекты би-, поли-, транслингвизма. Авторы анализируют актуальную научную периодику и пытаются посмотреть на проблему панорамно. Они учитывают не только поступательное движение общества, обеспечиваемое многоязычием, но и возможное размывание языковой нормы, семилингвизм, общую коммуникативную «несостоятельность» отдельных билингвов в случае отсутствия благоприятной для их развития среды. Важная ремарка дана к билингвизму художественному; авторы настаивают на том, что каждый случай творческой языковой биографии индивидуален, а потому говорить о тенденциях в отношении креативного би-, полилингвального социума не целесообразно.

Теоретическое развитие проблемы продолжает статья профессора М. Джусупова, который на примере избранных текстов О. Сулейменова демонстрирует действие механизмов экспликации и импликации кодов, принадлежащих разным культурным традициям в пределах русскоязычного текста («Билингвизм, транслингвизм, художественный текст (теория и практика)»). Автор приходит к выводу, что транслингвальный текст является стимулятором к изучению неродного языка.

Статья В.Р. Аминовой «Венок дикорастущих сонетов» Р. Бухараева: пути самоидентификации лирического субъекта» рассказывает об уникальном случае творческого многоязычия писателя и поэта, которое генерирует новую знаковую реальность как автора, так и лирического субъекта, на базе нескольких языков: татарского, русского, английского, венгерского.

Тема диалога культур, стоит отметить, является «сюжетообразующей» для всего раздела: об этом, например, статья А.В. Масловой. Несколько важных, с нашей точки зрения, работ посвящены проблемам языковой и культурной идентичности (см., например, статьи Ибрагимова М.И. «Идентичность русскоязычных писателей-татар», Салхановой Ж.Х., Утебековой А.С. «Трансформация национально-го самосознания билингвальных авторов» и т.д.).

Серия статей посвящена в сборнике памяти Учителя — выдающегося писателя Ч.Т. Айтматова. Авторы с разных позиций осмысливают художественную космогонию писателя — это и дешифровка архетипических и символических комплексов, а анализ мотивно-сюжетной структуры романов (статьи А. Смирновой, А. Тумановой и Б. Джолдасбековой).

Не менее значим **второй раздел** сборника — «Формирование образов языкового сознания в процессе обучения русскому языку и литературе. Детский би-, поли-, транслингвизм (русский язык как унаследованный, формируемый, приобретенный). Инновационные подходы к проведению психолингвистических исследований. Экспериментальные исследования особенностей этноязыкового сознания».

Так, интродуктивную функцию берет на себя статья Н.В. Уфимцевой «Особенности языкового сознания билингва (русско-инонациональный билингвизм)». Как и в предыдущем разделе, исследователи уделяют большое внимание проблеме культурной идентичности (см. статьи Медведевой Н.В., Куцаевой М.В. и др.), теоретическим вопросам билингвизма, изучению его природы и особенностей. Показательно, что активно развивается направление, заданное в свое время Вяч. Ивановым, Л.П. Крысиным, Т.П. Млечко, У.М. Бахтикиреевой, — осмысление опыта частной языковой биографии (работы Н.Ш. Александровой, Н.В. Щенниковой, Л.Н. Анипкиной).

Третий раздел знакомит читателя с проблемой «Язык — Общество». На обсуждение вынесены такие темы, как языковая ситуация в России и СНГ, языковая политика и проблемы языкового планирования, способы языковой кодировки в русском и других национальных языках.

Авторы (например, М.А. Марусенко) полагают, что мы являемся свидетелями изменения парадигмы мировой языковой политики. В разделе присутствуют «кейсы» отдельных государств: Казахстана (О.В. Сюрмен, Л.Ю. Мирзоева, М. Сюрмен «Отношение к языкам в рамках развития полиязычия в Республике Казахстан»), Монголии (С. Эрдэнэмаам «Роль русского языка в формировании образа России в монгольском обществе»), Таджикистана (М.Б. Нагзибекова, Ф.А. Собирова «Освоение русско-интернациональной лексики в таджикском языке»). Практическая ценность выводов несомненна: все они имеют прикладной характер.

Особую благодарность я хотела бы выразить организаторам конференции и составителю сборника — У.М. Бахтикиреевой — за **четвертый раздел**, посвященный памяти Учителей — Питирима Сорокина, Геннадия Прокопьевича Мельникова, Георгия Дмитриевича Гачева и всем тем Личностям, без вклада которых современное языкознание было бы трудно представить.

Пятый раздел сосредоточен на вопросах теории и методики преподавания РКИ, в частности, новейших методиках, тестировании, подготовке преподавателей к работе в билингвальной аудитории.

Не вызывает сомнения, что темы, прозвучавшие на конференции и представленные в сборнике, актуальны в условиях постоянных миграционных потоков внутри России. Взаимоадаптация различных языков, культур, менталитетов ставит перед нами вопрос о формировании социума нового типа. Готовы ли мы существовать в таком социуме без конфронтационного «импульса»? Об этом рассуждают писатели и педагоги, призванные ввести в «дивный новый мир» детерриторизированных индивидов (М. Тлостанова) и детей «без определенного этнического гнезда» (М. Швыдкой).

© Кулиева Ш.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 05.01.2019

Модератор: В.П. Синячкин

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования:

Кулиева Ш.А. «Внутри мыслящих миров»: рецензия на сборник материалов Международной научно-практической конференции «Би-, поли-, транслингвизм и языковое образование». // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 132–135. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-132-135

Сведения об авторе:

Кулиева Шекер Авдыевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов. E-mail: shekkul@mail.ru

**“Within the Thinking Worlds”: Feedback on “Bi-, Poly-,
Translingualism and Language Education”.
2018. Moscow: PFUR. 448 p.**

Sh.A. Kulieva

Peoples' Friendship University of Russia
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, 117198, Russian Federation

This review is a response to the collection of materials of the Conference “Bi-, Poly-, Translingualism and Language Education”, held in Moscow on December 7–8, 2018. The author gives a brief analysis of the main theoretical works of the Proceedings and tries to derive the main scientific trends identified in the process of the speakers' presentations.

Key words: conference, World Association of Teachers of Russian and Literature, bilingualism, translanguing, multilingualism, language education

Article history:

Received: 05.01.2019

Moderator: V.P. Sinyachkin

Conflict of interests: none

For citation:

Kulieva, Sh.A. 2019. “Within the Thinking Worlds”: Feedback on “Bi-, Poly-, Translingualism and Language Education”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 132–135. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-132-135

Bio Note:

Sheker A. Kulieva is a Candidate in History, Docent of the Department of Foreign Languages Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia. E-mail: shekkul@mail.ru

DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-136-138

**Региональный методический семинар
«Зимние чтения — 2019»
1—2 февраля 2019 г. Владивосток**

Т.А. Лупачёва

*Дальневосточный федеральный университет
Российская Федерация, 690091, Владивосток, ул. Суханова, 8*

1—2 февраля 2019 года состоялся региональный методический семинар «Зимние чтения — 2019», организованный Дальневосточной общественной организацией преподавателей английского языка совместно с Восточным институтом—школой региональных и международных исследований Дальневосточного федерального университета. Данный семинар проводится уже более 10 лет и ставит своей целью повышение квалификации преподавателей английского языка вузов и школ Дальнего Востока, обмен опытом работы, объединение коллег по интересам, стимулирование совместных проектов, выявление преподавателей-новаторов. В 2019 году в семинаре приняли участие 176 преподавателей из Владивостока, Хабаровска, Уссурийска, Находки, Артема, Комсомольска-на-Амуре, с. Хороль, пгт. Ярославский, с. Поповка.

В этом году организаторы предложили участникам семинара обширную и разнообразную программу лекций, презентаций, мастер-классов. Пленарное заседание началось с выступления доктора филологических наук, профессора кафедры русского языка и межкультурной коммуникации РУДН У.М. Бахтикиреевой, посвященного межкультурной коммуникации в художественном измерении. Профессор У.М. Бахтикиреева поделилась своим опытом преподавания дисциплины «Межкультурная коммуникация» в русле творчества современных билингвальных и транслингвальных авторов, а также применения творческого письма на занятиях. Продолжилось пленарное заседание презентацией “Developing productive skills at B2-C1 levels”, которую провела Клэр Барнс, специалист по Кэмбриджским экзаменам. Докладчица подробно остановилась на методах выработки у студентов продуктивных навыков (говорения и письма). В конце первого дня Клэр Барнс (Claire Barnes) провела мастер-класс по оцениванию продуктивных навыков у студентов, владеющих английским языком на уровнях B2-C1.

Большинство остальных презентаций проводилось параллельно, участники семинара имели возможность выбрать, на какой именно презентации они хотели бы побывать. В программе удалось органично объединить интересы преподавателей английского языка различных уровней (дошкольного, школьного, вузовского). Доценты Академического департамента английского языка ДВФУ (Вла-

дивосток) С.С. Ильина, Л.К. Науменко и Т.В. Винокурова провели мастер-класс «Листая страницы грамматики...», который построили на основе собственного учебно-методического пособия. Старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ДВФУ (Владивосток) Д.А. Марков на своем мастер-классе привлек внимание участников к интерактивным возможностям инструментов GoogleForms и PowerPoint для автоматизации работы с большим количеством обучающихся. Преподаватели на практике попробовали использовать эти инструменты на персональных компьютерах и смартфонах для создания и проверки тестов, анимации презентаций. Т.Г. Соколова, ведущий методист компании «ООО Лэнгвидж. Просвещение» (Москва), провела две презентации, одну из которых посвятила созданию высокоэффективной среды для обучения иностранным языкам, а другую — развитию коммуникативных навыков в аутентичном бизнес-контексте. Региональный менеджер издательства “Pearson” Н.С. Платова (Санкт-Петербург) также предложила участникам семинара две презентации «В фокусе — результат» и “Using blended learning solutions and online materials in teaching English”. Презентация преподавателей кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ДВФУ (Владивосток) Т.А. Иванковой, Ю.А. Польшиной и А.В. Руснак “Locate, evaluate, communicate: pump up your information literacy skills” показала, как важна в современном мире информационная грамотность. Докладчики ответили на вопросы аудитории и уделили особое внимание упражнениям, направленным на закрепление приобретенных навыков и качества исследовательских работ школьников и студентов.

Методический семинар «Зимние чтения» отличается от подобных мероприятий тем, что зачастую не опытные методисты и маститые профессора делятся с участниками знаниями, а педагоги-новаторы, неравнодушные учителя делятся своими наработками с коллегами. Крайне актуальным для учителей общеобразовательных школ оказался мастер-класс учителей СОШ № 7 и № 9 г. Находка О.А. Сафроновой и Т.В. Ищенко, посвященный коллективному обучению как эффективному методу подготовки к сдаче ОГЭ и ЕГЭ по английскому языку. Учитель гимназии ДВФУ (Владивосток) Н.А. Щукина рассказала коллегам об опыте гимназии в проведении ежегодной школьной конференции как альтернативе предметной неделе, поделилась разработками и материалами. Старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации ДВГУПС (Хабаровск) Т.Н. Тагирова поделилась опытом в презентации «Международная летняя школа ДВГУПС: опыт использования английского в качестве языка обучения в рамках многонационального профессионального образовательного сообщества».

Как известно, повышение квалификации преподавателя невозможно без повышения общекультурного уровня. Региональный семинар «Зимние чтения» предоставляет и такую возможность. Доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ДВФУ (Владивосток) Е.М. Бутенина прочитала лекцию «Нью-йоркский текст русско-американской прозы», а педагог-психолог, руководитель Центра образовательных технологий «Дела» (Владивосток) С.В. Нападий провел беседу о конфликтах в работе педагога.

Отличительной чертой семинара являются круглые столы по актуальным вопросам, интересующим преподавателей различных учебных заведений. Преподаватели узкопрофессиональных вузов собрались на круглый стол “Use of authentic materials in ESP classroom”, модератором которого стала доцент Дальрыбвтуза (Владивосток) Н.В. Бородина. Еще одной специфической формой работы на семинаре является круглый стол “ShareFair”, который традиционно модератором профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации ДВФУ (Владивосток) М.Н. Рассоха. Формат этого круглого стола предполагает десятиминутные выступления участников с практическими разработками, упражнениями и методиками, успешно прошедшими апробацию во время занятий. При этом аудитория задает вопросы, комментирует, предлагает свои решения.

Организаторы регионального методического семинара «Зимние чтения — 2019» выражают огромную признательность всем докладчикам и всем участникам за настоящий праздник профессионального и человеческого общения, за новые идеи и вдохновение!

© Лупачёва Т.А., 2019

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

Для цитирования:

Лупачёва Т.А. Региональный методический семинар «Зимние чтения — 2019» // Полилингвильность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 1. С. 136—138. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-136-138

Сведения об авторе:

Лупачёва Татьяна Александровна — кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного федерального университета, Владивосток, Россия. E-mail: lupachyova@yandex.ru

Regional Methodical Seminar “Winter Readings — 2019”

T.A. Lupachyova

Far Eastern Federal University
8, Sukhanova str., Vladivostok, 690091, Russian Federation

For citation:

Lupachyova, T.A. 2019. “Regional Methodical Seminar «Winter Readings — 2019»”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 16 (1), 136—138. DOI 10.22363/2618-897X-2019-16-1-136-138

Bio Note:

Tatiana A. Lupachyova is a Candidate in Philology at the Department of Linguistics and Intercultural Communication of Far-East State University. E-mail: lupachyova@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Научный журнал «Полилингвистичность и транскультурные практики» публикует статьи, доклады и сообщения как известных российских и зарубежных ученых, так и молодых специалистов, докторантов и аспирантов, а также рецензии, обзоры, информацию о научных проектах. Материалы публикуются на русском и английском языках. Журнал выходит 4 раза в год.

<http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

<http://ru-rudn-ru.lgb.ru/node/2>

Внимание! Редколлегия принимает статьи аспирантов и докторантов только при наличии рецензии на статью от научного руководителя, отчета из системы «Антиплагиат ВУЗ» (оригинальность текста не менее 87%), заявления.

Каждая статья проходит **анонимное (внешнее) рецензирование**. Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензентов, в число которых входят как российские, так и зарубежные ученые.

После принятия редколлегией серии решения о возможности публикации статьи ответственный секретарь серии информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

Обязательна подписка на журнал как минимум на полугодие (журнал выходит 4 раза в год) по *каталогу Роспечати, индекс журнала — 20830*.

Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегия

1. Блок 1 — на языке статьи: название статьи; ФИО автора(ов); адресные данные авторов (организация(и), адрес организации(й), авторское резюме; ключевые слова.

2. Блок 2 — полный текст статьи.

3. Блок 3 — список литературы на русском языке («Список литературы»), оформленный по ГОСТ Р 7.0.5-2008 (факультативен для публикаций на иностранном языке).

4. Блок 4 — информация Блока 1 в романском алфавите (если статья на русском языке) или на русском языке (если статья на английском) (транслитерация и перевод соответствующих данных) в той же последовательности: заглавие (перевод), ФИО авторов (транслитерация); название организации (перевод), адрес организации (транслитерация + перевод), аннотация (перевод), ключевые слова (перевод).

5. Блок 5 — список литературы в латинском алфавите (транслитерация + перевод) (“REFERENCES”). Если список литературы по п. 3 представлен в латинском алфавите, блок 5 не требуется.

6. Блок 6 — сведения об авторе/авторах статьи должны быть представлены в конце рукописи и содержать следующую информацию: ФИО полностью, (при наличии) ученая степень и ученое звание, должность, место работы, (при наличии) названия 2-3 важных научных работ, электронная почта.

Авторские резюме (аннотации) должны быть: 1) информативными (не содержать общих слов); 2) оригинальными (не быть дословным переводом); 3) содержательными (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); 4) структурированными (следовать логике статьи); 5) «англоязычными» (написаны стандартным английским языком); компактными (объем текста авторского резюме определяется содержанием публикации (объемом сведений, их научной ценностью и/или практическим значением), но не менее 700 знаков.

Резюме должно сопровождаться несколькими ключевыми словами или словосочетаниями, отражающими основную тематику статьи и облегчающими классификацию работы в компьютерных поисковых системах (не больше 100 знаков, включая пробелы (ограничение для e-library)).

Ссылки на источники даются в виде алфавитного списка литературы с нумерацией после текста. Сначала идут источники на русском, затем на иностранных языках. В самом тексте (после цитирования) информация об источнике приводится в квадратных скобках с указанием номера по списку.

Поля страницы: 2 см; размер бумаги А4 (210×297 мм); шрифт “Times New Roman”, кегль — 12; межстрочный интервал — 1,5.

Объем рукописи до 20 000 знаков, в отдельных случаях до 40 000 знаков.

Примечания в тексте статьи приводятся в постраничных ссылках и должны иметь сквозную нумерацию.

Транслитерация. На сайте <http://www.translit.ru> размещена программа транслитерации русского текста в латиницу. Для транслитерации литературы следует пользоваться вариантами без обозначений твердого и мягкого знака.

Адрес страницы на сайте рецензируемого научного издания в сети «Интернет», где размещены правила направления, рецензирования и опубликования научных статей: <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

Адрес страницы «Полилингвильность и транскультурные практики» на сайте «Электронной научной библиотеки “ELibrary.ru”» http://elibrary.ru/title_about.asp?id=11968

Адрес эл. почты: Bulletin.LanguageTeaching@yandex.ru

Доп. адреса: sinyachkin_vp@rudn.university; bakhtikireeva_um@pfur.ru

Благодарим за сотрудничество!

INFORMATION FOR AUTHORS

The journal “Polylinguality and Transcultural Practices” welcomes research articles, book reviews, literature overviews, and research project announcements by experts in the field and young scholars. The editors are open to thematic issue initiatives with guest editors. The languages of publication are Russian, English French, German, Spanish. The journal publishes 4 issues a year.

Submission Requirements

Manuscripts should be submitted as WORD files online at edulangjournalrudn@pfur.ru

The submission should include 700 to 1000 word abstract, 6 to 8 key words and a cover sheet with the following information: Name of the author(s), affiliation, title, degree, telephone and email address. A manuscript should not exceed 30,000—40,000 characters with spaces, including bibliography and footnotes. The recommended font is Times New Roman, 12-point with line spacing 1.5.

Submissions are subject to blind review by two experts in the field. Authors who wish to receive the journal issue with their publication should commit themselves to 1-year-long subscription to the journal.

Further information and submission guidelines can be found at <http://193.232.218.56/web-local/fak/rj/index.php?id=23&p=147>

AUTHORS GUIDELINES

The articles submitted to the editorial board undergo a reviewing procedure.

The volume of the article should not exceed 1 publication base (40 000 printable characters). No more than three illustrations, diagrams or schemes can be placed within the article.

The article should be e-mailed in English or in Russian with abstract & keywords both in English and Russian.

The following are the requirements for manuscripts submitted to the editorial board.

1. The materials submitted to the editorial board must be presented in electronic and in print format. The text-based editor is Word. The materials should be signed by the author on the title page near the name of the author.

2. The title page of the article must contain the complex of the elements located on the page in the following order. At the top of the page the title of the article is printed in capital letters bold font. Surnames of the authors follow the heading and are printed by lower case letters.

3. References should follow the body of the text in alphabetical order, first the sources in Russian language, then the sources in foreign languages. References to the cited sources, and notes should be incorporated in the text of the article, after the quotation in square brackets, with the number from the list of references. Bibliographical description of the

source in the list of references is implemented in accordance with the rules of GOST 7.0.5-2008. Font and line spacing, is the same as in the article.

4. Margins: top — 2 cm; bottom — 2 cm; left — 2 cm; right — 2 cm; the size of a paper — A4 (210×297 mm); font «Times New Roman» № 12; line spacing — 1.5.

5. Notes and quotations incorporated in the body of the text should be numbered consecutively.

6. Materials without substantiated research support or not corresponding to the rules mentioned higher will not be considered.

7. The following data about the author should be attached to the manuscript: first name, middle name initial, last name, academic degree, academic title, place of employment, postal address, work address, home address, office phone number, home telephone number, fax, e-mail.

8. A short abstract of the article in Russian and English, the title of the article in English and the list of key words (no more than 15) are to be attached.

9. Please address the materials to the following address: FGBOU VPO Peoples' Friendship University of Russia, *Miklukho-Maklaya str., 10 A, Moscow, Russia, 117198*
Editorial board of the journal "Polylinguality and Transcultural Practices"
E-mail: edulangjournalrudn@pfur.ru

We look forward to your submissions!

Требования к оформлению статей

<p>О СТИЛЕ ЦИТИРОВАНИЯ</p>	<p>Уважаемые авторы! С 1 номера 2018 года наш журнал переходит к стилю MLA в оформлении библиографических данных. Это касается, в первую очередь, структурного блока REFERENCES, который будет формироваться в соответствии с Руководством указанного стиля. Внутри текста мы сохраняем сквозное (последовательное) цитирование, помещая ссылку на источник в квадратные скобки с указанием его порядкового номера и страницы: [1. С. 432], [2. Р. 67]. Более подробную информацию Вы можете получить по ссылке http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p> <p>В таблице представлены образцы оформления РУССКОЯЗЫЧНЫХ ИСТОЧНИКОВ в блоке REFERENCES (Примечание: РУССКОЯЗЫЧНЫЙ СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ОФОРМЛЯЕТСЯ В СООТВЕТСТВИИ С ГОСТ).</p> <p>Обратите внимание, что в русскоязычном списке указывается количество страниц (для книги) и номеров страниц (для журнала), а для REFERENCES эта информация факультативна; однако для стиля MLA важно указание о том, печатная или электронная книга представлена (Print/Web), а также данные о языке оригинала (in Russ.).</p> <p>MLA-ФОРМУЛА: №. Фамилия, И.О. Год. Транслитерированное название источника [Перевод названия на английский]. Город (полностью, без аббревиации): Издательство. Печ./эл. (язык оригинала).</p>	
<p>КНИГА ОДНОГО АВТОРА</p>	<p>Список литературы</p>	<p>References</p>
	<p><i>Лотман М.Ю.</i> Внутри мыслящих миров. М.: Азбука-Классика, 2016. 448 с.</p>	<p>Lotman, M. Yu. 2016. Vnutri myslyashchikh mirov [Inside the Thinking Worlds]. Moscow: Azbuka-Klassika. Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА БОЛЕЕ ДВУХ АВТОРОВ</p>	<p><i>Маслова В.А., Пименова М.В.</i> Коды лингвокультуры. М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. 180 с.</p>	<p>Maslova, V.A., and M.V. Pimenova. 2016. Kody lingvokul'tury [Codes of Linguoculture]. Moscow: FLINTA: Nauka. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕИЗДАННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Жолковский А.К.</i> Блуждающие сны: статьи разных лет. 3-е изд. СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 512 с.</p>	<p>Zholkovskii, A.K. 2016. Bluzhdayushchie sny: stat'i raznykh let [Wandering Dreams: Articles of Different Years]. 3-rd ed. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2016. Print. (in Russ.)</p>
<p>ГЛАВА В КНИГЕ</p>	<p><i>Эсалнек А.Я.</i> Архетип. Введение в литературоведение. М.: Издательский центр «Академия», 2012. 720 с. С. 345—359.</p>	<p>Esalnek, A.Ya. 2012. "Arkhetip" ["Archetype"]. In Vvedenie v literaturovedenie [Introduction to Literary Criticism], edited by L.V. Chernets, 345—359. Moscow: Izdatel'skii tsentr «Akademiya». Print. (in Russ.)</p>
<p>КНИГА ПОД РЕДАКЦИЕЙ</p>	<p>Антология концептов / под. ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. М.: Гнозис, 2007. 512 с.</p>	<p>Karasik, V.I., and I.A. Sternin, eds. 2007. Antologiya kontseptov [Anthology of Concepts]. Moscow: Gnozis. Print. (in Russ.)</p>
<p>ПЕРЕВЕДЕННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Чиксентмихайи М.</i> Поток. Психология оптимального переживания / пер. с англ. М.: Смысл, 2013. 461 с.</p>	<p>Chiksentmikhaii, M. 2013. Potok [Flow]. Translated by E.Perova. Moscow: Smysl. Print. (in Russ.)</p>
<p>ЭЛЕКТРОННАЯ КНИГА</p>	<p><i>Тлостанова М.В.</i> От философии мультикультурализма к философии транскультурации. М.: РУДН, 2008. 251 с. [электронный ресурс]. URL: XXXXXXXXXXXXXXXX (дата обращения: 00.00.00.)</p>	<p>Tlostanova, M.V. 2008. Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turatsii [From Multicultural Philosophy to the Philosophy of Transculturation]. Moscow: RUDN. http://XXXXXXXXXXXXX. Web. (in Russ.)</p>
<p>СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ</p>	<p><i>Муранска Н.</i> Словацкая поэзия в русских переводах // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 1. С. 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109</p>	<p>Muranska, N. 2017. "Slovatskaya poeziya v russkikh perevodakh" [Slovak Poetry in Russian Translations]. RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices 14 (1): 102—109. doi: 0.22363/2618-897X-2017-14-1-102-109</p>

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ	Если по итогам конференции опубликован Сборник трудов, работа оформляется так же, как статья в журнале. Если работа была представлена на Конференции в устной форме, необходимо указать следующие данные: Бахтикиреева У.М., Валикова О.А. Среди миров // Материалы ежегодной Конференции Науки и Искусства, Болгария (21.07.17. — 30.07.17.)	Bakhtikireeva, U.M., and O.A. Valikova. 2017. "Sredi mirov" [Among the Wor(l)ds]. Paper presented at the annual meeting for the Science and Arts, Bulgaria, August 21—30.
ИНТЕРНЕТ	Как правило, ссылка на сайт дается ВНУТРИ текста в круглых скобках: (по данным сайта РУДН от 09.03.17, http://www.rudn.ru/). Нет необходимости помещать эти данные в REFERENCES/СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ. В случае, если Вы ссылаетесь на электронную книгу/журнал, Вы оформляете их по образцам, представленным выше.	
ПЕРИОДИКА	Ссылка на информацию из газет и журналов приводится ВНУТРИ текста в круглых скобках: — «ЦИТАТА ИЗ ГАЗЕТЫ/ЖУРНАЛА» (PSYCHOLOGIES, июнь, 2015).	
МЕДИА	Если Вы ссылаетесь на информацию, представленную в форме CD-записи, кинофильма, ролика, пожалуйста, укажите следующее: Автора работы, Год выпуска, Название, Формат: Цветаева М. Лирика. Читает Анна Большова. CD.	Tsvetaeva, M. 2014. Lirika [Lyrics]. Read by Anna Bolshova. Compact disc.
ЗАРУБЕЖНЫЕ ИСТОЧНИКИ (смотрите расширенный список в блоке REFERENCES на англоязычной странице сайта)		
ОДИН АВТОР	Ortiz F. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. 1995	Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.
НЕСКОЛЬКО АВТОРОВ	Garcia O., and L. Wei. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. 2014. Print	Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print
СТАТЬЯ В ЖУРНАЛЕ	Huggan G. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory. Issue 26, vol. 2: 85—105. 2015. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx	Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge". Literature Interpretation Theory 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx

<p>ABOUT THE STYLE OF CITING (MLA)</p>	<p>Beginning with the first issue of 2018, we take as a basis the MLA style for processing bibliographic data. However, instead of the alphabetical list of literature, we continue to use the order of quoting sources in the text (ORDINAL CITATION). Below the rules and examples for REFERENCES are given.</p> <p>For full information on this style, see The Chicago Manual of Style (16th edn) or http://www.chicagomanualofstyle.org/tools_citationguide.html</p>
<p>IN THE TEXT (PLACEMENT)</p>	<p>Sources are cited in the text, usually in square brackets, by ordinal number in the text, and a page number. Full details are given in the Reference list (under the heading References). Place the reference at the appropriate point in the text; normally just before punctuation: [1. P. 34].</p>
<p>REFERENCE LIST</p>	<p>GENERAL PRINCIPLES</p>
<p>ORDER</p>	<p>As the source is mentioned in the text. In the Reference list all cited works are given sequentially:</p> <p>1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Spanish edition. / Transl. into English by Harriet de Onis. New York: Knopf, (1940)1947. Reprint: Durham, NC, and London: Duke University Press Books, USA.</p> <p>IMPORTANT: Please, use the form of the author name as it appears on the title page or head of an article. Typically, the author's name is given in full: Ortiz, Fernando; Kellman, Stephen, etc., but you may also use initials: Ortiz, F.; Kellman, S. Choose only one variant of spelling a name, and use it in the list of References. We kindly ask you not to mix these two types.</p>
<p>PUNCTUATION</p>	<p>Headline-style capitalization is used. In headline style, all major words (nouns, pronouns, verbs, adjectives, adverbs) are capitalized. For non-English titles, use sentence-style capitalization.</p>
<p>BOOK</p>	<p>ONE AUTHOR №. Surname, Name. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web</p> <p>Example: 1. Ortiz, Fernando. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print. OR 1. Ortiz, F. 1995. Cuban Counterpoint: Tobacco and Sugar. Durham, and London: Duke University Press. Print.</p> <p>TWO AUTHORS №. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Garcia, Ofelia, and Lee Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print. OR 1. Garcia, O., and L. Wei. 2014. Translanguaging: Language, Bilingualism and Education. New York: Palgrave Macmillan. Print</p> <p>THREE AUTHORS №. A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. Book Title: The Subtitle. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: 1. Harrison, John, Elizabeth Owl, and Kate Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print. OR 1. Harrison, J., E. Owl., and K. Green. 2012. Book Title: The Subtitle. Abingdon: Routledge. Print.</p>

	<p>ORGANISATION AS AUTHOR:</p> <p>University of Chicago Press. 2012. The Chicago Manual of Style. 16th ed. Chicago: University of Chicago Press.</p> <p>BOOK IS NOT IN ENGLISH:</p> <p>№. Surname, Name. Year. Title in transliteration [Translation into English]. City: Publisher. Print/Web.</p> <p>Example: №. Tlostanova, Madina. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>OR №. Tlostanova, M.V. 2008. <i>Ot filosofii mul'tikul'turalizma k filosofii transkul'turacii</i> [From multiculturalism philosophy to transculturation philosophy]. Moscow: RUDN Press, 2008. Print.</p> <p>ONLINE Cite the online version, include the URL or DOI:</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. doi: xxxxxxxxxxxx.</p> <p>Harrison, John. 2016. Book Title: The Subtitle. Oxford: Clarendon Press. http:// xxxxxxxxxxxx/.</p>
<p>JOURNAL</p>	<p>ONE AUTHOR</p> <p>1. Surname, Name. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi:xxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>1. Huggan, Graham. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Huggan, G. 2015. "Australian Literature, Risk, and the Global Climate Challenge." <i>Literature Interpretation Theory</i> 26 (2): 85—105. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>TWO AUTHORS</p> <p>1. A1 Surname, Name, and A2 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx.</p> <p>Example: 1. Mutekwa Anias, and Musanga Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>OR 1. Mutekwa A., and M. Terrence. 2013. "Subalternizing and Reclaiming Ecocentric Environmental Discourses in Zimbabwean Literature: (Re)reading Doris Lessing's The Grass is Singing and Chenjerai Hove's Ancestors". <i>Interdisciplinary Studies in Literature and Environment</i>. 20 (2): 239—257. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>THREE AUTHORS</p> <p>A1 Surname, Name, A2 Name Surname, and A3 Name Surname. Year. "Article Title: The Subtitle." Journal Title in Full Issue: pages. doi: xxxxxxxxxxxxxxxxxxxx</p> <p>Example: 1. Loginova, Olga, Galina Ivanova, and Aizhan Shakirtova. 2016. «Multicultural Education in the Russian Federation and the Republic of Kazakhstan: General Trends and National Peculiarities». <i>Journal of Education</i> (9): 3301—3312. doi: xxxxxxxxxxxx</p>

ф. СП-1

ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»

АБОНЕМЕНТ на журнал

20830

(индекс издания)

**«Полилингвильность
и транскультурные
практики»**

Количество
комплектов:

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

на журнал

20830

(индекс издания)

ПВ	место	литер

«Полилингвильность

и транскультурные практики»

Стои- мость	подписки	_____ руб. ___ коп.	Количество комплектов:	
	переадресовки	_____ руб. ___ коп.		

на 2019 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)